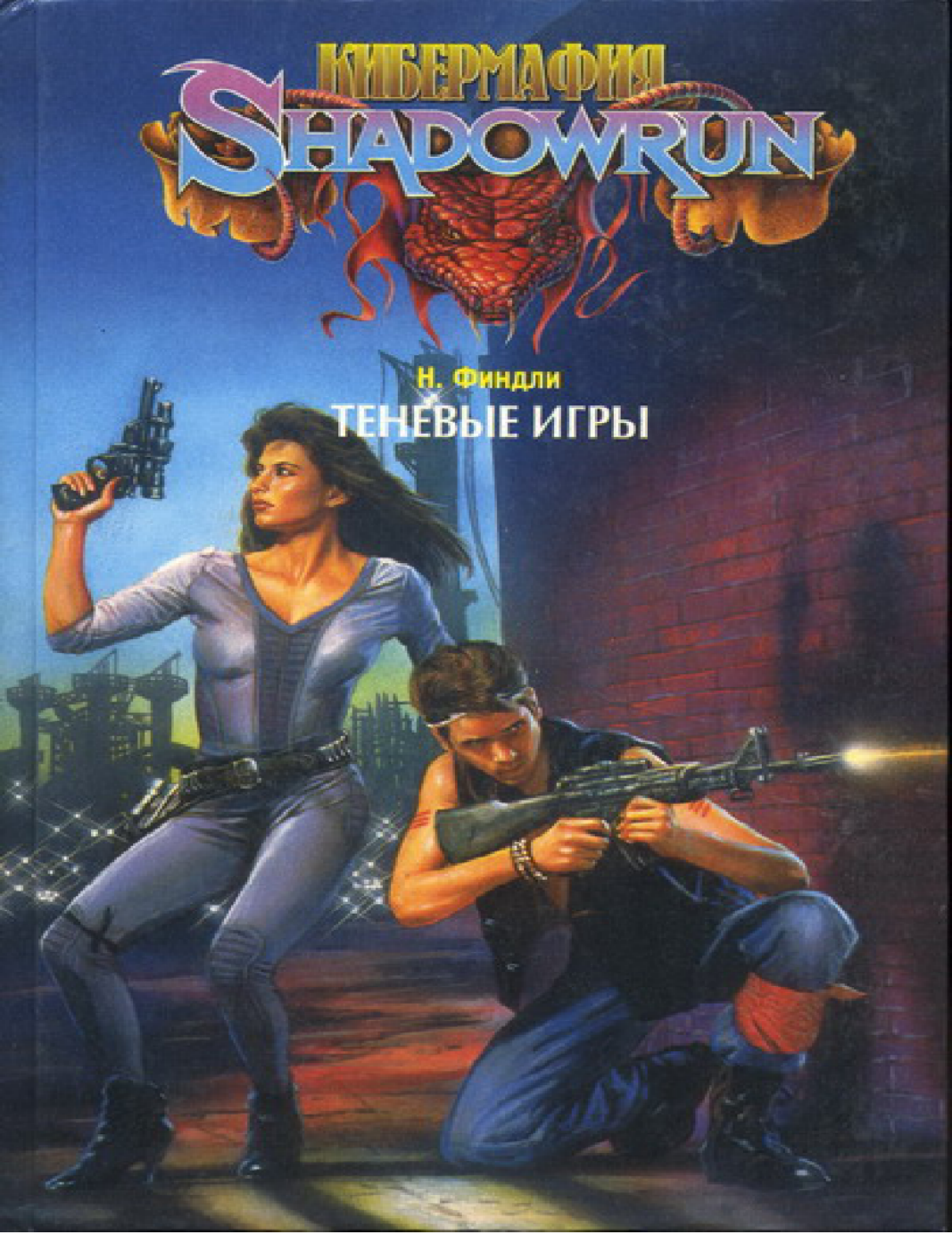
КИБЕРМАФИЯ

SHADOWRUN



Н. Финдли

ТЕНЕВЫЕ ИГРЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга из серии «Кибермафия», написанная по известному компьютерному сериалу Shadowrun.

Зловещий мир 2050-х годов. Правительство признаёт силу Мегакорпораций и разрешает им использовать собственную охрану и собственные части киберпространства. Мир охватил хаос, вызванный мутациями в человеческом организме. На Земле появились тролли, вампиры, гоблины и эльфы. Хакеры и декеры для добычи сведений проходят в сети корпораций. Всё это и многое другое является только фоном для захватывающего сериала о Земле 21 века.

- Найджел Финдли
  -
  - ПРОЛОГ
  - Часть первая
    - ГЛАВА 1
    - ГЛАВА 2
    - ГЛАВА 3
    - ГЛАВА 4
    - ГЛАВА 5
    - ГЛАВА 6
    - ГЛАВА 7
    - ГЛАВА 8
    - ГЛАВА 9
    - ГЛАВА 10
    - ГЛАВА 11
  - Часть вторая
    - ГЛАВА 12
    - ГЛАВА 13
    - ГЛАВА 14
    - ГЛАВА 15
    - ГЛАВА 16
    - ГЛАВА 17
    - ГЛАВА 18
  - Часть третья
    - ГЛАВА 19
    - ГЛАВА 20
    - ГЛАВА 21
    - ГЛАВА 22
    - ГЛАВА 23
    - ГЛАВА 24

        - ГЛАВА 25
        - ГЛАВА 26
        - ГЛАВА 27
        - ГЛАВА 28
        - ГЛАВА 29
        - ГЛАВА 30
        - ГЛАВА 31
        - ГЛАВА 32
        - ГЛАВА 33
    - ЭПИЛОГ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14

Найджел Финдли
«Теневые игры»

ФРЕЙЗЕРУ — А ВЕДЬ НЕПЛОХО ПОЛУЧИЛОСЬ, ПРАВДА?

ПРОЛОГ

Декер,[1] погребенный во льду… Лучше бы такого никогда не видеть!

Все декеры — товарищи, знаете ли. Что-то нас связывает, даже если мы находимся по разные стороны барьера и воюем друг против друга. Все это не в счет, и мы ближе, чем жены, мужья, любовники — да кто угодно. Мы, кому открыты электронные горизонты киберпространства, кто вскрывал линии данных Матрицы, подключал виртуальную реальность прямо к своему мозгу. И тогда все прочие могут катиться…

Как бы там ни было, увидев, что декер погибает, я почувствовал себя дерьмово. Лед — средство защиты от вторжения в файл — уже совсем закрыл парня, и его значок декера смутно виднелся сквозь темные полупрозрачные щупальца. Серебряный светящийся ребенок, вот на что походил его значок. Младенец, пожираемый чудовищем.

Я видел: он умирает. В реальном мире ему сейчас приходил конец. А в Матрице лед подбирался к значку декера, ослабляя его сигналы в кибердек.[2] Фильтры перегружались, вкачивая энергию через гнездо соединителя прямо в мозг декера. А потом… Кто знает, что будет потом? Страшные конвульсии, ломающие кости. Или скачок кровяного давления — и лопается сосуд в мозге. А может, просто остановится сердце, как сейчас. Обратная биосвязь — она убивает быстро и наверняка, не хуже разрывной пули.

Но в Матрице время течет по-иному: здесь оно гораздо быстрее. В Матрице я мог видеть, как все это происходит. Я смотрел, как умирает декер, и решительно ничем не мог ему помочь.

Я включился в информационное ядро корпорации «Яматецу», это здесь, в Сиэтле. Филиал. Для меня это просто пустяк, надо лишь проскользнуть в линию обслуживания пользователей. «Яматецу» продает программы для телекоммуникаций, и одна из их самых сильных сторон состоит вот в чем: если возникли проблемы с продукцией, вы просто соединяете вашу компьютерную систему с системой корпорации через Матрицу, и программы тут же устраняют неисправности — можно даже не прекращать работу. Дьявол, у них в «Яматецу» действительно головы варят!

Вот мне и пришло на ум, что должно быть соединение между системой научно-исследовательского отдела «Яматецу» и локальной телекоммуникационной сетью. Не такое, как у этих варварских компаний, отключающихся от Матрицы. И я

проскользнул через номер службы поддержки пользователей их локальной сети, мягкий, как шелк. Конечно, на первом узле, куда я попал, были некоторые сложности: защитные программы, кое-какие средства слежения и поражения — я миновал их шутя.

И вот я в системе разработок «Яматецу». Еще один узел — и я в главном ядре данных корпорации. Защита здесь примерно такая же, как и везде, — те же барьеры, системы слежения и поражения да еще маленький «приятный» бластер. Я прошел гладко и чисто, и декеры корпорации никогда бы не обнаружили меня, даже если бы перетряхнули весь регистрационный файл. Сейчас я был призраком.

Ну вот, похоже, добрался. Мне было и нужно-то — личные дела персонала. Меня наняли раскопать любую грязь, какую только можно вылить потом на исполнительного вице-президента корпорации, чертову ведьму, по имени Мария Моргенштерн. Конечно, в хранилище персональных файлов пришлось повозиться со слабеньким льдом — я проскользнул через него за миллисекунду. Все шло как обычно.

Я скопировал файл и сбросил его в кристаллы памяти, укрепленные в моей голове. Все. Обязательства по контракту выполнены. Теперь я мог в любой момент выйти из сети с тем, что мне удалось раздобыть.

Однако какого черта? По контракту я должен выложить им Моргенштерн — со всеми ее потрохами. Но ведь я забрался в главное информационное ядро корпорации, которая пользуется заслуженным признанием в мире телекоммуникаций. Кто знает, может, мне удалось бы разжиться чем-то таким, что можно потом толкнуть на черном рынке. По условиям контракта, если я не сорвусь и не подниму тревоги в системах, через которые мне предстоит пройти, то все, что удастся подцепить, — мое. Я и подумал, что стоит пройтись по файлам научно-исследовательского отдела и взглянуть, что там плохо лежит. Я начал выходить из хранилища персональных файлов, стирая следы своего проникновения, и…

И тут увидел декера, Погребенного во льду. Я точно помнил, что его не было на узле, через который я проходил в последний раз. Похоже, он пробивался через другой узел. Черный лед следовал за ним и захватил здесь и сейчас убивал парня на моих глазах.

Я ничем не мог ему помочь — оставалось только смотреть. Черные щупальца обвились вокруг прекрасного серебряного тела и начали сжиматься. Скверная это штука, черный лед. Декер должен выйти из сети, как только заметит его приближение. Уверен, что я бы так и сделал: сразу было видно, что этот лед от

«фабрики айсбергов», а это не фирма, а настоящие бандиты. Их логово в городишке Прово, где-то в Юте. Они — лучшие программисты льда на континенте.

Но этот парень остался в сети, решив, наверное, что у него хватит сноровки справиться со льдом. Не самый удачный выбор. Среди декеров Сиэтла есть отчаянные головы, способные пробиться через черный лед «фабрики айсбергов», но, конечно, серебряный ребенок был не из их числа. Будь он одним из асов, я бы сразу узнал его по значку.

Поэтому мне следовало отвернуться, заняться своими делами или просто выключиться из сети. Но я не мог. Что-то удерживало меня здесь — какое-то нездоровое, зловещее любопытство, заставляющее смотреть, даже когда с души воротит. Я соблюдал безопасное расстояние, так что успел бы добраться до узла, пока лед делал свое дело, но я все же стоял и смотрел.

Серебряный ребенок увидел меня — он поднял на меня свои сияющие глаза. Было ясно: он понимает, что я — не часть убивающей его системы, а кто-то похожий на него — свободный декер. Зритель. Надеюсь, он знал, что я ничем не могу ему помочь. Но каково это — когда кто-то смотрит, как ты умираешь?

Это случилось, когда я повернулся, чтобы наконец выйти из этого узла и на максимально возможной скорости добраться до файлов научно-исследовательского отдела, а потом убраться ко всем чертям. И тут мне показалось, что серебряный мальчик сделал движение. Что-то появилось в его руке — программная структура, похожая на золотое яблоко. Ледяные щупальца душили декера, но все же он смог размахнуться и бросить мне это яблоко.

В первый миг мне показалось, что лед выбросит еще одно щупальце и схватит программу. Но нет, яблоко летело ко мне, и я подхватил его в воздухе.

Как только оно коснулось моего значка, я понял, что это файл данных. Много данных, сотня мегапульсов или больше, несмотря на малый размер структуры. Она была замкнута и защищена паролем. Это чувствовалось сразу. Не этот ли файл, за которым охотился декер, и принес ему смерть?

Я взглянул на декера, но он был уже мертв. Его значок исчез, а это означало, что в реальном мире, где его физическое тело было подключено к кибердеку, он был так же мертв, как кусок говядины. Ледяные щупальца распрямились и поползли в мою сторону.

Я было решил попробовать добраться до файлов научно-исследовательского отдела несмотря ни на что — при достаточной сноровке я мог бы держаться на разумном

расстоянии от льда, но потом передумал. На моих глазах лед поймал серебряного мальчика, отнял у него жизнь. Не хотелось, чтобы то же случилось и со мной.

Иногда осторожность — лучший выбор, и пошло все к черту! Я выключился.

Часть первая
ПРЕЛЮДИЯ К ВОЙНЕ

ГЛАВА 1

9 ноября 2053 года, 20.25

Слай откинулась в кресле. Декер, по имени Луис, лицо которого заполняло чуть не весь экран телекома, только что закончил свою историю. Голос его был совершенно бесцветным, лицо не отражало никаких эмоций. Но что-то в облике декера говорило Слай, насколько вывела его из равновесия эта картина — декер, погибающий во льду.

«А кто бы остался спокоен?» — подумала она. Влететь в черный лед и погибнуть — страшная реальность мира декеров. Всякий раз, когда декер включает свой мозг в сеть и подключается к всемирной компьютерной Матрице, он рискует натолкнуться на защитную программу, которая окажется сильнее его. Рискует, что его мозг будет выжжен — выгорит, как говорится на жаргоне декеров, — или попадет в убийственную обратную биосвязь. Это в порядке вещей — не больше риска, чем у мага, сталкивающегося с могущественным духом, или уличного самурая, охраняющего важную персону. Среди декеров считалось дурным тоном говорить о льде, разве что обсуждая технические детали, или рассказывая военные истории, или хвастаясь хорошей добычей. И не важно, что Слай больше не декер. Протокол никогда не нарушался. То, что Луис рассказывал о гибели серебряного мальчика так подробно, лишь подтверждало, насколько он был потрясен.

И конечно, Слай понимала почему. Для большинства декеров смерть во льду была чем-то, происходящим «за кулисами». Влипни кто в лед — и он уже не сможет никому рассказать об этом. А если из кого-то другого сделают отбивную — ну что ж: декер — это профессия одиночек, и вы узнаете о его смерти лишь потом, когда окажется, что Джо Чмо давно не встречали в его излюбленных местах. Но видеть, как это происходит в действительности, и знать, что ничем нельзя помочь… Слай передернуло. Она притерпелась к наиболее уродливым чертам жизни и смерти в этом мире, но видеть значок декера в щупальцах черного льда — это потрясло бы и ее.

Шерон Луиза Янг — уличная кличка «Слай»[3] — тщательно следила, чтобы ее лицо оставалось бесстрастным. Показывать свою слабость не входило в протокол, особенно при разговоре с человеком, нанятым для выполнения работы, и, наверное, не в последний раз. Частью игры, под названием «мистер Джонсон» — так называли тех, кто нанимал таких, как Слай, для выполнения теневых операций, — было сохранение бесстрастного выражения

лица. (Конечно, это не всегда получалось, но всегда было желательным.) Слай повернулась в кресле, стараясь устроиться поудобнее, и почувствовала легкий укол в спине.

Она быстро убрала с лица тень досады. Слай знала, что уже не так молода, но почему тело напоминает об этом гнусном факте? Она сохраняла свое стройное худощавое тело в хорошей форме, ежедневными упражнениями поддерживая тонус мышц. Слай была еще сильна, сильнее, чем когда либо, — по крайней мере, убеждала себя в этом. Но все же ничего не попишешь — ей уже тридцать три, нет, уже тридцать четыре, день рождения был две недели тому назад. После усердных тренировок или особо напряженных вылазок все чаще болела спина. И левое колено, поврежденное несколько лет назад, когда пришлось искать кратчайший выход на улицу через окно третьего этажа, начало побаливать к дождю. А дождь, конечно, почти не перестает в этом чертовом Сиэтле. Честно говоря, Слай за пятнадцать лет не потеряла быстроту реакции, а накопленный опыт прибавил ей профессионализма, но после вылазок она все дольше приходила в себя.

Она знала, что все еще привлекательна. Темные волосы, смуглая кожа, высокие скулы достались ей в наследство от дедушки, индейца из племени нутка. А ярко-зеленые глаза — тут сказалась ирландская кровь «мужского биологического донора». (Даже про себя Слай отказывалась называть этого чертова ублюдка отцом.) Слай понимала, что ее экзотическая внешность производит впечатление на мужчин, и множество взглядов убеждали ее: она красива. Конечно, она получила свою долю шрамов. В этой профессии без них не обойтись. Однако большую часть шрамов можно было скрыть под одеждой. Лишь одна метка осталась на лице — короткий белый шрам, рассекавший правую бровь, но он не портил ее….

Слай спохватилась. Сентиментальные воспоминания — пустая трата времени. Сначала работа, потом суета.

Декер Луис смотрел на нее с экрана и ждал.

— Так ты раздобыл данные на Моргенштерн? — спросила Слай.

— Я ведь сказал, что все в порядке, разве ты не слышала?

Слай не любила Луиса. Ее раздражали не только его манеры, но и наружность. У декера было хромосомное нарушение — трисомия-11. Из-за случайного дефекта при делении клеток либо сперма его отца, либо яйцеклетка матери имели две копии хромосомы-11, а не одну, как обычно, а это означало, что в зиготе — оплодотворенном яйце, которое должно было превратиться в Луиса, — имелись три копии хромосомы-11, а не стандартные

две. Трисомия-11 была редким, но хорошо изученным генетическим отклонением, которое вело к определенным физическим недостаткам: замедленному росту, слабой сердечно-сосудистой системе, ограниченной координации движений и наружности, которая была неприятна Слай. Луис напоминал ей человекообразного слизняка.

Результатом трисомии была и умственная отсталость. Обычно мозг больного трисомией-11 был не способен выделять важные факторы окружающей среды — улавливать «сигналы», на которых необходимо сконцентрировать внимание личности, из фонового «шума», обрушивающегося на органы чувств. Как правило, это приводило к задержке умственного развития жертвы болезни на уровне новорожденного младенца.

Чего, конечно, не случилось с Луисом. Его родители, невероятные богатеи, узнали о генетическом недостатке сына еще до рождения, и решили проблему единственным известным им способом — засыпав ее деньгами.

Почти сразу же после рождения Луиса, задолго до того, как ткани его младенческого черепа приобрели консистенцию нормальной кости, они имплантировали в детский мозг крошечное гнездо соединителя для линии данных. Специалисты подключили этот соединитель к сложной компьютерной системе, которая создавала для мозга Луиса виртуальную реальность — похожую, но отличную от иллюзорной «жизни» в Матрице. Компьютеры «воспринимали» мир через микрофоны и тридео-камеры и на уровне электроники решали проблемы рассеяния внимания и выделения «сигналов» из «шумов», с которыми не мог справиться собственный мозг Луиса. С помощью электроники Луис избежал умственной неполноценности, обычной для других больных трисомией-11. Его мозг развивался даже быстрее, чем у нормальных сверстников.

Одно время, лет восемнадцать тому назад, Луис стал любимцем средств массовой информации. Тридео показывало его по нескольким программам; исследователи опубликовали дюжины статей о его развитии и связанных с ним философских вопросах. Большинство людей, видевших эти шоу или пролиставших литературу, не поняли толком, что происходит. При частом пересказе истории Луиса в бульварных новостях факты искажались, и скоро они превратились в разновидность городского мифа: «ребенок, выросший в Матрице». (Действительно, до Слай доходили слухи о детях, выросших в Матрице. Но, строго говоря, Луис к ним не относился.)

Наконец Луис вырос и смог работать в реальной Матрице, развившей его навыки декера. Однако и здесь он оставался

трисомиком-11. Без чрезвычайного медицинского вмешательства, снова оплаченного родителями, сердце Луиса износилось бы, а вся сердечно-сосудистая система сколлапсировала бы еще до того, как ему стукнуло пятнадцать. Луис до сих пор нуждался в помощи компьютера (сейчас имплантированного прямо в его маленький череп) для правильной фокусировки внимания. А его единственная связь с внешним миром осуществлялась через большие очки с вмонтированными миниатюрными видеокамерами и стереомикрофонами, которые он носил на своем плоском лице и подключал к соединительному гнезду. Физически Луис был почти полным инвалидом. Вся его жизнь проходила в специально разработанном кресле-каталке, которым он управлял мысленными сигналами с помощью специального устройства.

Кроме того, у него развилась пагубная привычка к Матрице. Только подключившись к ней и блуждая по электронной среде киберпространства, он жил полноценной жизнью. Как-то раз Луис признался, что когда он не в Матрице, то живет лишь ожиданием.

Слай рассматривала маленькое уродливое лицо Луиса на экране телекома, стараясь не показать своего отвращения. Не имело значения, что его наружность казалась ей отталкивающей, личность — заведомо извращенной неправильным воспитанием, а характер — и того хуже. Луис был дьявольски опытным декером — этого никто не стал бы отрицать.

Большую часть времени он работал в Матрице как «наемный убийца» для многих корпораций Сиэтла. Но у него еще оставалось время, чтобы выполнять теневую работу для людей, которые ему нравились. Непонятно почему, но Слай ему нравилась. С тех пор, как она бросила ремесло декера, Слай нанимала Луиса больше дюжины раз. Конечно, не поручая ему особо важных дел — она не настолько доверяла Луису. Для по-настоящему важных проектов она выбирала других декеров. Наверное, не столь умелых, как Луис, но достаточно хороших.

Слай вздохнула.

— Извини, Луис, ты прав. Я забыла. Ты действительно принес данные. Давай их сюда.

Луис улыбнулся ей своими плоскими губами.

— Сейчас получишь. Готова?

Слай нажала кнопку телекома, открыла файл приема, подала сигнал к передаче, и Луис сбросил содержимое персонального файла Марии Моргенштерн по линии данных. Слай открыла второе окно на экране, с удовлетворением наблюдая, как оно заполняется текстом. Прекрасно, он раздобыл все. Этим Луис и отличался — основательностью. Ни неполных файлов, ни

испорченных данных. Конечно, он просмотрел информацию и исправил любые вкравшиеся дефекты.

Телеком дал сигнал окончания приема, и Слай закрыла приемный файл и окно данных.

— Есть. В кристалле и закрыто. Готов принять оплату?

Луис не ответил, но его компьютерная система уже была переконфигурирована и готова принять перевод. Передача денег заняла меньше секунды. *Тысяча нуен, только и всего. Да, легко пришли, легко ушли.*

— С тобой приятно вести дела, — с усмешкой сказал Луис. — А теперь как насчет того, чтобы нам с тобой получить удовольствие?

Слай ошеломленно уставилась на него, зная, что Луис может прочесть смятение на ее лице. «Он что, не понимает, о чем говорит?» — была ее первая мысль. От кого-либо еще это можно было расценить как вульгарную шутку. Но не от Луиса, чье исковерканное, почти детское тело было неспособно на что-либо, хоть отдаленно напоминающее секс. *Он когда-нибудь?..*

Луис засмеялся — раздался странный булькающий звук, — и по его подбородку потекла струйка слюны.

— Я тебя достал! — прокаркал Луис. — Пять против одного. Ах, бедная Слай, у тебя все еще плохо с юмором.

Юмор? Она посмотрела на слизнеподобного декера с отвращением.

— Да, Луис, — бесстрастно сказала она, — ты меня достал.

Слай протянула руку, чтобы разъединиться.

— Эй, подожди.

Слай замерла.

— А как насчет другого файла? — спросил Луис.

— Какого еще файла?

Он покачал головой.

— Файла, который я получил от умирающего декера. — Луис говорил медленно, как косноязычный дебил. — Он передал мне перед смертью… Ты хочешь его получить?

— А тебе он не нужен?

Луис замотал головой.

— Нет, — резко ответил он. — Нет, мне он не нужен. Он приносит несчастье. У него плохая карма.

На сотую, может быть, тысячную долю секунды Слай удивилась странной суеверности, которой отличались многие декеры. Как могут люди, имеющие дело исключительно с бесстрастной, холодной техникой, опасаться какой-то мумбо-юмбовской плохой кармы?

И так — не только Луис. Она знала, что почти каждый декер

исполнял какой-либо особый ритуал или имел тот или иной талисман, приносящий удачу в Матрице. (Правая рука Слай легла на пояс, точнее, на карман, где она хранила лапку кролика — лапку *настоящего* кролика, а не подделки, слепленной из синтетического меха. Она всегда брала ее с собой, отправляясь на вылазки. «Но это же совсем другое, — подумала она, — не так ли?»)

— Можешь забирать этот файл, — сказал Луис. — Бесплатно. Это премия. Дьявол, может быть, там что-то стоящее?

Слай колебалась.

— Ты сказал, что он закрыт. Ты вскрыл пароль?

И опять Луис покачал головой, явно волнуясь.

— Нет, — пролаял он и с трудом овладел собой. — Нет, — сказал Луис уже спокойнее, — я к нему даже не прикасался. Готовься к приему — посылаю.

Слай торопливо открыла другой файл приема, как раз одновременно с приходом данных на ее компьютер. Снова она открыла на экране окно данных — посмотреть, что поступает. Но на этот раз вместо правильных строк текста окно заполнил хаос букв и цифр, перемешанных с причудливыми графическими символами.

Передача заняла две секунды, что говорило об огромном объеме файла. Слай взглянула на строку состояния в нижней части экрана. Больше сотни мегапульсов данных.

Передача закончилась, и Слай закрыла файл.

— Спасибо, Луис, — сухо сказала она.

Он хмыкнул.

— Если там нет ничего стоящего, просто сотри его, — буркнул он. — Это твой файл, делай с ним что хочешь. Я себе даже копии не оставил.

Что означало, конечно, что он оставил себе копию файла на Моргенштерн. Но это было в порядке вещей — большинство декеров оставляли себе копии файлов, которые они добывали. Это была элементарная мера предосторожности против очередного «мистера Джонсона», которому нравилась старая пословица о том, что мертвые не болтают. Слай ожидала этого.

— Прекрасно, Луис.

Она снова протянула руку к кнопке.

— Постой-ка, Слай, — сказал декер и вновь ухмыльнулся. — Если у тебя появятся мысли по поводу моего второго предложения…

Но она отключила телеком прежде, чем он успел закончить.

Слай снова выгнула спину, чувствуя, как позвонки в пояснице со щелчком встают на место. Эх ты, старая вешалка… Сиэтлу, а

точнее, теневым делам, которыми она занималась последние тринадцать лет, ее возраст был без надобности. Она взглянула на голограмму, висевшую на серой стене над телекомом. Белый песчаный пляж, зеленый океан, лазурное небо. Где-то в Карибском море, она только не знала где. Именно туда бы сейчас и рвануть — туда, где холод и сырость никогда не будут мучить ее колено. Дьявол, пора уходить на покой.

«Но покой требует денег, много денег», — напомнила себе Слай. Она вызвала на экран телекома свой счет и взглянула на него. Не слишком вдохновляюще. Большинство коллег прожигали деньги, вели роскошную жизнь и устраивали вечеринки, но у нее была привычка откладывать сколько можно. Слай прикинула, что сейчас у нее должно быть под семьдесят тысяч нуен. Неплохо, но далеко до той суммы, которая даст ей свободу, позволит сказать Сиэтлу «прощай», собрать барахло и ускользнуть на острова. Для этого ей должно несколько раз повезти или один раз очень крупно повезти. «Надо бы подрядиться на убийство», — пришла ей в голову мрачная мысль.

Слай взглянула на экран телекома. Окно было еще открыто и заполнено зашифрованным текстом. «Может быть, это что-то стоящее, — подумала Слай и с усмешкой покачала головой. — Мечты… Они приносят не деньги, а смерть. Наверное, файл содержит данные, ценные для корпорации „Яматецу“, которая зашифровала его, но бесполезные для кого-либо еще».

Послышался сигнал часов. Пора! Вот-вот должна состояться встреча с «мистером Джонсоном», который ее нанял. Нужно отдать ему компромат на Моргенштерн. Операция, которую она попросту переложила на Луиса, должна принести ей около десяти тысяч нуен, из которых удастся отложить пять. Лучше, чем ничего, но это не те деньги, которые приносят свободу.

Слай закрыла окно данных и выключила телеком. Зашифрованный файл, что бы в нем ни было записано, уже на оптическом кристалле; никуда он не денется. Может быть, когда у нее окажется немного свободного времени, она разберется, что там. Если руки дойдут.

ГЛАВА 2

12 ноября 2053 года, 20.05

Переулок оказался темным и зловонным, каким ему и положено быть близ доков Сиэтла. Сейчас он был пуст, но Коршун знал, что это ненадолго. «Разрушители» не отставали. Коршун слегка оторвался от них, но они сидели у него на хвосте и не собирались упускать добычу. В любой момент бело-серые преследователи — это цвета их банды — могли ворваться в переулок.

Горло царапал холодный сырой воздух, а в правый бок будто воткнули нож и поворачивали там. Ноги отяжелели, налились свинцом, и Коршун почти не различал, бежит ли он по сухой земле или шлепает по брызгающей в лицо нефтяной жиже. Боль в икрах ив подреберье не проходила.

— А я-то думал, что, оцепенев, ничего не чувствуешь, — пробормотал он.

Из последних сил, пошатываясь, Коршун пробежал половину переулка, и ему пришло в голову, что со стороны он напоминает изрядно выпившего.

Он был хорошим бегуном, чем немало гордился, и, наткнувшись на «разрушителей», бросился от них во весь дух.

Он уже пробежал было множество кварталов и переулков. Если такой парень, как он, молодой и в хорошей форме, чувствует себя так хреново, то компания тучных и жирных троллей — старых, не меньше двадцати лет каждому, — и вовсе должна валяться на земле, выблевывая обед в водосточную канаву.

Но нет, судя по хриплым выкрикам у него за спиной, первый отряд «разрушителей» успел позвать подмогу. Может быть, та первая шестерка и занималась опустошением своих желудков, но у нее были друзья, которые подключились к погоне позже, — они были свежими, а он уже дьявольски устал.

«Боже, какая боль!» — подумал Коршун. Может, лучше просто остановиться, сжаться в комок за мусорным ящиком и позволить «разрушителям» схватить себя? Они вышибут душу, будут топтать Коршуна до тех пор, пока кровь из него не хлынет. Но убить не должны. Банда Коршуна, «первая нация», официально не была в состоянии войны с «разрушителями», по крайней мере сейчас. Коршун не носил цветов своей группировки и даже не имел оружия, когда «разрушители» наткнулись на него. И шел он не по делам банды, а просто выскочил в надежде поживиться чем-нибудь, что можно было забросить в пустой желудок. Чертовски не повезло, что один из этих проклятых троллей узнал его.

Итак, войны не было, и он не сделал смертельно опасного шага — не надел одежду цветов своей банды на территории соперничающей группировки. Это значило, что если тролли и схватят его, то, *вероятно,* удовольствуются хорошей взбучкой. А если повезет, то можно будет выкрутиться…

Но это было бы трусостью, а Денниса Корна — Коршуна, как называли его дружки, — можно было назвать кем угодно, только не трусом. И он заставил непослушные ноги прибавить ходу, не обращая внимания на ноющие мышцы.

Переулок кончился и вывел его на узкую улицу, которая шла параллельно набережной. Коршун находился под виадуком. Даже по ночам с виадука слышался рев проносившегося транспорта. Коршун резко повернул направо, рассчитывая вжаться в стену за очередным мусорным ящиком и дождаться «разрушителей», но не решился. Он мог бы перенести побои, мог бы остановиться в надежде, что тролли его не найдут, но все же был дьявольски испуган. И — во имя всех духов и тотемов! — у него было право пугаться. Что можно сделать в пятнадцать лет, имея на хвосте чуть ли не тонну троллей?

Коршун бросил взгляд через плечо. Влажные от пота, длинные черные волосы лезли в глаза. И тут под правую ногу попало что-то скользкое. Парень потерял равновесие, испуганно вскрикнул, взмахнул руками, стараясь устоять на ногах. Кое-как он умудрился удержаться. Еще один прыжок — и…

Вес тела пришелся на левую лодыжку. Отчаянно вскрикнув, как будто «разрушители» уже отрывали ему ногу, Коршун с размаху полетел на тротуар, ободрал кожу на ладонях, и джинсы на коленях превратились в клочья.

Всхлипывая от страха, Коршун заставил себя встать на ноги и попытался сделать хоть один шаг. От боли, острой, будто на ногу вылили расплавленный свинец, у него на мгновение потемнело в глазах. Перелом? Вряд ли, но сейчас это не важно. Все равно, дальше бежать он не сможет.

Коршун огляделся в поисках убежища — хоть какого-то уголка, где можно было бы спрятаться. Двери соседних домов наверняка заперты. (Кто же будет по ночам держать свою дверь открытой, да еще в районе доков?) Прямо рядом с ним стоял мусорный ящик.

Прятаться за ящиком показалось Коршуну слишком опасно. Но вот залезть внутрь…

Коршун не мог видеть, что было в мусорном ящике, — его край приходился выше уровня глаз, — но даже рядом с ящиком вонища стояла страшная. Большая металлическая крышка была открыта и откинута к стене дома. Забравшись внутрь, ее можно

будет без особого труда захлопнуть, и останется только надеяться, что «разрушители» не будут искать слишком дотошно.

Однако следовало поторапливаться: уже слышались хриплые крики и топот бегущих ног. Еще несколько секунд — и, обогнув угол, преследователи увидят его.

Забраться в мусорный ящик с растянутой лодыжкой оказалось совсем не просто, но Коршуна подгонял страх. Он ввалился внутрь, и в нос ему ударило зловоние — прокисшее молоко, моча, гниющие овощи и перекрывающая все вонь тухлого мяса. Хорошо, что в ящике было темно и Коршун не видел, на чем он лежит; сама мысль об этом вызывала у него тошноту. Он встал, с трудом удерживая равновесие на разъезжающемся под ногами мусоре, взялся за металлическую крышку и потянул. Ржавые петли заскрипели, — о духи и тотемы, что, если тролли услышат? — но дело пошло. Поддерживая ставшую на удивление тяжелой крышку, Коршун осторожно опускал ее, стараясь закрыть ящик без стука. Петли заело, и крышка не опустилась до конца — остался зазор в ладонь шириной, — но это было даже к лучшему. Теперь парень мог видеть, что творится снаружи, а «разрушители» заметили бы его, разве что посветив в щель или открыв мусорный ящик. (И что ему тогда делать? Швырнуть в них дохлую кошку?)

Коршун успел как раз вовремя. Первый преследователь выскочил из переулка почти в тот момент, когда закрылась крышка ящика. Одутловатое лицо тролля было в тон серому и белому цветам его одежды; если бы он не хватал воздух, как бегемот-астматик, то можно было бы принять его за покойника. Налитые кровью глаза тролля дико вращались; на губах пенилась слюна.

Сердце Коршуна стучало, как молот, но вид тролля доставил ему искреннее удовольствие. Если это их лучший бегун, то вся компания отдала бы концы, если б Коршуну удалось протащить их за собой еще хоть два квартала. Но веселье было недолгим: схвати они его прямо сейчас — сполна отыграются за то, что так устали. Он присел пониже в темном мусорном ящике.

Из переулка, пошатываясь, выбежали еще три тролля, хрипя, как будто их вот-вот хватит удар. Один из них нагнулся, уперся громадными ручищами в колени и с шумом опорожнил свой желудок на тротуар.

— Сдерем с него шкуру! — прорычал он между приступами рвоты. — Медленно, тупым ножом.

— Сначала *поймай* этого сукиного сына, — прогрохотал первый.

— *Ушел,* гаденыш! — проворчал «коротышка» ростом за два метра и весом под сто десять кило, самый низкорослый из

троицы. — Упустили стервеца. Ну и хрен с ним!

Главарь банды с раздражением пнул «коротышку» — раздался шлепок, как по туше мяса. Такой удар сбил бы Коршуна с ног и размазал по стене, но тролль даже не покачнулся. Он зыркнул на главаря и сплюнул на землю, но придержал язык.

— Не мог он далеко уйти, — прохрипел главарь, — будь переулок длиннее, я бы его сцапал.

«Не смеши меня, — подумал Коршун. — Будь переулок длиннее, ты бы валялся в собственной блевотине».

— Он где-то близко, — повторил главарь. — Припустил, как трахнутый кролик. Скредджер, ты с Путцем пойдешь туда. — Он ткнул пальцем толщиной почти в запястье Коршуна в ту сторону, где узкая улочка шла под гору. — Ральф, останься, пойдешь со мной. — Главарь шлепнул тяжелой лапой по спине тролля, все еще стоящего рядом с лужей блевотины. — Усек? Давай пошевеливайся.

«Коротышка» с товарищем заковыляли вниз по дороге, не в силах бежать. Тролль, которого главарь назвал Ральфом, со стоном выпрямился. Главарь уже пустился в путь, пробежав так близко, что Коршун почувствовал прогорклый запах его пота даже среди вони мусорного ящика. Ральф выругался, но ему пришлось последовать за вожаком. Пробегая мимо ящика, он в ярости ударил его — массивный ящик покачнулся, и в металле осталась вмятина. Коршун от ужаса пригнулся ниже, представив, как этот чудовищный кулак врезается ему в лицо.

«Я могу вызвать городского духа, — подумал он, — вызвать великого городского духа, и послать его вслед за ними». Он мысленно представил себе, как мусор и хлам, разбросанные по улице, начинают двигаться, как будто налетел порыв ветра, и собираются в кучу, образуя огромную бесформенную фигуру. Фигуру, которая понесется вслед за убегающими троллями и убьет их. Он отчетливо слышал их стоны, их мольбы. И наступившую потом тишину. «Я могу это сделать», — снова подумал Коршун.

Но, конечно, это были только мечты. Часто во сне он упивался ощущением своей мощи, нервы его звенели от песен тотемов. Во сне Коршун *знал,* что уже сделал первый шаг по дороге шамана. Это не было осознанным выбором — этот путь был записан в его генах, так же, как высокие индейские скулы, темные глаза, прямые черные волосы. Во сне Коршун проходил эту дорогу, ведомый тотемом — духом, ожидавшим его в конце пути. Он не знал, какой тотем призывает его: благородный Орел, верный Пес, могучий Медведь или кто-то из множества других. Но он слышал призыв, чувствовал его всем своим естеством и

понимал, что, только достигнув конца пути, он узнает, кто зовет его. И тогда, наверное, поймет то, что уже знает какая-то часть его души.

Но это было в его снах. А наяву? Ничего.

Но нет, кое-что оставалось: память о сновидениях. Но это было еще хуже. В глубине души Коршун твердо верил, что должен пройти этот путь, что тотемы зовут его, *звали* во время сна. Но ему приходилось слышать, что шаман должен *сознательно* выбрать свой путь. Он должен услышать песню тотемов и осознанно вступить на эту дорогу. Только так можно стать шаманом. А значит, Коршуну придется отыскать эту песню в своей обычной жизни.

Поиск озарения, поиск песни тотемов — так называли это многие племена американских индейцев. У различных племен были разные взгляды на то, как найти озарение, но по большей части услышанное или прочитанное Коршуном сводилось к тому, что человек, желающий стать шаманом, должен в одиночку прийти в какое-то опасное место — в пустыню, в горы или в лес — и жить там до тех пор, пока не услышит зов. Иногда человек по пути туда находил верных друзей и союзников, иногда нет. Но если ему действительно суждено было стать шаманом, то к нему приходил вестник и приносил ему песню тотемов. Вестник мог быть духом, воплотиться в мышь или другое животное, но, как говорилось во всех историях, он всегда появлялся в виде, неожиданном для шамана.

Это был традиционный путь поиска озарения, но Коршун слыхал, что некоторые племена внесли в ритуал новые, современные черты. Например, в Совете Пуэбло желающие стать шаманом отправляются за озарением в Матрицу. («Какую же форму может принять там вестник?» — подумал Коршун.) А еще были группы — не только новые «городские племена» — распространившиеся по всему континенту, считавшие, что город — это подходящее место для поиска озарения. Будущий шаман должен был покинуть родные места и отправиться в путешествие по городским джунглям — самым опасным местам в Северной Америке, и там ждать вестника, который приведет его к тотемам.

Когда Коршун впервые услышал об этом, то был поражен. Он жил в Пьюрити,[4] особенно неприглядной части Редмонд-Барренс, мечтая о дне, когда покинет мегаполис и проскользнет через границу на земли племени сейлиш-шайд. В те времена Коршун думал, что только там у него был шанс вступить на свой путь.

Но потом его пленила идея поиска озарения в городе. Он знал мегаполис, вырос на его улицах. Зачем ему рисковать на

совершенно чужой территории — среди фермеров племени сейлиш-шайд, когда можно найти то, что нужно, в родных местах?

Прошел уже год, как Коршун ушел из дома, забравшись в глубочайшую, темнейшую деловую часть Сиэтла. Это был напряженный год, и у него было не так уж много времени вслушиваться в песни тотемов. Он нашел себе какое-то пристанище, вступил в «первую нацию» — банду потомков американских индейцев… Наконец, выжил, что тоже было немало.

Конечно, он не забыл о поиске озарения — он никогда не забывал об этом. Когда выпадало свободное время, Коршун принимался за поиски. Он не был декером, но знал о компьютерах достаточно, чтобы пользоваться общественными городскими информационными сетями. (Это подняло его на несколько ступеней выше товарищей по «первой нации». Большинство членов банды были неграмотны.)

Коршун узнал, что прежде многие племена пользовались специальными снадобьями, чтобы быть восприимчивее к голосам духов, и решил испробовать их на себе. Стимуляторы, энергетические препараты, галлюциногены, транквилизаторы… За прошедший год он испытал большую часть этих средств. Они закручивали мозг, как и было положено, — потом Коршун, бывало, лежал мокрый от пота, в судорогах и удушье на полу ночлежки, — но так и не открыли его душу для тотемов. После особенно тяжелого приступа, когда товарищам по банде пришлось удерживать его, не давая прыгнуть в залив Эллиот, Коршун решил, что медикаменты — это не его путь.

К счастью, как раз тогда он нашел книгу. Настоящую книгу, с бумажными страницами и переплетом из искусственной кожи, — *«Религиозные традиции племен Северной Америки и Калифорнии»* — некоего Х.Т.Лэнгланда. (Он так и не узнал, кто такой Лэнгланд и был ли Х.Т. мужчиной или женщиной.) Книга продавалась в небольшом антикварном магазинчике на Пайк-стрит, неподалеку от рынка. За нее запросили тридцать пять нуен, намного больше, чем Коршун мог себе позволить. Но что-то в названии книги, в том, как она легла в его руки, показалось ему важным. Поэтому он просто стянул ее, засунув под куртку, и как ни в чем не бывало вышел из магазина. (После Коршун сообразил, что эта книга была не нужна хозяйке лавочки или она сочла ее не стоящей внимания, иначе не выставила бы на продажу.)

Читать книгу было трудно: в ней оказалось до черта длинных слов и заумных идей. Но Коршун не сдавался и наконец пришел к кое-каким выводам. Лэнгланд — он или она — был социологом, и

рассказывал, как племена западного побережья видели мир, изучал их отношения с духами и тотемами. Там была целая глава про поиск озарения, которую Коршун прочитал несколько раз с начала и до конца.

Он обрадовался, узнав, что город — подходящее место для поиска озарения, по крайней мере, по мнению Лэнгланд. Но это не слишком продвинуло его в практических делах. Сны продолжались, в них Коршун пел и танцевал под музыку тотемов, но ему еще предстояло найти своего вестника или услышать зов наяву.

Медленно, осторожно он поднял голову и выглянул из-под крышки мусорного ящика. Улица была пуста, если не считать крысы размером с доброго фокстерьера, сновавшей между грудами мусора. Ни «разрушителей», никого. Наверное, тролли потащились в свое логово, стараясь забыть про индейского юнца, оставившего их в дураках. Коршун усмехнулся, выпрямился и толкнул крышку.

Она не поддалась. Внезапный страх иглой кольнул в сердце. Заело петли? Или он не заметил какой-то защелки? Коршун представил себе, каково остаться запертым в ящике, пока не приедет мусороуборочная машина! В этой части города мусор собирали раз в две или три недели, и по количеству содержимого в ящике было ясно, что его опорожнили лишь несколько дней назад.

«Тихо! — резко приказал он сам себе. — Успокойся». Коршун передвинулся, стараясь встать на более устойчивую кучу мусора, и снова уперся в крышку ящика. Мусор под ним поплыл, лишая точки опоры. Он перенес вес тела, вкладывая в толчок все силы. В спине что-то хрустнуло, волна горячей боли прокатилась через растянутую лодыжку. Парень застонал; от пота защипало в глазах.

Но проклятая крышка сдвинулась. Скрипя ржавыми петлями, она снова откинулась к стене. Коршун выпрыгнул наружу, на сравнительно свежий воздух узкой улицы, в последний момент не забыв приземлиться на неповрежденную ногу.

Он быстро огляделся. Вокруг — ни души. Юноша глубоко вздохнул и резко выдыхнул, очищая легкие от остатков вони, и поднял глаза к небу. В обрамленной зданиями темноте светились звезды, пробивавшиеся через плавающую в воздухе муть.

И еще там была луна, почти полная. Идеальная ночь для магических ритуалов, как вычитал Коршун в книге Лэнгланд. Ему нужно найти какое-то открытое место, поближе к нетронутой природе, но где отыскать такое в самом сердце городских джунглей? К счастью, он вспомнил, что совсем рядом есть нечто

похожее. Стараясь, по возможности, щадить поврежденную лодыжку, он захромал прочь.

Небольшой парк был одним из нескольких, окружающих массивное здание католического монастыря. Над всем этим районом высилась гигантская усеченная пирамида с тысячами серебряно-зеленых зеркальных окон; пирамида подавляла своей массивностью.

Днем парки, окружавшие этот монолит, — крошечные пятачки с деревьями и тщательно подстриженной травой, — были зонами безопасности. За ними наблюдали охранники монастыря, одетые во все черное, — это были аскеты, которые жили в монастыре и любили прогулки в местах, напоминающих живую природу. Но по ночам охранники уходили из парка, а появлялись там ночные обитатели Сиэтла.

Парк, выбранный Коршуном, располагался близ южного входа в монастырь. Он был размером всего с городской квартал. Не так уж много, но среди деревьев в центре парка можно было на мгновение забыть, что находишься в самом центре города. Коршун опустился на влажную землю и взглянул на луну, плывущую, как корабль призраков, среди разбросанных по небу облаков.

Держа перед собой руки ладонями вниз, как будто грея их у воображаемого костра, Коршун тихо запел. Слова песни были из той же книги Лэнгланд, слова на языке прибрежного племени сейлиш. Хотя он не знал этого языка, в книге была приведена английская транскрипция, и сейчас они пришли ему на ум. Коршун лишь следил за произношением, а мелодию придумывал сам. «Может быть, для тотемов мелодия не так уж и важна, — подумал он. — Важно лишь то, что в моем сердце, в моей душе».

Он тихо запел:

Придите ко мне, духи моих предков,
Обитатели моих снов и моей души.
Придите ко мне, спасители, хранители,
Услышьте, как ваше дитя зовет вас.
Придите ко мне, духи моей земли,
Лесов, и гор, и вод,
Придите, принесите мне свою песню,
Песню, у которой нет конца.

Он закрыл глаза, мысленно повторил слова песни. Пусть мелодия унесет его боль и воспоминания о погоне. Пусть мысли его станут безмятежными, как поверхность горного озера в тихую погоду.

Коршун не знал, как долго он пел песню. Когда он остановился, горло пересохло, и голос охрип. Колени не гнулись и ныли, в лодыжке пульсировала боль. Он открыл глаза.

Ничего не изменилось. Он все еще был в небольшом парке, а не в стране тотемов. Он не услышал зова духов. Он был не шаманом, а всего лишь юнцом, пытающимся выжить в сердце городских джунглей.

Коршун посмотрел на небо. Луна скрылась за тучами, начал моросить слабый дождик. Юноша вздохнул.

Он поднялся на ноги, встряхнул руками, восстанавливая кровообращение, прихрамывая вышел из парка и растворился в ночи.

ГЛАВА 3

12 ноября 2053 года, 20.55

«Это место никогда не меняется», — подумала Слай. «Армадилло» — маленький темный бар в центре Пуаллуп,[5] заполненный, как правило, юнцами. Слай огляделась. Как обычно, они с хозяйкой бара, Терезой Смеланд, работавшей сегодня за стойкой, были здесь самыми старшими — старше всех лет на десять или больше, если иметь в виду Смеланд.

Смеланд поймала взгляд Слай. Хозяйка «Армадилло» — привлекательная брюнетка лет под сорок — была одета сегодня в простой комбинезон цвета хаки. Свет от ламп отражался в трех хромированных соединительных гнездах, введенных в висок женщины.

Слай улыбнулась и приветливо кивнула. Они со Смеланд были приятельницами. Возможно, не очень близкими, но все же больше, чем просто знакомыми. Одно время они дружили, но это было прежде… «Все это осталось в том „прежде“, — строго сказала себе Слай, подавляя воспоминания. Прежде их с Терезой связывало одно, сейчас их связывает другое.

Слай подняла руку и, щелкнув пальцами, указала на маленькую кабинку в глубине бара. Улучив минутку, Смеланд остановится у кабинки, принесет любимый напиток Слай и перекинется с ней парой слов.

Направляясь в кабинку, Слай смотрела по сторонам. „Армадилло“ мало чем отличался от любой другой дыры с выпивкой в Пуаллуп или где-либо еще в мегаполисе. Низкий потолок, изрядно потертый пол из керамической плитки. Маленькие столики и банкетки накрыты старыми скатертями из красного плюша, впитывающего пролитые напитки. Музыкальный фон составлял классический ангст-рок, доносящийся из динамиков, — что-то из „Джетблэк“, как показалось Слай. Были тут и два тридеоэкрана старого образца, но чаще всего завсегдатаи их игнорировали.

Похоже, они были моложе посетителей других таких же окрестных баров. И пили они не так много, словно беседа привлекала их сильнее, чем стремление забыться с помощью алкоголя. Возможно, этим бар выделялся среди прочих питейных заведений, но не настолько, чтобы „Армадилло“ кому-то крепко запомнился.

Слай вслушивалась в окружающий ее многоголосый гул. *Вот что* сделало „Армадилло“ тем, чем он был, вот почему он стал для нее любимым местом времяпрепровождения. В других барах

завсегдатаи хвастались своими победами — сексуальными и прочими, добытыми прошлой ночью, трепались о спорте, о политике, пытаясь высказать все, что было у них на уме в данный момент. Конечно, что-то подобное было и в „Армадилло“. Но в основном разговоры шли о бизнесе. О весьма особом роде бизнеса.

„Армадилло“ был одним из самых любимых баров декеров в мегаполисе Сиэтла. Здесь у каждого, включая Слай, было введено в череп по крайней мере одно соединительное гнездо, а у некоторых их было четыре или пять. (Слай подумывала, что это показуха. Неужели кто-то действительно способен поддерживать одновременно столько каналов данных?) Здесь повсюду виднелись прочные дорожные кейсы „энвил“ с кибердеками: лежащие на столах, прислоненные к ножкам стульев, зажатые между колен. Многие из постоянных и случайных посетителей „Армадилло“ — консольные „жокеи“, ковбои Матрицы, сокрушители битов — называли их своей операционной базой.

На мгновение Слай позволила себе погрузиться в воспоминания. Кажется, не так давно она сидела в другом таком же баре. Не в „Армадилло“, но в почти таком же, „Ново Тенгу“ в токийском районе Акихабара. Слай вспоминала серьезные беседы, иногда подпитываемые *саке,* но гораздо чаще увлеченностью предметом разговора — о тайнах Матрицы и философии киберпространства.

Даже сейчас, после того как ее „отключили“ больше чем на пять лет, она все еще с наслаждением слушала разговоры декеров. Многие из них велись на очень приземленном профессиональном уровне: методы борьбы с последними поколениями льда, новые приемы эксплуатации старого оборудования, новые способы „выкручивать“ кибердек так, что он начинал работать на пределе своих возможностей. Прогресс в бизнесе — с точки зрения аппаратуры и программ, а также в вопросах основополагающей теории — был невероятен. Все продвинулось настолько, что большая часть бесед вокруг могла бы вестись и на языке эльфов — так мало Слай удавалось понять в них.

Но здесь решались те же вечные философские проблемы, что и в Акихабара. Призраки в Матрице, их разреженные и странные формы, которые, казалось, никак не связаны с декерами или с нормальными функциями компьютерных систем. Что они такое? Представители искусственного интеллекта AI? Но ведь утверждалось, что еще никому не удалось создать его. Или это мутации компьютерных вирусов, которые „поумнели“ в результате некоего электронного аналога биологической

эволюции? А может, это души декеров, погибших в Матрице?

Как раз об этом рассуждали четверо эльфов за столиком по соседству с выбранной Слай кабинкой. Стараясь не смотреть в их сторону, она жадно подслушивала.

— …И что же означает „ты“ в Матрице? — спросил один из эльфов. Слай угадала в нем лидера, „старшего советника“ в возрасте примерно двадцати трех лет. — Это твои персональные программы, верно? И они выполняются на твоем кибердеке, так? Что же происходит, когда лед разрушает твой дек? Персональные программы перестают выполняться. И в этом вся суть: после этого уже нет „тебя“, которое *может* стать призраком.

— Если только персональная программа не выполняется где-нибудь еще, — предположил другой.

Лидер покачал головой, собираясь возразить, но его товарищ продолжал: — А может, это лед создает их. Ты спросил, что такое „ты“ в Матрице? Ответ будет один — и в Матрице, и вне ее. Это твой сенсориум, весь твой суммарный опыт. А что мешает черному льду прочесть твой сенсориум, по типу обратного восприятия? А затем скопировать его где-нибудь в системе, убив твою плоть? Твое тело погибнет, а сенсориум будет существовать. Призрак в Матрице.

Впервые в разговор вступил третий эльф.

— Нет, — резко возразил он, — твой сенсориум вовсе *не продолжает* существовать. Просто есть программы, *имитирующие* твой сенсориум. Это не ты, это программы, *претендующие* на твою роль.

Четвертый эльф хранил молчание, наблюдая, как товарищи перебрасываются аргументами, словно теннисными мячиками.

— Бред какой-то… — произнес второй эльф.

— Ничего подобного, — парировал третий. — Во всяком случае, я считаю, что призраки — это булевы сети с параллельной обработкой данных и средним смещением.

— Или с редкими соединениями, а может, сильно каналированные, — возразил первый декер.

А затем они погрузились в глубокие тайны, беседуя о „переходе между хаосом и порядком“, „аттракторах“ и „циклах состояния“ — концепциях, которые Слай не понимала. Она заставила себя отвлечься от разговора и улыбнулась. Термины стали иными, но идеи не отличались от тех, которыми она и другие токийские декеры обменивались пять лет назад.

Слай любила „Армадилло“, но не только из-за бесед. Здесь она чувствовала себя свободно. Тут не было в помине едва скрываемых флюидов ненависти, ощущаемых ею в других барах, особенно там, где завсегдатаями были десятники и самураи.

Конечно, иногда публика напивалась и в „Армадилло“ и начинала крушить все вокруг. Но завсегдатаи были из тех, чьим оружием являются мозги, а не пистолеты, разносящие все в клочья, и кибернакачанные мускулы. Если здесь доходило до драки — редкий случай, — никто не был убит или даже тяжело ранен.

Кроме всего прочего, здесь ее не тревожили. Слай знала, что декеры просто считают ее пустоголовой, не декером… и чем-то допотопным. Те немногие, вроде Терезы Смеланд, кто был знаком со Слай, знали достаточно, чтобы молчать и не навлекать на свою голову неприятностей. Если она хочет болтаться рядом с декерами, даже если сама уже никогда не дотронется до пульта — значит, такова сила их магического притяжения.

И еще Слай обнаружила, что „Армадилло“ — удобное место для бизнеса. За последние два года она организовала в этом баре почти дюжину встреч с различными „Джонсонами“. Одна из них будет сегодня вечером. Слай похлопала себя по карману, чтобы убедиться: кристаллодержатели и ее карманный компьютер все еще там. Взглянув на часы, она увидела, что уже без малого двадцать один час. Ее очередной „мистер Джонсон“ может появиться с минуты на минуту, в надежде получить информацию о Марии Моргенштерн, добытую ею из файлов данных корпорации „Яматецу“.

Слай нахмурилась. Вылазку Луис сделал целых три дня назад, но „Джонсон“ заявил, что ему было просто „неудобно“ встретиться раньше. Это озадачило и даже сильно обеспокоило Слай. „Джонсон“ действительно горел от нетерпения. Ему нужен был любой компромат на Моргенштерн, причем не *просто* сейчас, а *прямо* сейчас. В тот раз Слай сразу же направилась к Луису и даже заплатила ему из расчета десять процентов от суммы гонорара за срочность, чтобы он немедленно начал операцию. Вывод был очевиден: „мистеру Джонсону“ позарез нужно было провести атаку на Моргенштерн или предотвратить аналогичные действия со стороны этой леди.

А сейчас он сводил на нет важность всего предприятия. Означает ли это, что ситуация изменилась, что операция против Моргенштерн уже не имеет особого значения? А если так, может, он и не заплатит Слай за то, в чем уже не нуждается?

Слай оторвала взгляд от стола, на котором ее рука вычерчивала сложные геометрические фигуры. Через публику к ней пробиралась Смеланд с двумя стаканчиками жидкости янтарного цвета. Устроившись напротив Слай, она поставила стаканчики на стол.

— Привет, Т.С! — Слай знала, что по каким-то причинам Тереза ненавидит свое имя. — Как дела?

— Бизнес? — Смеланд махнула рукой в сторону завсегдатаев. — Идет потихоньку. Ничего особенно не меняется, ты же знаешь. — Она улыбнулась. — А как ты? Как там, в тени?

Слай пожала плечами, улыбнулась и, словно эхо, вернула слова Смеланд:

— Ничего особенно не меняется. Все ищу способ выйти на солнечный свет.

— О, я понимаю, дорогая! — Смеланд опустила руки на стол и наклонилась вперед. — А как твой пенсионный фонд? Растет помаленьку?

Слай вздохнула:

— Прибывает… Но понемногу, до конца еще далеко.

— А тебе всегда можно верить? — спросила Смеланд. — Догадываюсь, что у тебя не такой уж полный порядок. — Из кармана комбинезона она достала крошечный зонтик из разноцветной бумаги и опустила его в стакан Слай.

Слай дотронулась кончиком пальца до зонтика и легким щелчком раскрутила его.

— Да, до порядка далеко.

— Ну ладно. — Смеланд подняла свой стаканчик; Слай последовала ее примеру. — Для некоторых дел нужно время.

Они чокнулись, и Слай выпила. Скотч — настоящий скотч, а не суррогат, который обычно подавала Смеланд, — отдавал дымком и обволакивал язык. Проглотив виски, Слай ощутила тепло в горле.

— Да, время… Вот уж чего у каждого в достатке, верно?

Смеланд наклонилась поближе и заговорщически понизила голос. Слай также подалась вперед, чтобы лучше слышать собеседницу.

— До меня тут дошли слухи от ребят из „деловых“, — начала Т.С, назвав одну из наиболее известных групп декеров в Сиэтле. — Луис ведь недавно выполнял для тебя кое-какую работу, верно?

Что-то в голосе Смеланд встревожило Слай.

— Да, — медленно произнесла она.

— Это было… действительно что-то секретное? Он кому-то перешел дорогу?

Слай покачала головой.

— Всего лишь обычная кража данных, — ответила она подруге. — Надо было прихватить парочку персональных файлов.

— И больше ничего?

Слай вновь покачала головой. Почти непроизвольно ее рука похлопала по карману, где были компьютер и два кристаллоносителя. В одном из кристаллов хранились

персональные данные Моргенштерн. А в другом был зашифрованный файл, переданный ей Луисом.

— Нет, больше ничего.

— Это хорошо.

— Почему? — спросила Слай. — Что происходит? — Она колебалась. — Что-нибудь случилось с Луисом?

Взгляд Смеланд скользнул по сторонам, но рядом не было никого, кто бы мог подслушать. Она наклонилась еще сильнее, и головы приятельниц уже почти соприкасались над узким столом.

— Луиса нет, — прошептала она.

— Исчез?

— Умер, — уточнила Смеланд. — И, судя по тому, что рассказывают „деловые“, умер плохо. Мне никогда не нравился этот маленький мерзавец: от его вида у меня мурашки по коже бегали. Но никому не пожелаю того, что ему пришлось испытать.

— Что случилось, Т.С.?

— Прошлой ночью какие-то люди ворвались к нему, — медленно начала Смеланд. — „Деловые декеры“ рассказывают, что обошлись с ним по-свински, крепко спрашивали — ты понимаешь, о чем я? — Смеланд грустно покачала головой. — Они подключили его кресло-каталку к электросети высокого напряжения, и замкнули на его соединительные гнезда… Мерзавцы! Садисты!.. Он очень долго умирал.

Слай закрыла глаза. Пытки… Кто-то пытал маленького Луиса, чтобы найти… что? Что им было нужно? Зашифрованный файл? Может быть. Было бы лучше, если б он успел предпринять вылазку еще для кого-нибудь, и это нежелательное внимание было бы связано со второй операцией Луиса.

— Ты действительно использовала его только для обычной кражи персональных данных? Для черновой работы? — Темные глаза Смеланд не отрываясь следили за выражением лица Слай. — Только это — и ничего больше?

— Именно так я тебе и сказала, Т.С.

Смеланд грустно усмехнулась:

— Хороший ответ! С нулевым информационным содержанием. — Она еще раз отхлебнула из стаканчика со скотчем. — Ладно, это твоя игра. А я в это дерьмо больше не лезу. — Помолчав немного, она спросила: — Ты здесь встречаешься со своим „Джонсоном“?

Слай кивнула. Неожиданно ее охватило дурное предчувствие. Она попыталась вспомнить разговор с Луисом. Что она рассказала ему о контракте? Не много, но Луис был смышленый малый и мог кое о чем догадаться сам. Значит ли это, что он все рассказал своим убийцам? Могло ли это быть причиной отсрочки встречи с

„Джонсоном“?

„Параноидальные мысли, Слай, — сказала она себе. — Здесь нет никакой связи. Работая на меня, Луис, наверное, подрядился на другую вылазку“.

Смеланд внимательно наблюдала за ней.

— Знаешь, — произнесла она легко и непринужденно, — у меня здесь есть небольшое укрытие, комнатка за баром. А там разные системы слежения — камеры, микрофоны, всякая электроника. Можно подключиться и получить полную картину всего, что происходит в баре. Я тебе не показывала?

Слай не смогла не улыбнуться. „Вот для этого и нужны друзья“, — подумала она.

— Нет, — произнесла она вслух. — Но звучит заманчиво. Почему бы тебе не показать ее сейчас?

Офисом Смеланд была крошечная комната — не больше тех чуланов для метел, в которых приходилось скрываться Слай. Маленький стол, покрытый бумагой, вращающийся скрипучий стул, спинка которого могла служить орудием пыток. Стереотипное убежище хозяйки не очень преуспевающего питейного заведения. Но электронное оборудование… Это было последнее слово техники, произведение искусства! Одна из стен была сплошь покрыта видеомониторами с замкнутыми контурами, а панель управления — вообще мечта системного дизайнера. Более того, к разъему был подсоединен волоконно-оптический кабель. Слай пододвинула вращающийся стул, села за стол и вставила соединитель в гнездо, укрепленное на голове. Поток данных пошел в ее мозг.

Это было совсем не то, к чему она привыкла в Матрице, и Слай потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить принимаемую информацию. Затем все стало на свои места.

После подключения кабеля к гнезду Слай превратилась в систему слежения. Примерно дюжина камер были ее глазами, микрофоны — ее ушами, были и другие датчики, не имевшие аналогов среди человеческих органов. Она словно парила над комнатой бара, наблюдая за происходящим сквозь стеклянный потолок. Но Слай при этом могла заглянуть в каждый уголок бара, имея идеально полный обзор в триста шестьдесят градусов, как у оптического объектива типа „рыбий глаз“, только без искажений, присущих таким объективам. Простым усилием воли она могла сосредоточить внимание на чем угодно, рассматривать отдельные детали или возвращаться к полному обзору. Микрофоны принимали общий гул приглушенной беседы, но вскоре Слай научилась отфильтровывать избыточный шум и концентрироваться буквально на каждом говорящем в комнате.

„Вот что значит быть вездесущим“, — усмехнувшись, подумала она.

Увидев соединитель, Слай поначалу немного занервничала.

— Эта система подключена к Матрице? — спросила она.

Смеланд понимающе улыбнулась.

— Система изолирована. Узлы доступа отсутствуют. Здесь нет льда. — Успокаивающе похлопав приятельницу по плечу, Смелавд вернулась в бар.

У Слай все еще были сомнения, но они исчезли, когда она изучила строение системы. „Здесь нет Матрицы, — сказала она себе. — Ты в безопасности“. Часы на стене за баром показывали двадцать один ноль восемь. Ее „мистер Джонсон“ опаздывал. Слай сфокусировала внимание на входной двери.

Как по сигналу, дверь распахнулась, и в проеме показалась знакомая фигура. Не „мистер Джонсон“. Кто-то другой, кого она уже давно не видела.

Эльф был высоким и стройным, с темной кожей и курчавыми, коротко стриженными черными волосами. Широкий нос был расплющен — результат встречи с многочисленными кулаками. Черные, блестящие, не упускающие ничего глаза напоминали глаза ворона.

Его уличное имя было Модал. Настоящего имени Слай никогда не знала, даже когда они были любовниками в Токио пять лет назад. Имея отменную репутацию раннера,[6] он работал личным агентом для многих корпораций. Слай встретила Модала в элитном корпоративном баре в районе Шибуйа, странном местечке, называемом „Вомб“.

Строго говоря, они работали друг против друга в той неудачной вылазке. „Мистер Джонсон“, нанявший Слай, был исполнителем среднего уровня, представляющим „Кансей“, корпорацию, которая пыталась вести промышленный шпионаж против базирующейся в Киото многонациональной корпорации „Яматецу“. „Мистер Джонсон“ получил что хотел, но затем вдруг решил, что ему больше уже ничего не нужно. Что ему необходимо вернуть все „Яматецу“, и немедленно. (До сих пор Слай не знала точно, что произошло, она могла лишь догадываться. Наверняка возле его дома стали появляться разные темные личности, „обрабатывая“ его жену, запугивая детей. Намекали, что дела могут пойти совсем плохо, если он не вернет „Яматецу“ *все* — все, и немедленно.)

Тогда и потребовались услуги Слай. Во время первого рейда она работала в Матрице, а группа местных раннеров проникла в токийское отделение „Яматецу“. Затем к ней пришел „Джонсон“ и сказал, что она должна передать оптический чип и кредитную

карточку — очевидно, часть отступного — представителю „Яматецу“.

„А почему это не поручили одному из раннеров, участвовавших в рейде?“ — спросила она тогда. „Да потому, что никого из них уже не осталось в живых“, — был ответ „мистера Джонсона“.

Встреча произошла в „Вомб“; „Яматецу“ представлял высокий эльф негроидного типа, разговаривавший, как это ни странно, с сильным акцентом кокни.[7] (Тогда она решила, что он был штатным служащим „Яматецу“, а не нанятым раннером вроде нее.) Встреча прошла *цивилизованно.* Если в „Яматецу“ и знали об участии Слай в той вылазке, то почему-то решили, что ликвидировать ее не стоит. Все, что они хотели, — это возврат похищенного плюс солидная сумма за нанесенный ущерб. Она протянула эльфу чип и кредитную карточку и получила от него взамен расписку — все было действительно цивилизованно. Когда Слай собралась уходить, эльф настоял, чтобы она хотя бы допила свой коктейль. За этим коктейлем последовало еще несколько, и в конце концов они вместе провели эту ночь, а затем еще несколько в комнатке Модала около станции Шинъюку.

После встречи в „Вомб“ Слай решила, что пора завязывать профессиональную деятельность в Японии, и вернулась в Сиэтл. Модал оставался в Токио еще несколько лет, но в конце концов тоже вернулся домой, в городские джунгли Сиэтла. Они попытались возобновить отношения, но безуспешно. Искра погасла, и они поняли, что это был лишь случайный эпизод. Легкость, с которой они расстались, слегка расстроила Слай, но никто не испытал действительно серьезных эмоций. Не было ни слез, ни гнева, ни других страстей, обычных для окончания романа, — лишь безразличие. „Неужели это все, что осталось?“ — с грустью подумала Слай.

А потом? Конечно, время от времени они с Модалом совершали вылазки на территорию друг друга. Требовались источники информации, а теневое сообщество в Сиэтле не так уж велико. Слай знала, что как-то Модал выполнил небольшую вылазку в рамках операции, проводимой „Яматецу“ в Сиэтле, но из надежных источников ей было известно, что его постоянная связь с мегакорпорацией закончилась еще несколько лет назад.

„А сейчас он снова появился, — подумала Слай. — Я сделала вылазку против „Яматецу“, моего декера ликвидировали, и вдруг всплывает Модал. Совпадение? Совпадения действительно не исключены, но разумная тактика выживания гласит, что их всегда нужно помещать в самый конец списка возможных объяснений“. Слай сфокусировала свою электронику на темнокожем эльфе,

пробиравшемся среди столиков.

Проворно обойдя подвыпившего декера, Модал подошел к бару и уселся на высокий стул. Подняв руку в знак приветствия, он обратился к Смеланд:

— Привет, Т.С! Как дела?

Смеланд улыбнулась эльфу.

„Так… значит, они знакомы, — отметила Слай. — Интересно“.

— Идут помаленьку. А что у тебя слышно?

— Да все не так уж плохо. — Он огляделся и наклонился ближе к Терезе.

Отдав мысленную команду, Слай настроила ближайший к ним микрофон.

— Ищу подружку, — произнес Модал. — Шерон Янг. Она здесь не появлялась?

В ушах Слай прозвучал ее собственный вздох — звук был более близкий, чем акустические данные, поступающие из электронных каналов. Слишком много всего для простого совпадения…

— Не заходит в бар уже несколько дней, — спокойно ответила Смеланд, не солгав ни на йоту. — Но кто знает? Если хочешь, подожди здесь, может, она и появится.

Модал небрежно пожал плечами, словно это его особо не волновало.

— Наверное, я так и сделаю, — сказал он. — Попробую убить время со старыми приятелями, они как раз здесь. — Модал улыбнулся, обнажив сверкающие белоснежные зубы. — Будь добра, Т.С, нацеди мне пинту твоего самого лучшего эля.

Тереза коротко рассмеялась.

— Фраер! — бросила она в ответ одно из самых любимых словечек Модала, которым он называл чересчур заносившихся парней.

„Итак, они хорошо знают друг друга, — отметила Слай. — Надо будет порасспросить Терезу“.

Смеланд протянула Модалу пинту эля, и тот не спеша направился к столику, за которым сидели двое незнакомых Слай орков[8] — явно не завсегдатаев „Армадилло“. Она переключилась на ближайший к их столику микрофон.

Как раз в это время вошел ее „мистер Джонсон“. Невысокий мужчина, ростом ненамного выше гнома, в прекрасном костюме, стоимость которого не уступала цене небольшого автомобиля. Стоя в дверном проеме, он оглядывался по сторонам — безусловно, „мистер Джонсон“ искал свою подопечную.

— Черт! — выругалась Слай. Ситуация слишком запуталась.

Ей не хотелось, чтобы Модал ее заметил, но она должна встретиться с „мистером Джонсоном“. Не будет встречи, не будет и гонорара. Не будет гонорара, не будет и взноса в Фонд молодых пенсионеров Шерон Янг. „Чтоб они все провалились!“ — думала Слай. — Может быть, послать сообщение Смеланд, чтобы она провела „Джонсона“ прямо сюда? Например, вывести сообщение на экран кассового аппарата за стойкой бара? Но нет, система слежения была полностью изолирована, как и говорила Смеланд. Она даже не связана с другим компьютерным оборудованием в этом здании».

Слай колебалась. «Почему? — спросила она себя. — Почему я боюсь Модала? А ведь действительно боюсь, — признала она с некоторым удивлением. — Во-первых, этот рассказ Смеланд о смерти Луиса, а потом неожиданное появление Модала, который раньше работал на „Яматецу“. Но что же все это означает? Черт, я ведь сама выполняла работу для „Яматецу“-Сиэтл». Слай вспомнила, как в прошлом году ей позвонил глава местного отделения «Яматецу», предложив контракт, связанный с необходимостью покопаться в информационном поле некоего уличного бойца, по имени Дирк Монтгомери. Но ведь каждый может работать на любого, верно?

Мысли о Модале не оставляли ее. Если бы он снова работал на «Яматецу», она бы знала об этом. В этом Слай была уверена почти на сто процентов. Сиэтл не был большим городом, и он не был целиком во власти теней. Какова вероятность того, что Модал вновь работает на «Яматецу»? Почти нулевая. А какова вероятность того, что Луиса убрали люди от «Яматецу»? Немного выше, но тоже почти нулевая. Таким образом, вероятность того, что Модал может разыскивать ее по причинам, не связанным с их прежней дружбой, равна нулю в квадрате. Быть может, ей нужно просто вернуться в бар и встретиться с «Джонсоном», наплевав на Модала? Если она будет осторожна, то он может ее и не заметить…

Движение. Быстрое движение на периферии обзора, в той части бара, на которой не было сконцентрировано ее внимание. Находясь в баре, Слай сидела бы к этому месту спиной и наверняка ничего бы не заметила. Но система слежения замечала все.

Кто-то вскочил со стула и опрокинул стол. На пол попадали рюмки с выпивкой. Вокруг раздался возмущенный рев.

Это был четвертый эльф, четвертый член группы, обсуждавшей призраков в Матрице, тот, который не проронил ни слова. Со скоростью, совершенно невозможной для обычного человека, он вскочил, и его правая рука взметнулась вверх. Эльф

направил руку прямо на «мистера Джонсона», неестественно сильно загибая кисть назад. А затем из его руки вырвался сноп пламени, словно из дула автоматического оружия. Кибераватомат, имплантированный в руку.

Система слежения позволяла Слай слышать свист прошивающих бар пуль, слышать, с каким звуком они впиваются в грудь, горло и голову ее корпоративного нанимателя. Видны были разлетающиеся брызги крови и плоти, в ушах стояли булькающие звуки, вырывавшиеся из горла жертвы.

А затем — «Джонсон» еще не успел упасть — эльф сделал молниеносный бросок к двери. Перескочив через тело «мистера Джонсона», он ударом распахнул дверь и растворился в ночи.

Лишь потом были выхвачены пистолеты, вспыхнули лазерные прицелы. Но поздно, слишком поздно. Декеры в «Армадилло» были вооружены и всегда готовы постоять за себя. Хотя их реакция в Матрице была быстра, как мысль, здесь, в мире плоти и крови, они действовали гораздо медленнее. Прогремел выстрел крупнокалиберного пистолета, пуля вошла в дверь, у которой мгновение назад был эльф. Слай увидела, что стрелял Модал, который вскинул свой «арес предатор»[9] для второго выстрела. Но его не последовало, потому что цель исчезла.

И только после этого началась общая суматоха, раздались крики ярости и вопли ужаса. Все, что можно ожидать вслед за циничным убийством.

Не торопясь, Слай отключила себя от системы слежения и откинулась на скрипучем стуле. Ее «мистер Джонсон» убит, файл Моргенштерн теперь не более чем бесполезное место на чипе. А зашифрованный файл Луиса? Может быть, он во сто крат важнее, чем она могла себе представить?

«Наверное, — подумала Слай, — самое время поговорить с Модалом».

ГЛАВА 4

12 ноября 2053 года, 22.37

Боль в лодыжке немного утихла — значит, это не перелом, а растяжение, правда, довольно сильное. Коршун чувствовал, как нога отекает, распирая кроссовку. Может быть, ослабить застежки, дать лодыжке распухнуть? «Нет, — решил он, — лучше этого не делать, пока боль не станет нестерпимой. Врачи обычно крепко бинтуют растянутые связки, так? Ну, так пусть кроссовка будет вместо повязки».

Однако боль все не унималась. Спасаясь от троллей, он забрался далеко от дома, и вообще, зашел черт знает куда. Теперь предстоял долгий путь назад, и, как назло, опять мимо троллей.

Коршун вздохнул. Можно было сделать крюк: пройти на восток по виадуку, обойти район Кингдом, и потом добраться до дому по задворкам Северного Барлингтона. Но это — еще несколько километров, что немало, учитывая состояние его ноги. Кроме того, такой маршрут завел бы его на территорию «головорезов», банды, с которой «первая нация» Коршуна была в состоянии войны. Если «головорезы» узнают его, то побоями не отделаешься. Они разорвут его на части и отправят домой, к «первой нации», как наглядный пример того, что бывает со сбившимися с пути.

Нет, меньшим из двух зол был, без сомнения, прямой путь, вниз, вдоль доков, и черт с ними, с троллями. Если повезет, то его преследователи и дальше будут гоняться за его тенью.

Он направился на запад по Кинг-стрит, намереваясь свернуть на юг, по Первой авеню. Обе улицы были широкие, хорошо освещенные, и там вряд ли можно нарваться на серьезные неприятности.

Конечно, там его легче заметить. Тролли редко забредали так далеко на север, на Кинг-стрит, а вот участок Первой авеню проходил через самый центр их территории. Стоит ли идти под ярким светом уличных фонарей? Полнейший идиотизм. Но была еще улочка — еще одна чертова улочка — слева от авеню, которая вела на юг. Узкая и темная, как нора, она выглядела еще опасней открытых улиц. «Но в ней спасение, — подумалось Коршуну. — Внешний вид обманчив». И он свернул в темноту.

Несколько секунд его глаза, привыкшие к яркому свету уличных фонарей, ничего не различали. Сделав несколько осторожных шагов, он неожиданно наткнулся на что-то правой ногой. Раздался стон.

— Ой! — невольно вскрикнул Коршун. Донесшегося из

темноты ворчания было достаточно, чтобы душа у него ушла в пятки. Он отступил на шаг.

Глаза понемногу привыкли к темноте. Коршун различал смутные очертания чьей-то фигуры. Человек сидел на земле, прислонившись спиной к стене. Об одну из его вытянутых ног и споткнулся Коршун.

— Под ноги смотри! — снова послышался голос, глубокий, звучный. Но в нем чувствовалась усталость. Человек передвинулся и подтянул под себя ноги, вставая.

Коршун отступил на шаг и оценил его внушительный рост и богатырское сложение.

— Простите, — поспешно начал он. — Если это ваша земля, то, пожалуйста, извините меня. Я…

Незнакомец оборвал его:

— Я не бандит. Может человек посидеть и отдохнуть так, чтобы его не назвали бандитом?

Теперь Коршун смог рассмотреть его как следует. Высокий, почти в два метра ростом, почти на две головы выше его самого, незнакомец был хорошо сложен. Не толстый, но крепкий и мускулистый. Длинные темные волосы собраны сзади в хвост. Выступающие скулы, орлиный нос, глубоко посаженные черные глаза. Кожа его, видимо, была немного темнее, чем у Коршуна, но сейчас незнакомец был очень бледен. Индеец? Видимо, да.

Одежда на нем, как показалось Коршуну, была рабочая — облегающий комбинезон, какой всегда носят раннеры и уличные бойцы, отправляясь на свои вылазки.

— Простите. — Коршун отступил еще на шаг.

— Ладно, забудем! — Голос незнакомца прозвучал еще более устало, и он снова прислонился к стене.

Правой рукой он ощупал ребра. На пальцах заблестела какая-то влага.

— Вот дрянь, — пробормотал незнакомец. — Рана снова открылась. У тебя случайно нет с собой пластыря? — Он засмеялся. — Думаю, нет.

К своему удивлению, Коршун заметил, что ему уже не так страшно. Человек, который оказался не бандитом и не троллем, был достаточно крепок, чтобы внушать страх, а что-то в его облике заставляло ощущать смертельную опасность. Но видно было, что этот человек не станет поднимать шум из-за мелочей. Не то что, например, тролли. Им только дай повод, и тебя уже ничто не спасет.

— Что случилось? — спросил Коршун.

Индеец мрачно усмехнулся:

— Не успел увернуться. А пуля всегда найдет свою цель.

Коршун смотрел на него все с большим уважением. Однажды он видел человека, получившего пулю, — члена «первой нации», которому прострелил ногу во время войны между бандами один из «головорезов». Простая царапина, не больше, но шок надолго вывел парня из строя. Он только и мог, что лежать и тупо смотреть на кровь, просачивающуюся сквозь джинсы. А этот человек получил пулю в ребра, рана, судя по крови на пальцах, серьезная, — а держится молодцом. Конечно, выглядит уставшим — наверное, от потери крови, но все же способен подшучивать над собой.

— Вы… Может быть, я вам помогу? — осторожно спросил Коршун.

— Ты? — засмеялся индеец.

Коршун расправил плечи.

— Да, конечно. А почему бы и нет?

— Почему нет? — Человек устало усмехнулся. — Не утруждай себя, приятель! Я сам о себе позабочусь. Но… спасибо на добром слове. — Он указал рукой в направлении улочки, по которой шел Коршун. — Ты куда-то торопишься?

Коршун поколебался, потом кивнул:

— Да. Да, я…

Гортанный вопль оборвал его на полуслове.

— Вот он! — громко завопил кто-то. — Я же говорил, что видел его!

Коршун в ужасе обернулся. В конце улицы в свете фонарей вырисовывались четыре силуэта. Гигантские асимметричные фигуры. Коршун не мог в темноте различить цвета их курток, но был уверен: они одеты в серое с белым.

Четверо троллей подошли ближе.

— Ну и намотались мы с тобой, детка! — прорычал один. — Гляжу — хромает по улице. Ничего, от нас далеко не ухромаешь.

Сначала Коршун решил бежать, но быстро понял, что тролль прав. Его лодыжка ни к черту не годилась. Его поймают прежде, чем он пробежит дюжину метров. Он растерянно огляделся кругом в поисках хоть какого-нибудь оружия.

Индеец встал между троллями и юношей.

— Оставьте его, — спокойно сказал он. — Он под моей защитой.

Коршун увидел, как глаза у троих троллей удивленно расширились. Невозмутимые, размеренные движения незнакомца таили угрозу — смертельную, неумолимую.

Но вожак троллей не обратил на это внимания. А если и обратил, то не показал виду.

— Отвали, ублюдок! — рявкнул он и протянул руку, которая

была толще, чем нога у Коршуна. — Тролль явно собирался убрать незнакомца с дороги. Каким бы сильным ни был индеец, тролль первым же ударом отшвырнул бы его к стене.

Но индеец вовсе не собирался подставлять грудь под удар. В последний момент он увернулся, схватил тролля обеими руками за запястье и рванул на себя. Тот, потеряв равновесие, покачнулся. Не давая ему опомниться, индеец развернулся к троллю спиной, крепко зажав его мощную лапу. Перехватив руку тролля поудобнее, он резко вывернул ее.

Ужасающий треск ломающейся кости разорвал тишину улицы, словно выстрел. Тролль взвыл от боли, но ненадолго. Индеец выпустил сломанную лапу и с полуразворота ударил вожака троллей в подбородок. Рот тролля с лязгом захлопнулся, глаза закатились, и он бесформенной грудой рухнул на землю.

Двое из трех оставшихся троллей с рычанием прыгнули на индейца. Третий, пониже, отпрянул назад и наблюдал за начавшейся дракой выпученными от удивления и страха глазами.

Два огромных тролля одновременно обрушились на незнакомца, словно сплошная стена живого мяса, способная сбить с ног кого угодно. Хуже того, Коршун заметил блеск стали в кулаке одного из них. Нож? Похоже. Будь у них пистолеты, они не полезли бы в драку. Индеец исчез под навалившимися на него троллями. «Это конец», — подумал Коршун.

Но он ошибся. Один из троллей издал такой душераздирающий вопль, что Коршун даже невольно посочувствовал. Что-то сверкнуло в воздухе и упало у его ног. Это был нож тролля.

Один из троллей лежал без движения. Другой пытался достать своими кулачищами голову противника, но удары не достигали цели. Глубоким нырком индеец увернулся от удара, подождал, пока тролль по инерции пролетит вперед и подставит бок, и нанес троллю два мощных коротких удара по почкам. Тролль согнулся в три погибели.

Подскочив, индеец сбил тролля с ног подсечкой. Когда тот падал, индеец всей тяжестью обрушился на массивное тело врага, ускоряя его падение. Первой грохнулась о землю голова тролля. Раздался страшный треск, тролль конвульсивно дернулся и затих.

Вдруг на плече индейца появилось крошечное рубиново-красное пятнышко и поползло к его голове. Коршун обернулся.

Единственный оставшийся в живых тролль стоял в начале аллеи, держа в своих огромных лапах небольшой пистолет с включенным лазерным прицелом, и Коршун видел, как палец тролля нажимает на спуск.

Коршун нагнулся, схватил лежавший у его ног нож, и

отчаянно метнул его снизу вверх.

Должно быть, тролль заметил нож краем глаза. Спуская курок, он дернулся, пытаясь увернуться. Раздался выстрел, и тут же нож ударил тролля в голову. Для хорошего метальщика бросок был никудышный: удар пришелся рукояткой, а лезвие только оцарапало троллю подбородок, но, учитывая ситуацию, это было совсем неплохо.

Но все же недостаточно. Рыча от злости, тролль вскинул пистолет и еще раз нажал на спуск.

И, как по волшебству, рукоятка у ножа будто выросла из горла тролля. Он захлебнулся кровью, повалился на спину, отчаянно дернулся и затих.

Индеец все еще лежал на теле мертвого противника. Левая рука, которой он бросил нож, была вытянута по направлению к мертвому стрелку. Это был бросок снизу, такой же, какой пытался сделать Коршун, а ведь лежа выполнить его еще труднее. Как бы то ни было, исполнение было безупречным.

Индеец медленно поднялся, застонав от напряжения. Коршун заметил, что правая рука силача безжизненно свисает. Коршун понял: пуля тролля задела нервный узел. Кровь из раны стекала по руке, капая с пальцев на землю.

— Чертовы паскуды! — скрипнул зубами индеец. — Вторая за день! — Он поднял усталые, затуманенные болью глаза на Коршуна. — Твое предложение остается в силе? — спросил он. — Имеешь какое-нибудь понятие о первой помощи?

Коршун искоса глянул на рану индейца, разорвал на бинты свою рубашку, и серая ткань сразу окрасилась в темный цвет. По крайней мере, он остановил кровотечение — в этом он был уверен. Иначе бы индеец уже умер.

Он молча шел рядом с индейцем, готовый в любой момент его поддержать. Но его спутник был способен идти самостоятельно, хоть шел и медленно. Коршун вновь поразился тому, сколько ран и увечий досталось этому огромному телу. Незнакомец сидел не шевелясь, пока Коршун перевязывал его новую рану, но, как только затянул последний узел, индеец подобрал пистолет тролля, проверил его исправность и спрятал вместе со своим ножом в карман комбинезона. Он поднялся, и Коршун стал упрашивать, чтобы они пошли вместе. Индеец протестовал, но не слишком рьяно. Так они прошагали кварталов пять среди трущоб, по направлению к деловой части города.

— Меня зовут Деннис Корн, — сказал юноша, чтобы прервать затянувшееся молчание. — Приятели называют меня запросто — Коршун.

Индеец взглянул на него сверху вниз и после короткой паузы

произнес:

— Джон — Ночной Шатун. Обычно меня зовут Ночным Бродягой.

Коршун намеревался обменяться рукопожатием, но Ночной Бродяга не сделал никакого встречного движения.

— Из какого ты племени? — спросил юноша.

— Племени? Ни из какого.

Коршун удивленно глянул на спутника. Разве он не индеец? Тогда кто же?

Ночной Бродяга не смотрел на него, но ответил так, словно прочитал мысли юноши.

— Да, я коренной индеец. Но не принадлежу ни к какому племени. — Продолжая смотреть вперед, он улыбнулся. — А из какого племени ты?

— Сиу, — ответил Коршун, а затем, понизив голос, уточнил: — Моя мать была из племени сиу.

— Многие племена ведут свою родословную по материнской линии, — сказал Ночной Бродяга. — Итак, Коршун — это твое племенное имя, тебе его дали вожди?

— Нет, — медленно ответил юноша.

— Ты был официально признан вождем сиу или каким-нибудь из отрядов сиу?

— Нет.

— Ну так, строго говоря, у тебя нет племени, — сказал Ночной Бродяга. — Как и у меня. Верно?

Последовала долгая пауза, прежде чем Коршун решился ответить.

— Да, — процедил он сквозь зубы, но затем с жаром добавил: — Но у меня оно будет.

— В Сиэтле нет вождей сиу, приятель.

— Я собираюсь отправиться в земли сиу.

После этих слов Ночной Бродяга наконец-то посмотрел на него и поднял бровь.

— Да? И когда?

Коршун сжал зубы, мысленно произнося молитву.

— Когда буду готов, — поколебавшись, ответил он.

— Да? — повторил Ночной Бродяга. — Тебя что-то удерживает? Семья, наверное? Или твоя банда?

Коршуну захотелось послать индейца подальше, но он не смог этого сделать. Было что-то притягательное в этом верзиле, какое-то странное обаяние.

— Поиск озарения, — пробормотал он.

— Что?..

— Поиск озарения! — почти закричал Коршун. Он посмотрел

в лицо Ночному Бродяге, полагая, что тот над ним смеется.

Но взгляд Ночного Бродяги был невозмутимо спокоен. Он снова поднял бровь.

— Расскажи мне о своем поиске, — тихо сказал он.

Коршун хмыкнул. «Ты знаешь, о чем я говорю», — подумал он, но вслух этого не произнес. Он начал рассказывать о том, что узнал из книги Лэнгланд.

Наконец Коршун умолк. Ночной Бродяга, по-видимому, обдумывал его слова.

— Так, значит, когда духи призовут тебя, ты уйдешь, — сказал он. — Тогда и только тогда. — Индеец покачал головой. — Вряд ли в это можно поверить.

Он быстро поднял руку, упреждая возражение Коршуна.

— Я не говорю, что ты лжешь, — объяснил он. — Я просто не сторонник этой философии. Я полагаю, твоя судьба принадлежит только тебе, ответственность за свою жизнь несешь ты сам. И с моей точки зрения, только глупец может перекладывать эту ответственность на кого-то другого, пусть даже это будут духи.

Он еще раз покачал головой.

— Но черт меня побери! — Он неожиданно ухмыльнулся. — Я вовсе не плюю на чужую религию или философию. Это вредно для здоровья, и — кто знает? — может быть, люди и правы. Будь сильным, Коршун, и надеюсь, ты услышишь песню тотемов.

Несколько минут они шли молча. Коршун искоса поглядывал на верзилу индейца. Хоть тот и не жаловался, было видно, что Ночному Бродяге очень больно. И что хуже всего, он был сильно ослаблен потерей крови из двух пулевых ран. Лицо его побледнело, кожа на скулах натянулась. Запавшие глаза лихорадочно блестели. Хоть он и не замедлял движения, но уже не шел, а едва волочил непослушные ноги. Коршун видел, что его спутнику все труднее заставлять себя двигаться.

— Куда мы идем? — спросил он наконец.

Ночной Бродяга ответил не сразу. Он слегка потряс головой, словно стряхивая пелену овладевающего им сна, и с изможденной улыбкой повернулся к Коршуну.

— Мы? — спросил он. — Я собираюсь встретиться со своими товарищами. А ты возвращаешься туда, откуда пришел.

Коршун решительно покачал головой:

— Я тебе нужен.

Ночной Бродяга рассмеялся:

— Ты себе льстишь! Ты и впрямь проворно обращаешься с ножом и неплохо перевязываешь раны. Но это не значит, что ты можешь играть с нами в одной команде. Может, лет через десять, но не сейчас.

— Вы — это раннеры?

Верзила индеец вновь посмотрел на него — на этот раз оценивающе. Было видно, что он принимает решение.

— Да, — произнес он.

— Что у вас произошло?

Ночной Бродяга на мгновение задумался, затем пожал плечами.

— Думаю, ничего не случится, если я тебе расскажу, — ответил он наконец. — Да собственно, и рассказывать особо нечего. Вылазка была неудачной. Мы ждали, пока одна из наших команд закончит свою часть работы, но… — Он снова пожал плечами. — Они так и не вернулись, видно, такова судьба. А потом другая команда напала на нас. Другая теневая команда. Корпорация, против которой мы совершали вылазку, сама наняла раннеров для охраны. Такого мы никак не ждали, хотя это было весьма разумно. Послать вора поймать вора.

Голос его стал едва слышен, а лицо — безжизненно, словно маска. Какое-то время он шел, как лунатик, — тело продолжало двигаться, хотя сознание уже покидало его.

— Так что же случилось? — настаивал Коршун. Ночной Бродяга вскинул голову, словно его неожиданно разбудили.

— Я вырубаюсь, — сказал он спокойно. — Потеря крови, болевой шок. Ты уж лучше не давай мне молчать.

— Так что же случилось? — снова спросил Коршун.

— Нам крепко досталось, — бесстрастно продолжал Ночной Бродяга. — Там были я и… мой друг и остальные ребята из моей команды. И еще шестеро.

Он посмотрел на Коршуна, его губы искривила мрачная ухмылка.

— Настоящие индейцы, вам бы нашлось о чем поговорить. — Улыбка на его губах потухла. — Это была их вылазка. Меня они взяли как координатора, потому что я неплохо знаю городские джунгли. Парни хороши, но только когда действуют мелкими группами. Я был нужен для координации действий. В случае провала Марей, мой друг, и остальные из моей команды должны были изображать простых воров.

Рассказывая, индеец отрешенно смотрел вдаль. Коршун знал, что он не вспоминает, а словно воспроизводит события на трехмерном воображаемом экране.

— Они прикончили Марси, — спокойно продолжал индеец. — Пуля со смещенным центром тяжести: она вошла в верхнюю губу и разворотила весь затылок. Дюжине остальных, думаю, досталось не меньше. — Он покачал головой. — А может, я ошибаюсь, может, их просто ранили. Но как бы там ни было,

команду рассеяли, и нам пришлось разбегаться, иначе перестреляли бы всех до одного.

— Тогда тебя и ранили?

Ночной Бродяга кивнул.

— Думаю, да. Я в тот момент ничего не почувствовал. Иногда так бывает. Лишь позже я ощутил, как онемел бок. — Он посмотрел на Коршуна сверху вниз. — С пулевыми ранениями часто так: немеет, деревенеет, а болеть начинает потом.

— И что ты собираешься сейчас делать?

— Есть план на случай непредвиденных обстоятельств, — медленно произнес Ночной Бродяга, — явки, время встречи, инструкции. Перегруппируемся и посмотрим, что можно предпринять, чтобы спасти вылазку.

— Так ты сейчас туда и идешь?

— Угу, — едва слышно ответил Ночной Бродяга.

Коршун вдруг с тревогой посмотрел на своего спутника. Голос верзилы раннера звучал тихо и безжизненно, слова он выговаривал с большим трудом.

— Ты в порядке? — настороженно спросил он. Ночной Бродяга ответил не сразу. Все, что он смог, — это выдавить: — М-м?

Коршун остановился. Его худшие опасения подтверждались. Индеец сделал еще несколько шагов и лишь тогда, сообразив, о чем его спрашивают, тоже остановился.

— Ты в порядке? — повторил Коршун. Еще одна пауза.

— Нет, — медленно произнес Ночной Бродяга. Он потряс головой, словно пытаясь прийти в себя. — Нет, — повторил он, на этот раз более отчетливо. — Черт, я вырубаюсь…

— Где у вас место встречи?

— В парке «Денни». Это далеко отсюда?

Коршун посмотрел по сторонам. Они находились на перекрестке Шестой улицы и Пайн-авеню.

— Где-то с километр, может, и больше.

— Черт! — Ночной Бродяга откашлялся и сплюнул на землю.

Коршун заметил, что слюна у него на губах потемнела от крови. Верзила прислонился к стене и закрыл глаза — потеря крови и боль вконец измотали его. Но потом Ночной Бродяга пересилил себя и в упор посмотрел на юношу.

— Недавно ты сказал *мы,* — начал он тихо. — *Мы.* Ты все еще хочешь мне помочь?

Если Коршун и колебался, то лишь мгновение.

— Да. — Он старался говорить спокойно, не выдавая своего волнения. — Да, я хочу помочь. Что нужно делать?

Раннер улыбнулся.

— Проводи меня на встречу, — сказал он. — Я решил идти туда, и там будет непросто — понимаешь, о чем я? Хочу, чтобы ты прикрыл меня. Будешь у меня за спиной, тебе понятно?

— Ты не доверяешь своим партнерам?

Ночной Бродяга коротко рассмеялся и тут же мучительно закашлял. Он снова сплюнул и вытер с подбородка окровавленную слюну.

— У раннеров не принято доверять друг другу, приятель. А сейчас самое время купить тебе пистолет.

…Коршун держал пистолет, прикидывая его вес. Оружие было тяжелее, чем он ожидал, от него веяло холодом и смертью. «Фичетти секьюрити-500» — так назвал его торговец оружием. Это была легкая модель очень малого калибра — почти карманный пистолет. Но в небольшой руке юноши он выглядел внушительно.

Раньше Коршун никогда не покупал пистолетов. Говоря по правде, *настоящих пистолетов* ему не приходилось держать в руках. Как и большинство парней «первой нации», он купил себе «специальную модель для субботнего вечера», самодельную однозарядную «пушку», и выложил за нее двадцатку какому-то бармену. Но опять же, как почти все его друзья из «первой нации», Коршун никогда не пускал ее в ход, да и не собирался. «Пушка» на ремне нужна была для того, чтобы походить на отчаянного парня. Коршун знал, что лишь у немногих главарей банд были настоящие пистолеты; один из них даже ранил в ногу парня из конкурирующей группировки. Для остальных же пистолет был скорее просто атрибутом, как куртка, окрашенная в цвета банды, а не инструментом, который можно использовать по назначению.

Торговец оружием поначалу лишь улыбнулся, когда Коршун обратился к нему. Но после того как юноша показал кредитку с сертификатом, которую дал ему Ночной Бродяга, торговец очень быстро посерьезнел. Он прикинул размер ладони Коршуна и предложил ему легкую модель.

— Невелика пушка, — пробурчал торговец, — но тебе будет в самый раз.

Пистолет стоил 425 нуен, которые Коршун отдал, даже не попытавшись сбить цену. Не было времени. Он понял, что переплатил, когда торговец вставил в пистолет дополнительную обойму.

Коршун протянул пистолет Ночному Бродяге. Индеец выглядел совсем паршиво: бледное желтоватое лицо, красные запавшие глаза, лоб, покрытый капельками пота. Он сидел на мостовой, прислонившись спиной к стене здания, и напоминал

полудохлого быка, недобитого на бойне. Казалось, он даже не пошевелился с тех пор, как Коршун оставил его, отправившись в оружейную лавку.

— Ну что, купил себе игрушку? — И улыбка, и голос Ночного Бродяги свидетельствовали о крайнем истощении всех жизненных сил.

— Я и тебе кое-что купил, — сказал Коршун. — Держи.

Он бросил небольшой пакет на колени Ночному Бродяге.

Непослушными пальцами индеец открыл пакет и достал маленький круглый пластырь, упакованный в пластиковый мешочек. Затем он вытряхнул на ладонь остальное содержимое пакета: три маленькие восьмиугольные пилюли тревожного ярко-красного цвета. Он взглянул на Коршуна и спросил:

— Бактерицидный пластырь?

Коршун кивнул:

— И эти, метасы, метам… не помню, как их…

— Метамфетамины,[10] — закончил Ночной Бродяга. — Друзья раннера.

— Торговец оружием сказал, что они поставят тебя на ноги.

— Поставят на ноги? — хмыкнул Ночной Бродяга. — Да-а, поставят на ноги, уберут боль, сделают меня целым и невредимым… или, по крайней мере, мне так будет казаться. А когда их действие закончится, меня ждет пробуждение, причем такое, что врагу не пожелаешь.

Коршун отвел взгляд в сторону:

— Я думал, они помогут.

— Помогут, — подтвердил Ночной Бродяга. — Ты все сделал правильно. Если я их приму, то завтра возненавижу жизнь. Но если я их не приму, завтра для меня не наступит. — Он ухмыльнулся. — Я вижу, стакан воды ты мне забыл принести?

Коршун подумал, что вид у Ночного Бродяги по-прежнему дерьмовый, но уже по крайней мере не казалось, что он может в любой момент загнуться. Юноша наклеил пластырь на безобразную рваную рану на боку индейца — рана выглядела еще хуже, чем Коршун мог предположить. А затем Ночной Бродяга проглотил пилюли, мучительно кашляя, когда они застревали в его глотке.

Коршун с интересом наблюдал за его реакцией. Действительно ли метамфетамины так всесильны, как рассказывал Ночной Бродяга? Долго ждать не пришлось. Кровь побежала по жилам индейца, возвращая на лицо румянец. Подернутые пеленой глаза прояснились. Постанывая от боли, он встал на ноги. «Вид у него все еще паршивый, — подумал Коршун, — но, по крайней мере, он не выглядит полутрупом».

Ночной Бродяга осторожно потянулся, проверяя подвижность своего тела. Он наклонился и зашипел от боли — этим движением он растревожил рану на боку.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил Коршун.

— Как и следовало ожидать, неплохо, — ответил Ночной Бродяга. — В общем, паршиво, но выбирать не приходится. Что бы мне действительно сейчас не повредило, так это немного магии. Ты, случайно, не шаман? Думаю, что нет. — Он медленно согнул ногу в колене. — Отлично, я могу двигаться. Не так быстро, но все-таки.

Он улыбнулся Коршуну и похлопал его по плечу:

— Ну что, ведешь меня?

ГЛАВА 5

12 ноября 2053 года, 23.43

Что же все-таки в лифтах и подъемниках такое, что тянет человека опорожниться? Слай размышляла об этом, стараясь не вдыхать насыщенный миазмами воздух. «И женщины туда же!» — подумала она, вспоминая потрепанную грудастую даму, присевшую на корточки прямо на открытой платформе монорельсовой дороги. Иногда она задумывалась: а не было ли это тем же инстинктом, который заставляет волков и собак метить принадлежащий им участок? Слай представила уличных гопников, заполняющих животы водой перед ночным рейдом по своей территории, и усмехнулась, отгоняя возникшую в голове картину. Пришло время сосредоточиться на работе.

Слай находилась у северного конца виадука, близ пирса номер 70, напротив отеля «Эйнджуотер». Необычная часть города, парадоксальная. Город, больной шизофренией. На западной стороне улицы расположены ослепительные гостиницы, подобные «Эйнджуотер», дорогие рестораны, готовые обслужить богатого посетителя, лавочки для туристов, где торговали сувенирами и подлинными художественными произведениями индейцев, сделанными на токарных станках с компьютерным управлением. Яркое освещение. Роскошные автомобили, до зеркального блеска надраенные слугами, которые были заодно и охранниками.

А на восточной стороне…

Сумеречная, мрачная помойка. Ржавые железнодорожные рельсы, пустующие склады. Обгорелые или раскуроченные корпуса автомобилей. Зловонные свалки. И крысы — и двуногие, и четвероногие. Столь близкое соседство зоны туризма и реалий урбанизации шокировало Слай.

Она притаилась у железобетонной стены склада, в тени, возле двери. Неиспользуемое бесхозное помещение было, вероятно, приговорено к сносу архитекторами города. Дверной проем, укрывший Слай, был опечатан, но кое-где пластиковое покрытие сорвали. Наверное, какой-то предприимчивый бродяга утащил его для своей жалкой лачуги на южной окраине доков. Стены были вольно расписаны краской из аэрозольного баллончика, а на двери позади нее была выведена надпись: «Не входить — умрешь!» Но, судя по мусору и разбросанным вокруг пустым ампулам, немногие принимали эту угрозу всерьез.

Слай бросила взгляд на часы. Без четверти полночь. Значит, она здесь уже чуть ли не целый час. Похолодало, моросил дождь. Слай пробирала дрожь. Сколько еще ждать?

Как только суматоха в «Армадилло» стихла, она выскользнула наружу через заднюю дверь и принялась выслеживать Модала. Не слишком сложная работа для человека с такими связями, как у нее. Достаточно пустить слух, сообщить номер своей телефонной ячейки (по правде говоря, ее телефон в настоящее время был переключен на «прием») и ждать ответа. Опросив нескольких прохожих, случайно оказавшихся возле заведения Смеланд, она выяснила, что черный эльф с большим дурацким пистолетом уехал на огромном черном мотоцикле. Модал обожал мотоциклы. Всегда у него была эта типичная мужская черта — идти в работе на реальный риск, и Слай часто бранила его за это. Сейчас, конечно, она была счастлива, что он оказался мужчиной с постоянными привычками, — это значительно облегчало ее работу.

Она не ожидала немедленного результата. Обычно требовались часы и дни, чтобы вытянуть из ее информационной сети действительно ценные данные. Первый звонок пришел менее чем через час, и нужно было сразу же выезжать на место. Кто-то опознал Модала среди посетителей «Камикадзе Сухи», на старом паромном причале.

Слай знала «Камикадзе Сухи», как-то заглядывала туда. Занятный маленький ресторан, известный своими ночными вечеринками (с возведенным в ранг закона вульгарно-вызывающим поведением посетителей) и еще одной особенностью — классической рок-музыкой, которую гоняли на одуряющей громкости. Старый стиль — «Роллинг Стоунз», «Дорз», «Дженезис», «Йес», — группы, которые были на вершине популярности полстолетия назад. Хозяином «Камикадзе Сухи» был японец — крупный малый, называвший себя «Тигром», и когда он работал за стойкой бара, то служил главной достопримечательностью своего заведения. Мгновенная реакция делала Тигра самым быстрым барменом, а его обыкновение задирать завсегдатаев питейного заведения — даже троллей, которые были потяжелей его на полсотни килограммов — говорило о большой сноровке. Из-за маленьких инцидентов, возникавших время от времени, четыре пальца на его левой руке и два на правой были заменены кибернетическими протезами. (Ходила молва, утверждавшая, что как-то он обрезал свой половой член и подал его перепившему завсегдатаю с рисом, хорошо приправив все острым соусом… По слухам, тот проворно все это съел.) Казалось, нет ничего, что могло бы утихомирить Тигра.

Слай добиралась до ресторана добрых полчаса, терзаясь мыслью, что за это время Модал может уйти. Но нет, когда она

заняла позицию напротив «Камикадзе Сухи», его мотоцикл был все еще припаркован перед зданием. Весь прошедший час она не отводила взгляда от двери, ожидая появления эльфа. Слушая музыку, доносившуюся из ресторана, она мечтала согреться крошечной чашечкой горячего саке, что было, конечно, невозможно. Главная цель предприятия — перехватить Модала, переправить его в какое-нибудь тихое место и задать несколько вопросов. Ее вдруг снова затрясло, но не от холода. Слай воочию, словно наяву увидела маленького Луиса, которого пытали, о чем-то выспрашивая. С усилием она отогнала это видение.

Она терпеливо ждала. Ей необходимо было узнать, на что способен Модал, выяснить, что ему известно о «Яматецу» и об убийстве ее «мистера Джонсона», спросить, почему он пытался найти ее. Если он работал на другую сторону — при всей своей самонадеянности она пока не параноик и может предположить худшее, — это грозило гибелью. Модал быстр и опасен; она в этом убедилась несколько часов назад. Но Слай справедливо полагала, что, используя элемент неожиданности, она сможет застать его врасплох. Но этого мало. Ей необходимо получить его живым, невредимым и способным отвечать на вопросы. И пока не выяснится, что Модал не имел какой-то тайной цели, разыскивая ее, она постарается не задевать его гордость и не взбесить его настолько, чтобы он отказался поделиться нужными ей секретами. Слай вздохнула. Никто не говорил, что это будет легко. Выходи, Модал. Поторопись…

Мысли прозвучали, как заклинание. В дверях ресторана возник знакомый силуэт в синем кожаном пиджаке. Модал на минуту задержался, явно для того, чтобы холодный ночной воздух выветрил туман винных паров и табачного дыма из легких. Затем эльф направился к мотоциклу, перекинул длинную ногу через раму и уселся на седло.

Слай затаила дыхание. Следующий момент должен стать решающим. Эльф упорно следовал привычкам — он слишком сильно любил свой большой мотоцикл. Будет ли он и в остальном столь же последователен?

Да! Вместо того чтобы просто завести мотоцикл и уехать, он глубоко запустил руки в карманы, разыскивая что-то. Слай знала, что он искал, — маленький компьютерный модуль, который контролировал сложный механизм мотоцикла. Предпочитая не зависеть от сигнализации и других противоугонных устройств, Модал переделал контрольную панель: компьютерный модуль устанавливался в кассетоприемник, как в автомобильных стереосистемах. Всякий раз, паркуя мотоцикл, он вынимал модуль и совал его в карман. Без него мотоцикл был инертен,

мертв. Вор не смог бы даже включить зажигание. Чтобы вынуть и вставить компьютерный модуль, требовалось несколько секунд, — секунд, которые в острой ситуации проводят черту между жизнью и смертью, но для Модала риск стоил сохранности его любимого мотоцикла.

Итак, у нее было несколько драгоценных секунд, пока эльф возвращал своего железного коня к жизни. «Ну, пора! — подумала Слай. — Помоги мне Бог!..»

Повернув голову и не спуская глаз с Модала, она бросилась из своего укрытия и быстро перебежала улицу. Слай была за спиной Модала, вне поля его зрения… или, по крайней мере, надеялась на это. Этот бросок, вероятно, был самым рискованным. Если Модал поймает краем глаза даже тень движения, если успеет повернуться, то рефлекторно выхватит из кобуры пистолет, и заряд настигнет ее еще до того, как он узнает, в кого стрелял.

Но ей снова сопутствовала удача. За время, которое потребовалось, чтобы достигнуть другой стороны улицы, эльф извлек компьютерный модуль из кармана и неуверенно водил им, пытаясь нащупать гнездо. Пьян? Это ее удивило. Возможно, он провел в заведении Тигра намного больше, чем час. И если Модал был дружен с хозяином, то не обошлось без нескольких лишних порций выпивки. Она хорошо знала: от спиртного эльф отказывался редко.

Она сбавила темп со смертельно опасного спринта на более естественный быстрый шаг. Тяжелый револьвер с укороченным стволом успокаивающе распирал карман ее куртки. Слай положила ладонь на рукоятку и почувствовала себя почти в безопасности.

Она почти дошла до цели. Эльф не оглянулся, не заметил ее. Он все еще ковырялся с модулем, бормоча обычные проклятия и сопровождая их вздохами. Пять метров, три…

Слай оставался всего шаг, когда Модал инстинктивно обернулся, и по тому, как распахнулись его темные глаза, Слай поняла: он узнал ее. Его рука скользнула под куртку, но слишком поздно: Слай уже сделала выпад, схватила Модала левой рукой за плечо и уперлась стволом пистолета в его правую почку.

— Нет! — громко шепнула она ему в ухо.

Его рука застыла в нескольких сантиметрах от оружия. В какой-то момент она почувствовала, как напряглись мускулы под ее ладонью, как будто он на что-то решался. Затем Модал со вздохом расслабился. Он просто не успеет достать пистолет — Модал это понял и примирился с обстоятельствами.

Слай тоже позволила себе мгновение отдыха. Она очень

боялась, что кровь ударит ему в голову и Модал инстинктивно бросится на нее. Он не должен делать этого. Потому что тогда ей придется всадить пулю ему в позвоночник, даже если эльф и не хотел ее смерти. Возникнет и другая проблема: выбраться из хорошо охраняемого района убийце с кровью жертвы на одежде — не самая приятная перспектива. Еще меньше ее привлекала сама идея убить человека, который когда-то был ей больше, чем другом… Но не было времени об этом размышлять.

Модал снова вздохнул.

— Лицо из прошлого, — сказал он мягко, спокойно. — Что бы это значило, Шерон Луиза?

Это было для нее сюрпризом, и — о ужас! — Слай ощутила что-то вроде нежности, услыхав голос Модала. Шерон Луиза… Ее настоящее имя вернуло ее в прошлое, в Токио. Это было еще до того, как она получила уличное прозвище Слай. Только Шерон. Но однажды Модал узнал ее второе имя и с тех пор так ее и называл. Шерон Луиза… Он был единственный, кто звал ее так. Даже сейчас это имя вызвало воспоминания прошлого — его мягкий голос в темноте, ощущение его тела, снова принадлежащего ей…

— Слай, — резко бросила она, борясь с желанием подкрепить свои слова, вдавив ствол пистолета в его тело.

Он пожал плечами с видимым безразличием.

— Пусть будет Слай, — ответил он. — Сойдет на время, напарник.

Слай раздраженно тряхнула головой, больше для себя, чем для него.

— Нам придется прогуляться, — сказала она.

Некоторое время он хранил молчание.

— Если ты пришла, чтобы прикончить меня, — сказал он наконец, — делай это сейчас, и довольно болтовни.

Эти слова потрясли ее. Не сами слова, не смысл, — идея была не чужда ей. Вероятно, на его месте Слай поступила бы так же. Она представила себе, что ее должны прикончить — худшей пытки невозможно вообразить, медленная прогулка через дорогу в тень склада, и потом, только потом, пуля в голову или в горло. Нет, это не те слова, которые Слай хотела бы от него услышать.

Но тон его голоса, умиротворяющий, спокойный, почти безмятежный… И то, как расслабились его плечи под ее ладонью… Он обсуждал свою смерть, как будто не видел существенных различий между тем, что погибнет, и тем, куда они пойдут выпить и где уснут: на его кровати или на ее. И это равнодушие было таким глубоким, что Слай испугалась. Но тут же разозлилась на себя.

— Твой пистолет, — сказала она решительно.

Эльф колебался несколько секунд, и она поняла: он взвешивал свои шансы.

— Если ты этого хочешь. — Левая рука Модала, которой, как она знала, он действовал так же ловко, как правой, скользнула под пиджак. Модал извлек пистолет из кобуры, удерживая рукоять двумя пальцами.

Она взяла оружие левой рукой и быстро спрятала под одеждой. Потом шагнула назад, отступив примерно на метр. Она знала, что у Модала были тренированные рефлексы, но ей было не известно, не появилось ли у него какое-либо кибернетическое оружие, имплантированное в тело. Осторожность не помешает — ведь прошло несколько лет. Слай не думала, что за это время он побывал под медицинским лазером, имплантированное оружие действительно не его стиль, — но не рискнула бы побиться об заклад. Сжав рукоять револьвера в кармане куртки, она выдвинула его немного вперед, так, чтобы ствол выпирал из-под ткани — на всякий случай напомнить, что при необходимости остановит Модала до того, как он сможет приблизиться к ней вплотную.

Модал одобрительно кивнул.

— Что теперь? — спокойно спросил он.

— Мы немного прогуляемся, — ответила Слай. — Через дорогу, к складу. И не двигайся резко, о'кей? Не хочу тебя останавливать, но сделаю это, если дернешься.

Модал снова кивнул.

— Я знаю, — сказал он хладнокровно. — О'кей, твоя взяла.

Он слез с мотоцикла и неспешно направился через дорогу. Помешкав, она пошла за ним, сохраняя некоторую дистанцию.

На полпути Модал обернулся. В какой-то ужасный момент ей показалось, что эльф решил действовать; Слай сжала рукоять револьвера. Но он только улыбнулся.

— Я мог бы разорвать тебе горло, ты знаешь, — спокойно сказал он. — Поднять бунт, завопить: «У стервы позади меня два пистолета!»

— Но ты ведь не станешь этого делать. — Слай старалась, чтобы в голосе ее звенел металл.

Задумавшись на какое-то время, Модал двинулся вперед. Неожиданно он коротко бросил через плечо:

— Нет, не стану.

В тени склада Слай почувствовала себя в относительной безопасности. Она извлекла свой пистолет из кармана и нацелила в голову Модала.

Он повернулся к ней, глядя на ее оружие.

— Ты собираешься стрелять из своего пистолета? — удивленно спросил он. — Это на тебя не похоже.

Слай плавно нажала на курок, активизируя лазерный прицел, и направила рубиновую точку ему в лоб.

— На колени, — холодно приказала она. — Руки за голову.

Он не шелохнулся:

— Я не собираюсь опускаться на колени.

— Повторяю: мне бы не хотелось тебя пристрелить, — отрезала Слай. — Ну!

Он не спеша подчинился.

Слай позволила себе немного расслабиться. Со своими ускоренными рефлексами эльф все еще был страшно опасен — особенно если решит, что она замешкается, нажимая на спусковой крючок, но пока он поднимется с колен… Она отпустила курок, и лазер погас.

Улыбнувшись, он поднял на нее глаза.

— Догадываюсь, что ты хочешь немного побеседовать.

Слай сделала глубокий вдох, пытаясь справиться с эмоциями. Что-то подозрительное было во всем этом, но она не могла понять, что именно. Модал был невероятно спокоен. Нельзя расслабляться, надо быть готовой ко всему. Модал напоминал пантеру перед прыжком, а не загнанного в угол зверя, дрожащего от страха. Его глаза не отрывались от нее, как прицел, но в них не было никаких эмоций.

«Это неважно, — твердо сказала она себе. — Я успею в него выстрелить. Я в безопасности».

Она заставила себя говорить спокойно:

— Расскажи мне о «Яматецу». Он согласно кивнул:

— А-а, ты уже знаешь?

«Что я знаю?» — задумалась она, пытаясь скрыть замешательство.

— Мне кое-что известно, — она решила блефовать: пусть проговорится. — И полагаю, достаточно много. Я жду подтверждения.

Модал улыбнулся.

— Мне всегда нравилось следить за ходом твоих мыслей… *Слай.* — Он сделал паузу перед ее именем. — Хороший способ задавать вопросы. Не показывать, что тебе уже известно.

— «Яматецу», — напомнила она. — Ты на них работаешь?

Он колебался, пытаясь обнаружить подвох.

— Да, — сказал он наконец и поспешно добавил: — но не с той целью, о которой ты подумала.

— Расскажи мне, — предложила она. — И не лги. Если солжешь, я пристрелю тебя прямо здесь.

Эльф согласно кивнул.

— Да, — медленно произнес он, — если ты хочешь это узнать. О'кей. «Яматецу» идет по твоему следу. Они прочесывают все самым тщательным образом. Они выслали оперативников — это их собственные люди — плюс дюжину наемных раннеров.

— И ты один из них?

Он тряхнул головой и улыбнулся.

— Не напрямую, — сказал он. — Я не играю больше в шпионов. Это игры для молодежи, ты знаешь это. Есть хорошие раннеры, и есть старые раннеры. Но не бывает старых и хороших.

Ее передернуло от этих слов. «Он ведь моложе меня», — подумала Слай с отвращением.

— Ты участвуешь? — жестко спросила она.

— А что делать отставному раннеру? Открыть магазинчик дамского белья? «Не купите ли бюстгальтер, леди?»

— Ты ведь посредник. — Для самой Слай эти слова прозвучали как обвинение.

— Черта с два! — оскалился он. — Я все еще в игре. Я могу использовать все мои связи, но не хочу подставлять задницу и ждать, когда кому-нибудь вздумается открыть по ней огонь.

Она медленно кивнула.

— Так «Яматецу» обратилась к тебе, чтобы нанять уличных бойцов, — выдохнула она шумно. — Кто возглавляет «Яматецу» в Сиэтле? Все еще Джек Бернард?

— У тебя устаревшая информация. Месяца три назад Бернард получил небывалое повышение. Сейчас он в Киото и наверняка купается в роскоши. На его месте Блейк Худ. Гном и настоящий волшебник. На его фоне Джек Бернард смотрится пай-мальчиком.

— Сколько раннеров охотится за мной?

Модал пожал плечами:

— Блейк любит пустить пыль в глаза. Конечно, он нанял не одного вербовщика.

— Сколько контрактов получил он от тебя?

— Восемь. И он предложил кучу денег, очень много.

Казалось, Слай слышала, как застучала в висках кровь. Восемь высокооплачиваемых раннеров… Наверное, она знала кого-то из них. Как говорится, Сиэтл не такой большой город, чтобы можно было укрыться в его тени. Дело плохо. Профессионалы сентиментальностью не отличаются — люди, которые шли по ее следу, наверняка знали все ее привычки, все ее слабости. «Черт возьми, — подумала она, — я могла беседовать с одним из них сегодня ночью». Она быстро соображала, с кем из членов ее информационной сети говорила по телефону. Их было слишком много.

«Кому, черт возьми, я могу доверять? — спросила она себя, ощущая страх, как застрявший в животе грязный снежный ком. — Никому! Это как заражение крови!»

Слай свирепо глянула на Модала.

— И ты, конечно, доволен теми восемью контрактами, — сказала она с горьким упреком.

— Конечно, — ответил он. — Это бизнес, не так ли? Если б я не согласился, Блейк обратился бы к другому вербовщику, или я не прав?

«Конечно, прав», — подумала Слай, но от этого было не легче.

— И ты начал выслеживать меня сам? — догадалась она.

Он слегка покраснел.

— Так ты *была* в «Армадилло»… Я уверен: была.

— Но зачем? — крикнула она. — С какой целью ты пришел туда? Хотел сам меня придушить? И положить в карман премию за мою голову?

Модал некоторое время молчал.

— Я не знаю, что собирался предпринять и что думал. — Он тряхнул головой. — Получить премию было бы заманчиво. Десять тысяч, черт возьми, а времена скудные. Но, Бог свидетель, я не знаю, что собирался сделать. Придушить тебя? Предостеречь? Не знаю.

Слай обнаружила, что глядит не отрываясь в его черные глаза. Они были безмятежно чисты, не выражали даже малейших следов страха или каких-либо других эмоций. Это могло быть обманом, но ей так не показалось.

«Но… Дьявол, десять тысяч, десять тысяч нуен премии! Кто-то знает мне цену».

— Почему?.. Почему «Яматецу» охотится за мной? — перевела она разговор на другое.

Эльф пожал плечами.

Гнев вспыхнул в ее груди, почти пересиливая страх:

— Тебе это не интересно?

— Действительно нет. — Модал говорил совершенно спокойно, без всяких эмоций. — Это действительно не важно. Дюжина людей высматривает тебя на улице. Что бы ни случилось, рано или поздно они тебя найдут и прикончат.

Она взглянула на него с изумлением. Произнесенные с другой интонацией, эти слова могли бы означать угрозу. Но Модал произнес их просто, словно комментировал всем известный факт. И от этого смысл слов становился еще более ужасающим.

— Ты *сама-то* знаешь, в чем дело? — В вопросе Модала

сквозило легкое любопытство, не более.

«Думаю, что знаю», — мелькнуло у нее в голове, и Слай почти физически ощутила в кармане вес двух кристаллов с информацией: одного — с персональным файлом Моргенштерн, и другого, заключавшего в себе замкнутый, защищенный паролем файл Луиса. Конечно, это иллюзия: каждый кристалл, даже в футляре, весил меньше перышка. Мгновение Слай чувствовала почти непреодолимое желание довериться Модалу, но тут же ее охватило подозрение. Конечно, нельзя поддаваться чувствам. Он может так же легко вернуться и рассказать «Яматецу», *что* ей известно.

Она покачала головой.

— Ну да.

Эльф остался равнодушен к ее словам.

Все это, конечно, поднимало другие вопросы. В самом деле, черт возьми, что ей теперь делать? Развернуться и уйти прочь? Возможно. Но, сама того не желая, она дала Модалу знать, что была тесно связана с Терезой Смеланд. Что будет, если он захочет подарить эту драгоценную информацию «Яматецу»? И как они с ней поступят?

Наверное, вот так они и получили Луиса. Она не могла допустить, чтобы нечто подобное случилось с Терезой. Сама Слай могла исчезнуть из поля зрения: нет ничего, решительно ничего, что удерживало бы ее в Сиэтле. Но у Терезы был «Армадилло», и, конечно, она вложила в свой бар кучу денег. Быстро исчезнуть для Смеланд было тем же, что для Слай решиться расстаться с ее пенсионным фондом. Смеланд может унести кое-что с собой — имущество там, деньги, — но ее бизнесу будет положен конец. Тяжелая ноша — воздать должное другу, чтобы он оставался другом.

А тут еще Модал, дьявол его побери!

Он все еще пристально смотрел на нее — твердо, спокойно. Но в его глазах было еще что-то, хотя Слай не могла уловить каких-либо эмоций. Он смотрел трезво, понимающе.

«Он знает, — поняла она. — Он знает, о чем я думаю!» Слай не могла себя заставить встретиться с его пристальным взглядом и смотрела в сторону. Смотрела на неровную почву, покрытую мусором. Смотрела на стену бесхозного склада, на городские огни, видневшиеся вдалеке. Она сжала рукоять пистолета. Черт побери, неужели придется пролить его кровь?..

— Мне кажется, это будет самым легким выходом, — спокойно сказал эльф, будто прочел ее мысли. — Но это не единственный путь.

Слай снова взглянула на него.

— Говори, — резко сказала она.

— Ты не можешь позволить мне свободно уйти, — сказал Модал. Его голос был спокоен, как если бы они обсуждали погоду. — Ты думаешь, что я Пойду в «Яматецу» с тем, что мне известно. Я знаю твои ходы, Шерон Луиза, я знаю твои привычки. Я знаю многих твоих помощников. И я знаю, что ты здесь. Если ты позволишь мне уйти, даже если ты разденешь меня догола, я смогу позвонить по телефону через две минуты. «Яматецу» потребуется еще пять минут, чтобы наводнить это место уличными бойцами. И как далеко ты сможешь уйти за эти семь минут? Не слишком далеко, правда?

Она подавленно кивнула. Эльф точно излагал причины, по которым она должна была его убить. Рассчитывал ли он на какие-нибудь чувства, которые она испытывала к нему, чтобы оставить в живых? (Были ли вообще какие-либо чувства? Да, черт возьми, они были.) Но если это так, то он недооценивает ее. Она возненавидит себя, после того как убьет его, но сможет это сделать. Если возникнет необходимость. И сделает. Ее палец лег на спусковой крючок. Лазерная точка задрожала на груди коленопреклоненного эльфа.

— Но есть и другое решение. — Даже под угрозой смерти его голос не выражал ничего — ни страха, ни мольбы.

— Говори! — потребовала она, и ее голос понизился до шепота.

— *Используй* меня, Шерон Луиза, — ответил Модал, не замечая, что это имя причиняло ей боль, как от вонзающегося ножа. — Перевербуй меня. Сделай так, чтобы я не смог работать на «Яматецу». Сделай так, чтобы у меня не было другого выбора, кроме как работать *с тобой*.

— Как? — От этого призыва у нее перехватило горло.

— Я могу сказать: «поверь мне». — Он усмехнулся. — Подставь меня «Яматецу». Скомпрометируй меня. Сделай так, чтобы Блейк решил, будто я продал их тебе. Он купится на это. Он не верит никому и знает, что мы были… — Он замолчал.

Слай думала. Она не чувствовала своих онемевших до локтей рук, но по движению светящейся лазерной точки видела, что они дрожали. То, что сказал эльф, имело смысл. Она хотела верить ему. Очень хотела…

— Я объясню как. Я буду работать, Шерон Луиза.

— Слай!

— Я буду работать, Слай.

Ярость вспыхнула в ней, всепоглощающий огонь гнева. Она отвела пистолет в сторону, и нажала на курок. Большой револьвер выстрелил, тяжело прыгнув в ее руке. Слай услышала,

как пуля вонзилась в землю около ног эльфа. Он вздрогнул, услышав свист тяжелой пули, рассекшей воздух возле его уха. Но пристальный взгляд по-прежнему был устремлен на нее, и в глазах и на лице Модала не отразилось… *ничего.*

— Да почувствуй ты хоть что-нибудь! — заорала на него Слай. — Почувствуй *что-нибудь!* Ты выглядишь как какой-то чертов *зомби. Что,* черт возьми, с тобой происходит? Я ведь могу тебя *убить!*

— Знаю. — Он отвечал спокойно, безо всякого следа эмоций в голосе.

Ее ярость утихла. Слай провела лазерным лучом по лицу эльфа, зная, что это должно ослепить его. Его зрачки сократились, но это была только реакция.

— Что это? — шепнула она. — Ответь мне.

— Ты, как всегда, эмоциональна, — рассудительно ответил он. — Позволяешь чувствам захватить себя. Я мог бы использовать это в своих целях. Не хочешь ли ты освободиться от них? Время от времени вырываться из их пут? — Не дожидаясь ответа, он задал другой вопрос: — Ты слышала что-нибудь о «мертвой голове»?

Преодолевая сомнения, Слай молча пожала плечами.

— Это наркотик, — бесстрастно объяснил Модал. — Он снимает эмоции. Они присутствуют, но здравое сознание для них недоступно. После этого наркотика ты избавляешься от своих чувств. Нет ни страха, ни раздражения. Более того, нет печали. Можно мне? — Он слегка двинул рукой.

Слай надавила на курок, чувствуя, как он поддается. Нажать еще немного — и все кончится пулей, пущенной ему в голову. Она кивнула.

Медленно, осторожно Модал опустил одну руку, извлек что-то из внутреннего кармана кожаного пиджака и протянул ей. Маленький пластиковый пузырек с дюжиной черных пилюль.

— «Мертвая голова». — Пояснение было лишним. Он поставил пузырек на землю и снова заложил руку за голову. — Я получил это три года назад.

Слай пристально посмотрела на пузырек, затем перевела взгляд на Модала.

— Когда ты начал? — с трудом выговорила она.

— Примерно тогда же.

— И что?.. — Она не смогла закончить вопрос.

— Первое время было именно то, что мне требовалось, — объяснил эльф. — Ничем не нарушаемая тишина во всех ощущениях. Эмоциональные реакции как бы… выключены. Я мог делать все что угодно без эмоций. Прекрасно для раннера, верно?

Вот что я тогда думал. Нет боли, нет сожалений, нет мучений, когда нужно решиться на что-то… — Он пожал плечами. — Конечно, наркотик отрезает все эмоции. Я не могу чувствовать печали, но и радости тоже. Для этого есть другие пилюли. Существуют, правда, побочные эффекты. Они всегда связаны с *сильнодействующими* препаратами. Это как лента вокруг лба, временами тугая, иногда посвободнее, но она есть всегда. И если уменьшить дозу, то человеческие голоса временами слышатся, как… какой-то металлический перезвон. Но это ведь небольшая цена, как ты думаешь?

«Нет! — Ей хотелось закричать. — Неправда! Это не жизнь. Эмоции — это то, что отделяет нас от животных, или не так? Мы не просто совершаем поступки, мы думаем. Но… Но, может быть, в этом что-то есть? Конец эмоциональным страданиям. Не будет больше ночей, когда просыпаешься в темноте и мучаешься по всему несбывшемуся и навсегда потерянному. Конец страху, сжимающему внутренности, перекручивающему все внутри».

Она тряхнула головой. Нет. Некоторые эмоции малоприятны. Но, черт возьми, это *ее* эмоции.

— Почему ты не остановился? — спросила Слай, и тут ей пришел в голову вопрос, который действительно следовало задать. — Ты *можешь* остановиться?

Он улыбнулся, глядя на нее. Слай знала, что эта улыбка была маской, пустым выражением лица. Привычкой, которая у него была и которую он еще не потерял, подобно желанию почесать ампутированную ногу.

— Уличный доктор, который навел меня на этот наркотик, сказал, что он дает привыкание, — тихо сказал Модал. — Только привыкание. Позже я обнаружил, что он вызывает физическую зависимость. Большую зависимость, чем героин, чем никотин, чем обжорство… Нет, Слай, я не могу остановиться. И не захочу этого, даже если смогу. Я говорил, что эмоции при мне, они только на меня не влияют. Тебе бы понравилось целых три года видеть все свои эмоции? Эмоции, которые не имеют выхода? Все сразу? — Он покачал головой. — Будет лучше, если ты нажмешь на курок, я буду только благодарен.

Слай перевела взгляд на свой пистолет, представила звук короткого выстрела. С трудом она расслабила палец на курке. Посмотрев вниз на Модала, она не увидела даже тени облегчения оттого, что она опустила оружие. Ее почти тошнило от отвращения.

— Я выдам тебя «Яматецу», — твердо заявила Слай. — Расскажи мне, как это сделать.

ГЛАВА 6

13 ноября 2053 года, 02.30

Пока они шли, Коршун вертел в руках свой пистолет. Твердый на ощупь, он оказался тяжелее, чем думалось, — хорошо сработанный кусок металла и керамических композитов. Гладкие плавные линии, без лишних выступов, которые могли бы зацепиться за кобуру или за карман. Даже выступ лазерного прицела, установленный под стволом, — гладкий, закругленный. Это оружие давало Коршуну спокойствие и уверенность — совсем иначе, чем его неуклюжая самодельная «пушка». Казалось, самопал должен быть гораздо опаснее, чем этот пистолет, потому что поражал большую площадь, но Коршун всегда подозревал, что самопал опаснее для него, чем для мишени. Не то, что «фичетти».

— Что, не держал еще в руках такой игрушки?

Коршун кивнул. Ночной Бродяга взглянул на него и слабо улыбнулся — похоже, снисходительно.

Юношу бросило в жар, он понял, что краснеет.

— Конечно, держал, — быстро соврал он. — Всегда беру на дело.

Спутник ничего не отвечал, только не отводил от него взгляда. Его улыбка не изменилась, но теперь Коршун понял ее по-другому. Он видел уже не снисхождение, а одобрение, — совсем другое дело.

— Вообще-то, — спокойно уточнил Коршун, — у меня только самопал. Я думаю, это не в счет.

— В самую точку, — согласился Ночной Бродяга, — Самопалы — это для уличных пацанов, — и прежде чем Коршун успел ответить, он протянул руку: — Давай-ка его сюда.

Коршун уставился на него с изумлением и подозрением.

— Зачем?

Бродяга вздохнул.

— Я его просто проверю, — терпеливо объяснил он. — Хочу убедиться, что тебя не надули. Сколько ты за него отдал?

Коршун ответил, и его спутник покачал головой.

— Изрядно, но не переживай. У тебя не было времени ходить по магазинам. Просто возьми на заметку.

Коршун кивнул и протянул пистолет. «Так и знал, что эта гадина торговец обманет меня», — подумал он.

На ходу, даже не взглянув на оружие, Ночной Бродяга обнажил ствол. Проверил затвор, попробовал, свободен ли канал ствола.

— Почти новый, — заключил он, собирая пистолет. —

Пристрелян, все части притерлись. Ты заключил неплохую сделку, парень.

Раннер проверил патроны, вынул магазин и с треском поставил его на место.

— Ты вообще-то стрелял из этого своего самопала?

Коршун кивнул в ответ.

— Стрелял в *кого-нибудь?*

Юноша снова кивнул, на этот раз не так решительно.

— Забудь, — мягко сказал Ночной Бродяга. — Лучшая операция — когда возвращаешься, не истратив ни одного патрона. — Он протянул «фичетти» Коршуну и засунул руки в карманы. Остановившись, раннер прислонился к стене. — Давай-ка его опробуем.

— Что? — У обычно смышленого Коршуна словно язык к небу примерз — так удивило его предложение спутника. — Здесь?

— А почему бы и нет? — Ночной Бродяга пожал плечами. — Лучше проверить его сейчас, чем дожидаться, когда припрет, верно?

— А как насчет шума?

— Мы в глухом переулке, — устало сказал Бродяга. — Думаешь, кто-нибудь высунется, если ты немножко пошумишь? Давай!

Коршун взглянул в лицо своего спутника. Глаза его были серьезны, лишь на губах можно было угадать полуулыбку.

«Он что, считает, у меня не хватит духу сделать это?» — подумал юноша. Он усмехнулся, стараясь подражать спокойствию Ночного Бродяги.

— А что, почему бы и нет? Где цель?

Толстый палец Ночного Бродяги указал на мусорный ящик в дюжине метров от них.

— Давай туда, — сухо сказал он.

Еще один проклятый мусорный ящик. Видно, сегодня от них никуда не деться. Без лишних слов Коршун поднял пистолет и принял позу, которую считал позицией для стрельбы с обеих рук. Его палец лег на спусковой крючок — в последний момент Коршун вспомнил, что нужно снять пистолет с предохранителя — и слегка нажал на него. Лазер включился, нарисовав красную точку на темно-синем ящике. Точка заплясала, но потом застыла, когда Коршун сильнее стиснул ручку пистолета. Он глубоко вздохнул, задержал дыхание и нажал на курок. Ствол пистолета дернулся влево.

Ничего не получилось. Ни выстрела, ни толчка, ни резкого металлического «клак».

Тут же Ночной Бродяга сграбастал пистолет и навел его на

новую мишень.

— Эй! — закричал Коршун.

— Ты промазал, парень, — сухо сказал Бродяга, держа пистолет своей железной рукой, — взгляни, где прицел.

Коршун взглянул. Лазерный луч уперся в стену дома по крайней мере в метре от злополучного ящика.

— Видел? — повторил Бродяга. — Ты не рассчитал отдачи и сбил линию прицела, нажимая на курок. Дошло? — Он опустил пистолет.

— Но он же не выстрелил, — обиделся Коршун. Бродяга только усмехнулся. Он сунул руку в карман, пошарил там и вынул десяток патронов, которые перекатывались в его большой ладони. Раннер протянул их Коршуну.

«Он вытащил их из магазина, когда проверял пистолет», — понял Коршун.

— Зачем? — резко вскричал он.

— Вот тебе два урока сразу, — серьезно ответил Бродяга, уже без улыбки. — Во-первых, почему-то все думают, что рассчитать реакцию на отдачу — это пара пустяков, но этому стоит научиться. Ты сам в этом убедился. И во-вторых, никогда — слышал? — *никогда* не принимай на веру, когда тебе будут говорить или даже клясться, что оружие заряжено или разряжено. Проверяй это сам, всегда. Дошло?

Коршун медленно кивнул и посмотрел на своего индейского спутника с еще большим уважением. Совершенно ясно, что он совершил обе эти глупости.

— Спасибо.

— Не стоит. Все новички делают одни и те же ошибки. — Бродяга крепко обнял Коршуна за плечи, и слова его не показались юноше обидными. — Заряжай свою «пушку», и потопали.

Коршун последовал за Бродягой, на ходу запихивая в магазин скользкие от смазки патроны. Ему пришло в голову, что в этом занятии — стрельбе — гораздо больше тонкостей, чем казалось, и это открытие было не из приятных.

Было уже часа четыре утра, когда они добрались до угла Восьмой авеню и Уэстлейк. От Парка «Денни» их отделял всего квартал.

Спутник не жаловался, но Коршун видел, что выглядит он неважно. Дыхание Бродяги было частым и неглубоким, а глаза светились лихорадочным блеском. Движения его замедлились, хотя и не так сильно, как сразу же после стычки с троллями. Левая рука была плотно прижата к ребрам — зажимая рану, он пытался ослабить кровотечение. Правый рукав стал бурым от

крови. Раннер еще держался на стимуляторах, но на сколько хватит их действия? Коршун не мог помочь, но воспользовался военной хитростью.

— Давай остановимся на минутку, — попросил он Бродягу, старательно отводя глаза. — Мне нужно передохнуть.

Если Бродяга и раскусил его хитрость, то не показал виду. Он просто прислонился к стене и закрыл глаза.

— Я слишком стар для таких дел, — сказал он. — Давно уже надо было выходить на свет.

Коршун сперва не понял, что он хотел сказать, но сообразил: речь идет об отказе от теневых операций. Он видел, как его спутник заставляет себя глубоко дышать, стиснув зубы от боли.

Прошло несколько минут. Наконец Бродяга с трудом оторвался от стены и провел по лицу рукой. «Ему бы еще отдохнуть», — подумал Коршун. Но это была операция Бродяги, его дела. Они тронулись в путь, и Коршун старался идти поближе к раннеру, чтобы поддержать его, если потребуется. Но у того по мере приближения к цели как будто прибавлялось сил. Шел он по-прежнему медленно, но уже не казалось, что вот-вот споткнется.

— Кстати, что будешь делать потом? — спросил Коршун.

— Надо перегруппироваться, — ответил Бродяга. — Собраться вместе и умотать отсюда. За стену, подальше от этих городских джунглей. У нас есть убежище в дальних землях, там можно отсидеться и зализать раны.

Коршун кивнул.

— За чем я должен следить? — спросил он.

Бродяга бросил на него быстрый взгляд.

— О чем ты?

Парень пожал плечами.

— Ты же сказал, что в парке нужно быть настороже, — напомнил он спутнику. — Похоже, ты не очень доверяешь своим товарищам.

Бродяга вымученно улыбнулся.

— Ну, хорошо. — Он задумался на минуту. — Я полагаю, особых проблем не будет. Только не расслабляйся. Будь рядом со мной, когда туда войдем. Чтобы другие поняли, что мы вместе.

Коршун кивнул и с невольной дрожью сообразил, что иначе его просто возьмут на прицел.

Парк «Денни» лежал примерно в пяти кварталах от центра Сиэтла. Коршун уже видел огни «космической иглы», вонзившейся в небо. Этот небоскреб был меньше, чем небоскребы корпораций в центре города, но стройная, изящная конструкция делала «иглу» *зрительно* выше.

Сам парк был оазисом зелени в мешанине городского железобетона. Он занимал около двух кварталов — места достаточно для двух рощиц, газонов и даже пруда с рыбками. Парк был результатом новшеств, проведенных в городе два года назад. Его проектировали люди, незнакомые с уродливой реальностью городских джунглей — они, видимо, пытались создать место, где могли бы играть дети, гулять влюбленные, и тому подобное. Но дети и влюбленные не приходили в этот парк. Он кишел бездомными, гангстерами, торговцами наркотиками, хиппи, уличными ворами и торговцами вразнос. А насчет этого чертова пруда с рыбками — через пару месяцев в Сиэтле прошел такой кислотный дождь, что все рыбы передохли. Тогда Коршун боялся даже палец сунуть в этот чертов пруд, опасаясь, что вынет оттуда только кости.

Они с Бродягой подходили к парку с востока — по улице, почти безлюдной в этот час. Мимо проносились группы мотоциклистов, но им не было дела до двух пешеходов. Они сошли с выщербленного тротуара на замусоренный газон, и Коршун инстинктивно прижался к Бродяге, левым плечом неосторожно задев раненую руку спутника, тот невольно вскрикнул от боли. Коршун быстро отодвинулся.

Фонарей в парке не было. Когда-то их поставили, но уличная шпана быстро все переколотила, и после пятой или шестой замены инженерным службам наскучило это занятие. Да фонари и не были нужны.

Света от соседних домов хватало, чтобы Коршун увидел, что газон пуст. Прямо перед ними, примерно в тридцати метрах, в стороне от пруда росла небольшая рощица. Пройдя еще метра два, Бродяга остановился в ожидании.

Коршун огляделся. «Мы как на ладони, — подумал он. — Это глупо…»

Но через минуту он сообразил, что это не так уж и глупо. Конечно, у них не было под рукой никакого укрытия, кроме нескольких машин, припаркованных рядом, на улице, но зато и возможный противник не мог нигде спрятаться и никто не мог исподтишка наблюдать за ними. Коршун сунул руку в карман куртки и ощутил солидный вес пистолета «фичетти».

От группы деревьев около пруда отделился человек. «Еще один индеец, — подумал Коршун, — человек с длинными прямыми черными волосами. Одет в такой же черный костюм, как и Ночной Бродяга. Еще один член группировки?»

— Танцующий Кот, — пробормотал Бродяга себе под нос, явно узнавая его.

«Один из его *товарищей»,* — с облегчением подумал Коршун.

Бродяга шагнул вперед, и парень последовал за ним.

Приглашающим жестом Танцующий Кот поднял правую руку, одновременно резко махнув перед собой согнутой левой.

Бродяга застыл, словно его ударили.

— Стой! — рявкнул он Коршуну. — Смываемся!

Он резко бросился в сторону, повернулся и выскочил на улицу.

Коршун остолбенел только на мгновение, но успел заметить вспышки выстрелов из рощицы около пруда, увидеть, как череп Танцующего Кота разлетается на части, прошитый пулями. Потом темная рощица осветилась новыми вспышками. Пули свистели вокруг Коршуна, вонзались в землю и вспарывали дерн газона. Коршун завопил от ужаса, повернулся и выбежал на улицу.

Где Ночной Бродяга? Индеец куда-то пропал. Коршун подбежал к ближайшей автомашине — потрепанному «форду». Пуля звякнула, угодив в автомобиль, и пробила в дверце отверстие размером с палец. Другая пуля разнесла боковое окно. Что-то дернуло Коршуна за куртку, прожужжало прямо мимо уха. Коршун рванулся вперед, под защиту «форда», стараясь упасть на плечо и прокатиться по земле.

Приземление было не слишком удачным — он сильно ударился, сбив дыхание. Мгновение он лежал на дороге, приходил в себя и слышал, как пули впиваются в машину. Переднее стекло разлетелось, осыпав его осколками.

Коршун с трудом хватал воздух — горло вдруг пересохло и сжалось. Распластавшись на земле и стараясь, чтобы голова не высовывалась из-за машины, он вытащил свой пистолет. Где же Ночной Бродяга?..

Оказалось, тот присел на корточки за другой машиной, в дюжине метров от Коршуна. В его руках был большой автоматический пистолет, но он не стрелял. Коршун понял почему. Бродяге было невыносимо больно. Неужели в него попали?.. Нет, не похоже: он слишком быстро двигался, чтобы стать легкой добычей. Но, наверное, от бега и падения наземь раны открылись!

В машину угодило еще несколько пуль. С громким шипением лопнула шина, и «форд» начал оседать.

Глубоко вздохнув, Коршун отважился выглянуть, быстро приподняв голову. Красный свет полоснул по глазам. *Лазер!* Юноша мгновенно упал, и как раз вовремя. Пуля прожужжала над его головой, так близко, что он ощутил ветерок. Желудок свело от страха, и на Коршуна накатил приступ тошноты. О духи и тотемы…

Послышались отрывистые команды, но слишком далеко, и он

не смог различить слов. Пули зачастили по машине. Разлетелись еще два окна, еще одна шина. Они разносили машину на части!

Почему они не подходят? Мысль, холодная как лед, привела его в ужас. А может быть, они уже…

Он должен выглянуть. Нельзя торчать здесь, ничего не зная. Иначе он увидит убийцу, лишь когда тот подбежит прямо к машине и размажет его мозги по тротуару. Коршун снова приподнял голову. На этот раз он выглянул через разбитое лобовое стекло.

Еще одно пятно лазерного луча, на этот раз на дверном косяке, рядом с его головой. Он даже не успел отреагировать, а три пули уже звякнули о косяк, каждая прямо в рубиновое пятно. Да чтоб их всех!.. Коршун снова упал, но успел сделать два выстрела — слепо, наугад, в сторону темной рощицы.

Ночной Бродяга тоже стрелял, но с лучшим результатом, чем у Коршуна. Из парка раздался пронзительный крик, и Бродяге тоже пришлось лечь ничком — сплошной ливень пуль забарабанил по машине.

Коршун видел, как раннер откатился, высунул голову и плечи из-за багажника машины для очередного выстрела и тут же нырнул назад, чтобы не нарваться на ответную пулю; потом вынырнул из-за машины, уже в другом месте, и сделал еще несколько выстрелов. Даже раненный, он двигался быстрее, чем любой здоровый человек.

Ободренный его примером, Коршун снова поднял голову. И как раз вовремя. Всего в двадцати метрах от него показалась темная фигура. Человек бежал прямо к его машине. Красный луч лазерного прицела резал темноту, подбираясь к Коршуну. Еще секунда — и он будет рядом!

Вскрикнув от ужаса и накатившей слепой ярости, Коршун вскинул пистолет и несколько раз нажал на спуск. Ослепленный вспышками своих выстрелов, он уже не видел нападавшего, но это было и неважно. Он наугад палил в ту сторону, где должен был быть человек, пока не кончились патроны. В отчаянии Коршун полез в карман за вторым магазином и с ужасом понял, что потерял его, когда падал за машину.

Он опять выглянул, нажал на курок, чтобы включить лазерный прицел. Вспомнив леденящий ужас, охвативший его, когда рядом заплясали красные лазерные лучи, он надеялся, что его лазер насторожит противника и Бродяга сможет покончить с ним.

Но в этом уже не было нужды. Человек лежал на тротуаре бесформенной кучей, мертвый, мертвее не бывает, в трех метрах от его машины. Так близко… Снова Коршун почувствовал спазмы

в желудке и тошноту. Собрав все силы, он взял себя в руки.

Из рощицы больше не стреляли. Коршун снова услышал отрывистую команду, но на этот раз уловил смысл: «Отходим!»

Последний выстрел со стороны деревьев, последний бессильный жест. Пуля звякнула о кузов машины, за которой прятался Ночной Бродяга. И тишина.

Нет, тишины не было. Вдали уже раздавались сирены. Патрульные уже спешили на звуки перестрелки. Пора было отсюда сматываться. Коршун оглянулся на Бродягу.

Раннер все еще сидел за машиной, сжавшись в комок. Его голова и руки бессильно свесились, и он выглядел безумно уставшим. Коршун хотел броситься к нему, но страх приковал его к месту. А что, если это только уловка? Если противники только и ждут, когда он высунется, чтобы прикончить?

Нет, он *должен* добраться до Бродяги. Ему нужна помощь, и раннеры помогают друг другу, если могут.

Ведь Коршун тоже стал раннером? Хоть немного, чуть-чуть? Он же был в перестрелке. И впервые убил человека…

Эта мысль, напоминание о том, что он сделал, сломали хрупкий самоконтроль. Мышцы желудка напряглись и скрутились. Коршун наклонился вперед в непреодолимом приступе тошноты. Рвота выворачивала его наизнанку снова и снова, пока внутри не осталось ничего, кроме черной желчи.

Он не знал, сколько времени прошло, пока его дружески не потрепали по плечу. Коршун поднял глаза, вытирая рот тыльной стороной ладони.

На него смотрел Ночной Бродяга. Его покрытое ссадинами лицо было бледным и усталым, зрачки расширились от боли и изнеможения… и может быть, от чего-то еще.

— Надо смываться, парень, — пробормотал он, с трудом выговаривая слова. — Пошли.

— Кто это был?

Бродяга не отвечал, было похоже, что он раздумывает над вопросом. «А может, он уже снова отключается?» — с ужасом подумал Коршун.

…Они сидели возле заброшенного магазина, в нескольких кварталах от парка, и добрались они сюда с огромным трудом — не из-за того, что за ними гнались, просто Ночной Бродяга уже почти не мог идти. Вся его одежда с левой стороны была в крови, до самых ног. Повязка на правой руке вся пропиталась кровью, и рука висела как плеть.

Коршун поторапливал его, поддерживал, когда Бродяга терял равновесие. И еще он пытался заставить раннера говорить. Он где-то вычитал, что один из способов справиться с шоком — не

давать пострадавшему провалиться в темноту. *Заставляй его разговаривать, и ты заставишь его жить.*

Может быть, это помогало, а может, и нет. Ночной Бродяга отвечал на вопросы почти безжизненным голосом. Иногда он называл Коршуна другими именами — Марси, Танцующий Кот, Лезвие Ножа… Надо было идти дальше, но Ночной Бродяга, похоже, не мог сделать ни шагу без отдыха. Раннер потерял много крови и продолжал терять. Коршун подумал, что любой другой уже давно бы умер. Он должен был что-то делать, но не знал, что именно.

— Кто это был? — Коршун почти кричал, стараясь пробиться через туман, заволакивающий мозг раннера. — Твои дружки?

Ночной Бродяга открыл глаза, словно пытался понять, кто перед ним. Потом с видимым усилием ему удалось поймать ускользающую мысль.

— Нет, не они, — медленно ответил он. Голос был все еще слабым и безжизненным, но, похоже, мозг уже заработал. — Они схватили Танцующего Кота, использовали его, чтобы заманить меня. Кот дал мне знак, спас мне жизнь. Заплатил за это своей.

Коршун кивнул. Это ему было понятно. Но…

— Тогда кто? — настаивал он. — Кто это был?

— Корпорация, должно быть.

— Корпорация, против которой вы сделали вылазку?

— Возможно, она.

— Какая именно корпорация?

Раннер внимательно глянул на него. Его глаза были еще затуманены болью и шоком, но в них уже явно светилась мысль.

— Э, нет, — спокойно сказал он. — Что это за почемучки? Ни к чему тебе это знать.

Коршун фыркнул:

— Ты просто дерьмо! Я тебе помог, и ты должен…

Бродяга перебил его:

— Именно поэтому я тебе и не говорю. Ты узнаешь — и тебя пришлепнут, как Кота и Марси. Я помню, что обязан тебе жизнью. И не хочу в качестве благодарности втягивать тебя в неприятности. *Дошло?*

Коршун минуту помолчал.

— Дошло, — ответил он наконец. — Но все-таки расскажи мне о вылазке. Что случилось? Что все это значит, черт побери?! Кот дал себя пристрелить, спасая тебя. Выходит, это важно. — Он наклонился вперед. — *Что* важно?

— Тебе ни к чему это знать, — ответил Бродяга. — Кончаем дискуссию.

— Ублюдок! — взорвался Коршун. — Прекрасно, можешь не

говорить об этой чертовой корпорации. Я пойму. Можешь не называть имена, но расскажи об остальном. Ты должен мне рассказать, Бродяга. Ты просто обязан.

Не перегнул ли он палку?..

Ночной Бродяга размышлял над его словами. Наконец раннер устало кивнул.

— Что ж, может, ты и прав… — Бродяга вздохнул, закашлялся, и лицо его исказилось от боли. — Наверное, я должен это сделать.

Он откинул голову, оперся о стену и снова закрыл глаза. Коршун со страхом подумал, что тот снова готов отключиться.

Но раннер заговорил. Тихо, так что Коршуну пришлось ближе придвинуться к нему.

— Ты когда-нибудь слышал о конвенции «Цюрих-Орбитал»?

Коршун на несколько секунд задумался. Конечно, он слышал о «Цюрих-Орбитал». Кто о ней не слышал?

Этой корпорации принадлежали самые старые и наиболее известные ОЗС — околоземные станции, вращающиеся вокруг Земли на высоте нескольких сотен километров, над верхними слоями атмосферы. «Цюрих-Орбитал» учредила Корпоративный суд, который ведает отношениями между поделившими мир мегакорпорациями. «Объединенный цюрихский банк» — это финансовый центр мира мегакорпораций. Но *конвенция* «Цюрих-Орбитал»?

— Я ничего не слышал об этом, — признался Коршун.

— Не удивительно. Об этом знают немногие. — Ночной Бродяга сделал несколько глубоких вдохов — он потерял много крови, и ему не хватало кислорода. — Сейчас расскажу. Еще в прошлом веке… В восьмидесятых — девяностых, а может, семидесятых годах — я не силен в древней истории — начали использовать для связи стекловолокно. До этого пользовались радио или медным проводом. Варварский метод, — добавил он, — и рискованный. По радио любой может перехватить твое сообщение и узнать всю твою подноготную. А с проводов можно считывать данные по изменению электромагнитной индукции. Следишь за моей мыслью?

Пока Коршуну почти все было понятно. Кое-кто из его друзей в «первой нации» соображал в электронике и научил Коршуна основам физики.

— Электричество, идущее по проводам, производит электромагнитное поле, правильно? — рискнул он вставить слово.

Ночной Бродяга открыл глаза и с удивлением взглянул на него.

— Да, верно, — сказал он.

— Поэтому когда появилась волоконная оптика, все подпрыгнули до потолка. Свет, идущий по волокну, не похож на электроны в проволоке. Он не дает магнитного поля. Его нельзя перехватить, нельзя отвести или изменить. Полная безопасность. Все примерно так и считали. Но потом ученые кое-что придумали. Они работали на одну из тогдашних больших корпораций — «3M», или «4F», или как они там назывались. Ученые сообразили, что есть способ проникнуть в волоконно-оптические коммуникации. Ты можешь считывать с них информацию на расстоянии, ты можешь даже вставить пару битов туда и сюда, изменить информацию, которая передается по оптическому волокну. — Он хмыкнул. — Конечно, это было непросто. Насколько мне известно, ученые использовали два суперкомпьютера «Крей», *большие* электронные мозги, самые большие, какие были в то время, да еще трейлер со всяким высокотехнологичным барахлом, да еще целую команду из этих фирм, чтобы запустить систему. Я не знаю, как все это действовало, я не инженер. Но разрази меня гром, если это не заработало!

— Нет, — покачал головой Коршун. — Этого не может быть! Нельзя считывать данные с волоконно-оптических проводников. *Невозможно.* Все это знают.

— Все так *думают.* Все хотят *верить* в это. Но те парни из «4F» — они это сделали.

— Так в чем же дело? — спросил Коршун. — Если это правда, то как могут все корпорации спокойно пользоваться волоконной оптикой?

— Катастрофа двадцать девятого года, вот что случилось, — ответил Бродяга. — Один компьютерный вирус вырвался на волю и проник в глобальную компьютерную сеть. Он разрушил множество систем, стер массу данных, практически сокрушил всю мировую экономику. Помнишь?

Коршун снова кивнул. Кто же не слышал ужасных историй о крахе!

— Этот вирус был занятно устроен, — продолжал Ночной Бродяга, — сильнее всего он поражал зашифрованные данные, которые охранялись с особой тщательностью. Он вторгался в системы безопасности, а потом портил файлы, которые должны были защищаться этими системами. Именно поэтому катастрофа была такой жуткой. Большая часть безвозвратно потерянных данных, которые никто не смог восстановить из пораженных файлов, содержали самые важные, самые секретные сведения. Пропали все самые большие секреты корпораций, все по-

настоящему новейшие достижения высокой технологии научно-исследовательских фирм! — Он горько рассмеялся. — Вот почему с тех пор мир не сильно продвинулся в техническом прогрессе.

Его слова потрясли Коршуна. «Ты что, думаешь, у нас было бы еще больше этой чертовой техники?» — хотел он спросить, но промолчал.

Если Ночной Бродяга и заметил его удивление, то не обратил внимания.

— Никто из корпораций не говорил о потерянных данных, — продолжал он. — Конечно, они помалкивали. Они хотели, чтобы никто не имел представления о них, чтобы никто не подставил им ножку, пока они старались повторить все последние исследовательские работы. — Он улыбнулся. — Вопрос на сообразительность. Что было среди безвозвратно потерянных данных?

— Ну конечно же — волоконно-оптическая проблема! — тут же ответил Коршун.

— Прямо в точку. Те парни, которые нашли ее решение, вложили в это дело много труда. Они работали целых полсотни лет, до самого краха. Другие корпорации тоже. Они доработали эту систему, и уже не нужны были два суперкомпьютера и тонны другого барахла. Я слыхал, что систему мог обслуживать всего один техник, и помещалась она в одном фургоне. И вдруг — *бах!*

Вирус превращает все это в труху. Может быть, те парни, которые вели исследовательские работы, были убиты во время беспорядков, а может, корпорации «списали» их. В любом случае, они никому не успели рассказать о своих работах. Так продолжалось до тридцатых годов, — продолжал Ночной Бродяга. — Вирус, вызвавший крах, ушел, и корпорации перестроили глобальную сеть в то, что мы сейчас называем Матрицей. Кое-кто из них пронюхал о том, до чего дошли в «4F», и начались попытки воссоздать утерянную технологию, постараться снова влезть в волоконно-оптические линии связи. Можешь себе представить, сколько шума наделала эта идея на самом верху! Корпорации собрались в Корпоративном суде в «Цюрих-Орбитал» и потребовали, чтобы этому был положен конец. И суд это сделал.

— Конвенция «Цюрих-Орбитал»? — спросил Коршун.

— Она, — подтвердил Ночной Бродяга. — Ее подписали все большие корпорации. Они договорились, что никто из них не будет даже пытаться восстановить технологию. А если какая-то другая корпорация, например, одна из мелких рыбешек, попытается сделать это, то подписавшие конвенцию должны будут стереть ее в порошок. — Раннер усмехнулся. — Ты,

конечно, понимаешь, что не успели высохнуть чернила на договоре конвенции, как все они бросились в свои лаборатории, стараясь опередить других в восстановлении технологии. Но в одном конвенция была полезна. В том, что никто не может вложить слишком много ресурсов в исследования, чтобы об этом не проведали другие. И тогда за эти шутки придется дьявольски хорошо заплатить. Никакая корпорация — даже гиганты — не хотят связываться с Корпоративным судом. По крайней мере, до тех пор, пока не запасутся большой дубиной, чтобы угрожать «Объединенному цюрихскому банку».

Коршун замолчал и задумался. Во всем этом было что-то… Но затем ему в голову пришла другая идея.

— Эй, а как насчет магии? — спросил он. — Почему бы не попробовать считывать данные с волоконно-оптических линий с помощью магии? Может быть, потерянная технология и не понадобится?

Ночной Бродяга усмехнулся.

— Я ждал, когда ты об этом спросишь. — Он покачал головой. — Магия здесь не работает: она плохо сочетается с технологией. Если шаман или маг старается узнать что-то астральным путем, то он может получить эмоциональное содержание сообщения. А каково эмоциональное содержание типичной передачи данных?

— Нулевое, — тут же ответил Коршун.

— Верно, — согласился раннер. — Мало пользы, правда?

Коршун кивнул, все еще в некоторой растерянности. Ему была понятна история Ночного Бродяги, во всяком случае, большая ее часть, но одного он пока не мог уразуметь.

— И какое отношение имеет все это к твоей вылазке? — спросил он.

— Еще не понял? Парни, которые наняли мою команду, обнаружили, что одна из местных мегакорпораций близка к повторению технологии «4F». Мы должны были ворваться в их исследовательский городок, раздобыть технические файлы, уничтожить лабораторию и все записи и принести данные нашим «Джонсонам».

— Чтобы они сами могли ими воспользоваться?

— Нет! — Ночной Бродяга решительно мотнул головой. — Ни в коем случае. Это… — Он запнулся, а потом сухо рассмеялся. — Словом, этого *никто не должен знать,* понимаешь? Любая корпорация, у которой окажется эта технология, сможет дестабилизировать все. Дьявол, она сможет устроить такой хаос, по сравнению с которым Великий крах покажется легкой вечеринкой. Нет, мои «Джонсоны» намерены уничтожить данные,

но сохранить достаточно доказательств на тот случай, когда они вытянут корпорацию, проводившую исследования, на Корпоративный суд. И им остается только сидеть и ждать своего часа. Размеры и мощь корпорации не имеют значения: ей все равно не выжить, когда все остальные мегакорпорации этого проклятого мира придут к ней с длинными ножами.

В том, что рассказал Ночной Бродяга, был смысл. Но Коршун немного знал о том, как работают «Джонсоны». Ведь «Джонсоны» *были* частью корпорации? И какая корпорация будет тратить хорошие деньги, нанимая раннеров, чтобы *уничтожить* данные, которые стоят триллионы нуен?

Но ведь Ночной Бродяга им поверил? Ему понравилась мысль, что его «Джонсоны» действительно способны сделать что-то на благо всего мира, а не только своего банковского счета.

«Однако, черт меня побери, почему бы и нет? В этом мире случаются странные вещи. И Ночной Бродяга гораздо опытнее в этих делах. Он знает эту кухню. Быть может, он и прав», — подумал Коршун.

— Так что же произошло? — спросил он. — Вы получили данные?

— Не знаю. Я уже говорил тебе, что занимался силовым прикрытием. Мы отправили в Матрицу декера, но он не вернулся. Во всяком случае, до того, как на нас напала другая команда раннеров. — Он пожал плечами. — Нас раскидали. Я не знаю, раздобыл раннер данные или нет. Именно поэтому мне нужно встретиться с остальными.

— Если они еще живы. — Эти слова вырвались у Коршуна прежде, чем он сообразил, что надо было промолчать.

Ночной Бродяга кивнул головой:

— Если они еще живы. Но я должен убедиться сам. Это слишком важное дело, чтобы его можно было бросить на полдороге.

Коршун вздохнул и подумал: «Я знал, что он так скажет».

— И что ты сделаешь? — произнес он вслух.

— Другая встреча, в другом месте. — Ночной Бродяга оценивающе взглянул на него. — Ты поможешь мне туда добраться?

Коршун даже не спросил, когда должна состояться новая встреча.

— Я могу дотащить туда твое *тело,* — сухо ответил он. — Тебе придется все отложить до тех пор, пока мы не сделаем кое-что *прямо сейчас*— Он старался говорить как можно тверже, потому что сообразил наконец, что им нужно делать. — Я помогу тебе добраться до уличного доктора.

Ночной Бродяга начал было возражать, но не слишком настойчиво.

ГЛАВА 7

13 ноября 2053 года, 11.00

Слай подумала, что этот участок Бродвея[11] постепенно превращался в трущобу. Все больше хиппи валялось на мостовой или просто сидело на корточках под непрекращающимся дождем, безразличные ко всему, кроме своих бессмысленных наркотических фантазий. Все больше бездомных, ютящихся всюду, где только можно найти место. Все больше троллей, щеголяющих в одеждах цветов своих банд. «Если здесь такое творится днем, — подумала она, — то что же тогда здесь делается ночью?»

Изменения, произошедшие в районе, отразились и на зданиях. Большинство окон в магазинах были защищены решетками, а остальные забиты. В одном заведении — небольшой лачуге старьевщика — на витрине висело довольно трогательное объявление: «Пожалуйста, не разбивайте опять мое стекло!» Окно было, конечно же, разбито. Все вокруг было разрисовано с помощью аэрозольных красок лозунгами или символами. Довольно талантливый художник расписал несколько стен абстрактными, почти в стиле кубистов, картинами и поставил автограф: «Пабло Фиаско».

«Общественный колледж Сиэтла», который находился неподалеку от того места, куда направлялась Слай, походил на театр военных действий. Во всем здании не сохранилось ни одного целого окна. Неоновая вывеска на углу, рекламировавшая колледж, превратилась в перекрученные и сожженные обломки. Граната? Слай задумалась, глядя на опаленные то тут, то там стены. Служба безопасности была рядом — частные охранники из «Харл корп инк». Но их было немного, может, с полдюжины. Видно было, что служба им в тягость — охранники нервно переминались с ноги на ногу, пристально вглядываясь в каждого, кто подходил ближе, чем на двадцать метров.

Эта перемена расстроила Слай. Из истории Сиэтла она знала, что в конце прошлого столетия на Бродвее не рекомендовалось оставаться после наступления темноты. Здесь собирались вконец опустившиеся наркоманы, но опасней всего были банды подростков, готовых на все, лишь бы достать деньги и купить какую-нибудь отраву, туманящую головы. Потом, где-то около 2010 года, улица начала приобретать респектабельный вид. Всего в нескольких кварталах отсюда находился район Пилл-Хилл, где были построены многие лучшие больницы Сиэтла. Инфраструктура, необходимая для их обслуживания —

лаборатории, рестораны, благоустроенное жилье, склады и тому подобное — все появилось на Бродвее, вытесняя бродяг, панков и уличных гопников.

Слай точно не знала, какие экономические изменения вызвали в районе обратные процессы, — а на самом деле и не хотела знать; вряд ли бы это ее обрадовало. Но изменения были очевидны. Участок Бродвея между Пайк-стрит и Денни-уэй постепенно сполз все ниже по социальной лестнице. Это началось давно, но Слай не могла сдержать удивления и легкой тревоги, увидев, как захирел район всего за несколько месяцев.

«Ладно, довольно уроков социологии», — сказала она себе, подруливая на мотоцикле к месту назначения. Это было старое здание, построенное, может быть, лет сто назад. Странный, архаичный дом был как белая ворона среди зданий из пластика, стали и композитов. Он был построен из красных и белых каменных блоков — *из настоящего камня* — и имел небольшие башенки — а может быть, бастионы — по углам и центральный шпиль. Над парадным входом красовалось первоначальное название здания: «Первая Христианская Церковь», — но Слай знала, что здесь не молятся по крайней мере два десятка лет. Сейчас это был дом ее друга Агарвала.

Она заглушила двигатель и сошла с мотоцикла. Слай давно была знакома с Агарвалом. У него была чудовищная репутация, и он был одним из немногих теневых декеров, которые поймали удачу на крючок и сумели выйти из игры, не растеряв большей части неправедно нажитого капитала. Это было видно по дому, в котором обосновался Агарвал. Даже учитывая падение цен на недвижимость в этой части города, церковь, должно быть, обошлась Агарвалу в несколько миллионов нуен, и это не считая серьезных переделок, сделанных после того, как он сюда перебрался.

Большинству раннеров не удавалось выйти из игры живыми. А те, кому посчастливилось, либо не имели большого авторитета, либо забирали то, что они смогли наскрести, и исчезали из виду, чтобы избежать нежелательного внимания корпораций, против которых вели дела. Агарвал был исключением, жил счастливо и, по-видимому, в безопасности в нескольких километрах от корпораций, у которых позаимствовал миллионы. Слай удивлялась, как ему это удалось. Поговаривали, что он создал что-то вроде непробиваемой системы «страхования жизни» — насобирал компромата на все корпорации, которые хотели бы его подмять, и все это было снабжено «выключателем мертвеца». Если Агарвала когда-либо прихлопнут или если он не будет ежедневно общаться со своими компьютерными «сторожами», то весь этот

компромат выльется прямо в Матрицу, на всеобщее обозрение. Естественно, никто из корпораций не хотел рисковать разоблачением только из-за того, чтобы свести старые счеты с Агарвалом. До сей поры стареющий декер мог жить и ничего особенно не бояться.

Относительно, конечно. Было много желающих навестить Агарвала и кроме корпораций. К тому же на первый взгляд дом выглядел совершенно не защищенным от воров.

Но это внешнее впечатление было обманчивым. Дом был настолько безопасен, насколько это возможно для высокотехнологичных систем зашиты, на которые истрачено два миллиона нуен. Опять же, судя по слухам, за последние несколько лет не менее четырех крупных банд пытались справиться с домом Агарвала. Никому это не удалось, и никто не выжил, и никто не рассказал об этом. *Никто.* Не осталось ни трупов, ни намеков на то, что случилось, — *ничего.* Бандиты просто исчезли. (Когда Слай однажды спросила Агарвала об этом, он пожал плечами и улыбнулся. А когда она познакомилась с ним поближе, то решила, что и в самом деле ей лучше этого не знать.)

Слай встретилась с Агарвалом пять лет назад, когда пострадала в Матрице. Она пыталась снова по частям собрать свой разум, и ее приятель, по имени Ког, искренне захотел ей помочь, свести с кем-то, кто разобрался бы в ее травме. Этим *кем-то* и был Агарвал.

Ког был прав, полагая, что разговор с Агарвалом должен помочь. Именно Агарвал убедил Слай в том, что жизнь не кончается после встречи со льдом, и именно он помог ей пройти через кошмары и ужасные приступы синдрома бегства. Конечно, он понимал, *что* ей пришлось перенести. Он и сам когда-то пережил такое. Даже восемь лет спустя у него все еще время от времени бывали приступы, но он научился управлять ими и свел к минимуму их влияние на свою жизнь. Это давало Слай надежду на то, что и она сможет полностью восстановить силы. Что, конечно же, и случилось. У нее это получилось даже лучше, чем у Агарвала, ее молодой мозг восстанавливался быстрее. Ее последний приступ — несильный, вырезавший из жизни не более двух минут — случился года два назад.

Она поднялась по каменным ступеням к парадной двери и нажала кнопку звонка. Слай знала, что ее моментально начали исследовать различные хитроумные датчики. Она улыбнулась в ту сторону, где, как ей казалось, была скрыта видеокамера, и распахнула кожаную куртку, показывая, что не вооружена.

Послышалось характерное жужжание, и дверь распахнулась. Слай шагнула в коридор.

Агарвал изменил планировку здания, не оставив практически ничего от первоначального вида. Новое убранство составляло яркий контраст со старинным фасадом и было образцом последних достижений современного искусства декора. С потолка лился ровный рассеянный свет, дорогой линолеум на полу с виду походил на мрамор с золотыми прожилками, но пружинил под ногами, как плюшевый ковер. Современная мебель. Повсюду светлые, голубоватые или переливчато-жемчужные цвета. Слай показалось, что она попала в компьютерную картинку из рекламного ролика по дизайну интерьера. Она прошла по коридору и открыла еще одну дверь.

Хозяин дома ждал ее в библиотеке — комнате с высоким потолком и стенами, заставленными высокими книжными шкафами. (Настоящие книги. Слай знала Агарвала долгие годы, но снова невольно удивилась богатству своего друга.)

— Шерон! — тепло приветствовал он ее. Агарвал говорил с аристократическим оксфордским акцентом. — Рад снова видеть тебя, очень рад. Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Улыбаясь, она вышла из библиотеки вслед за ним.

Агарвалу сорок стукнуло лет семь-восемь назад, не меньше. Примерно одного роста со Слай, он был строен, с узкими плечами и бедрами. Продолговатое, утонченное, с выделяющимся орлиным носом лицо. Кожа, цвета кофе с молоком, грубая, с крупными порами. Редеющие волосы Агарвал зачесывал ото лба прямо назад. Он всегда носил очки с проволочной оправой — странная привычка в эпоху контактных линз и микрохирургии роговицы. Из-за стекол, наверное, взгляд казался мягким и незащищенным. На Агарвале всегда был надет костюм-двойка — неизменно новый, всегда безупречно сшитый, но несколько старомодный — и галстук. «Неужели он даже спит в нем?» — подумала Слай.

Агарвал провел ее в свою мастерскую — огромную комнату, занимающую весь нижний этаж, — и включил свет.

Всю комнату занимали автомобили. Слай насчитала их почти дюжину. Половина была разобрана и ремонтировалась; остальные выглядели как новенькие, будто только что сошли с конвейера. Это было поразительно уже само по себе, потому что каждому автомобилю — не меньше полувека. Взгляд Слай блуждал по рядам машин. Большинство из них она уже видела, но такое количество антикварных машин — некоторые были настоящей редкостью — завораживало. Вот это — «роллс-ройс», модель 2005 года. А вон там — «акура демон», самая быстрая серийная машина, выпущенная в 2000 году. Как всегда, Слай попробовала прикинуть стоимость коллекции, но оставила это занятие, когда

цена перевалила за десять миллионов, — а ведь она подсчитала далеко не все.

Агарвал прикоснулся к ее руке и повел Слай в дальний конец мастерской.

— А это, — сказал он, — мое последнее приобретение.

Слай взглянула на машину. Черная, гладкая, с низкой посадкой, очертаниями она напоминала акулу. Длинный, покатый капот странно выпячивался, под ним прятался мощный мотор. Слай уже видела что-то подобное — может быть, в какой-то исторической драме или по тридео.

— Это «корвет»? — попыталась угадать она.

Улыбнись Агарвал чуть шире, он проглотил бы собственные уши.

— Да, «корвет», Шерон. Но особенный, модифицированный. Это «коллоуэй твин турбо». — Он погладил гладкий черный капот. — Замечательная машина, сделана в 1991 году, если ты сможешь в это поверить — шестьдесят два года назад. Восемь цилиндров, мощность — четыреста три лошадиные силы при четырех тысячах пятистах оборотах в минуту, и момент пятьсот семьдесят пять фунтов на фут при оборотах три тысячи. — Он говорил с любовью и ласково, будто не сухую информацию приводил, а читал сонет. Слай знала, сколько удовольствия доставляли ему эти цифры. — За четыре и восемь десятых секунды развивает скорость от нуля до ста километров в час, линейное ускорение — ноль целых и девяносто четыре сотых *g*, предельная скорость, — он пожал плечами, — точно не помню, но что-то около трехсот километров в час. Замечательная машина! Чистое удовольствие восстанавливать.

Слай кивнула. О старых машинах, технике внутреннего сгорания и конструировании автомобилей Агарвал знал больше, чем кто бы то ни было в Сиэтле, а может, и во всей стране. Он мог при желании разобрать машину по винтикам и затем собрать ее лучше, чем она была. Слай взглянула на своего давнего друга. Как обычно, внешность Агарвала находилась в странном противоречии с его интересами. «Снимает ли он свой костюм, когда копается в машинах?» — подумала Слай и улыбнулась.

— Какое чудо! — сказала она. — Как машина на ходу?

Агарвал мягко улыбнулся. Они оба знали, что он никогда не сидел за рулем ни одной из своих машин. Для него было интересно взять раздолбанное ржавое корыто и восстановить его в изначальном великолепии, а потом просто наслаждаться созданной им красотой.

Так что водить машины после того, как он возился с ними, не представляло для него никакого интереса.

Позволив Слай еще минуты две молча насладиться созерцанием его механических «бэби», Агарвал провел ее в кабинет. Это была маленькая, уютная комната на верхнем этаже, окна выходили на запад, на небоскребы в центре города. Усадив ее в удобное кресло, он поставил чашку чая на маленький столик, а сам устроился за письменным столом, на стуле с высокой спинкой, и вытянул перед собой переплетенные пальцы.

— Насколько я понимаю, Шерон, в последнее время твоя жизнь была… интересной, — заметил он.

Слай кивнула. Интересной — это еще мягко сказано. Она мысленно перебрала в памяти последние двадцать четыре часа. Посещение Терезы Смеланд. Убийство ее «Джонсона». Тяжелая встреча с Модалом. Пересылка копии зашифрованного файла Луиса Агарвалу по телефонной линии. И потом многочисленные телефонные звонки — все из разных телефонов-автоматов, все разным знакомым — чтобы «подставить» черного эльфа «Яматецу».

«Сработает ли это? — на мгновение задумалась Слай. — Наверное, должно. Коварство Модала и его понимание корпоративной психологии и человеческой природы, казалось, ничуть не изменились. Со временем они могли лишь развиться. Масса слухов, свидетельств, лжи и безумных предположений, которые он состряпал, определенно рисовали картину человека, который продал своих хозяев по корпорации ради бывшей любовницы». Если она все предусмотрела, все случайности, то имя Модала должны были склонять в «Яматецу» на все лады, и корпорация, вероятно, уже выслала солдат на его поиски. Все это преследовало одну цель — чтобы Модалу стало невыгодно убить Слай или сдать ее корпорации. Конечно, потом, со временем, он мог бы купить себе возвращение в «Яматецу» ценой ее головы, но такой ход был бы очень рискованным. Люди из «Яматецу», на которых он вышел бы, скорее устроят засаду, чем открытую встречу.

«Да, — решила Слай, — я могу доверять Модалу… в данный момент». Ей было нелегко оставлять его сегодня утром одного, но брать Модала с собой на встречу с Агарвалом было никак нельзя.

Бывший декер молча смотрел на нее: пусть решит, что говорить ему, а что нет. По его лицу блуждала мягкая улыбка.

— Это были интересные двадцать четыре часа, — наконец произнесла Слай. — Ты работал с файлом, который я тебе послала?

— После твоего звонка я уже не занимался ничем другим, Шерон, — ответил он.

Слай почувствовала угрызения совести. Время, которое он

тратил, помогая ей, отнималось от его любимых машин, но дело было слишком важным.

— Что-нибудь выяснил?

Агарвал кивнул.

— Прежде всего ясно, что среди корпораций происходит что-то чрезвычайно важное, очень необычное, — я бы сказал, неслыханное. Например, активность на фондовой бирже была по меньшей мере… удивительной. Последние два дня шло перераспределение корпоративных интересов. Мегакорпорации пытались захватить более мелкие, которые до сих пор считались вне сферы их влияния. Ты понимаешь, что это значит?

Подумав мгновение, Слай призналась:

— Не совсем. Экономика — не мой конек.

Он вздохнул.

— Экономика — это все в этом мире, Шерон, ты должна это знать. — Он на мгновение замолчал, собираясь с мыслями. — Все крупные корпорации ходят над пропастью, когда дело касается конкуренции. Каждая мегакорпорация борется с другими на рынке. Поскольку рынок в большинстве отраслей сформировался, это означает игру с нулевой суммой. Любая прибыль, полученная какой-то корпорацией, — это убытки конкурентов. Поэтому успех приходит только к самым оборотистым и ловким корпорациям. К сожалению, существует обратная сторона, если можно так сказать, *слишком сильной* конкуренции. Если одна корпорация начнет открыто воевать с другой, то агрессор может значительно увеличить свои прибыли. Но хаос, который вызвал бы такой конфликт в финансовой сфере, как, впрочем, и в других областях, означал бы сужение потенциального рынка. То есть корпорация-агрессор получила бы больший кусок пирога, но сам пирог был бы меньше. В итоге доход агрессора уменьшился бы. Поэтому мега-мегакорпорацииигрaют по правилам Корпоративного суда и по неписаным законам, которые все удачливые предприниматели понимают инстинктивно.

— Но корпорации все же вредят друг другу, — заметила Слай. — Черт побери, Агарвал, ты и сам достаточно этим занимался!

Агарвал ухмыльнулся.

— Правда, — согласился он. — Но теневые дела, которые одна корпорация ведет против другой, — это мелочи. Конечно, те дела, для которых корпорации нанимают нас с тобой. Для корпорации с годовым доходом в триллионы нуен наши потуги — как булавочный укол для дракона.

Секунду Слай молча переваривала это.

— Эти неписаные законы, о которых ты говоришь, — сказала

она наконец, — они нарушаются? Вот почему этот передел так важен?

— Правильно. Случилось что-то, что побудило мегакорпорации к прямой борьбе. Это видно даже на улице. Ты заметила пополнение в службах безопасности корпораций в городе?

— Да нет, — сказала она. — Думаю, мои мысли были заняты другим.

— Действительно. И вполне понятно. Я выяснил, что тебя ищет слишком много людей, мой друг. Дюжины раннеров, осведомителей, уличных бойцов — в это ввязалось несколько корпораций.

Последние слова потрясли Слай.

— Несколько?! — Она побледнела. — Не только «Яматецу»?

Лицо Агарвала стало серьезным.

— Несколько, — повторил он. — Само собой, «Яматецу» главная из них, но есть и другие. «Ацтекнолоджи», «Мицухама», «Ренраку», «ДПИ» плюс другие, помельче. Все хотят знать, где ты находишься и что делаешь. — В его голосе прозвучали заботливые нотки. — Надеюсь, ты принимаешь необходимые меры предосторожности?

Слай неопределенно кивнула.

— Я позабочусь о себе. — Она помолчала. — Что происходит, Агарвал?

— Похоже на прелюдию к войне корпораций, — серьезно сказал он. — Хоть я и надеюсь, что этого не случится, мысль об этом наводит на меня ужас.

— А как это касается меня?

— Думаю, это затронет всех в Сиэтле. Но я понимаю, что ты хочешь сказать. Я полагаю, одна из корпораций — возможно, «Яматецу» или какая-то другая — кое-что потеряла. Что-то, имеющее колоссальное значение не только для них, но и для всех корпораций в Сиэтле. Настолько ценное, что они готовы ввязаться в войну корпораций, лишь бы снова это отыскать. Я подозреваю, корпорации почему-то решили: это *что-то у* тебя или ты знаешь, где *это* можно найти. — Он понизил голос: — Что ты сама думаешь об этом, Шерон?

Слай непроизвольно взглянула на хитроумный компьютер, стоящий у него на столе. Агарвал использовал его для расшифровки *того самого* файла. Он заметил движение ее глаз и медленно кивнул.

— Ты раскусил код? — Слай с отвращением услышала легкую дрожь в своем голосе.

— Ты в курсе последних математических теорий шифровки

данных? — спросил Агарвал.

— Немного.

— Тогда ты разбираешься в обычных методах шифровки?

— Чуть-чуть. Достаточно, чтобы понять. Ты о моем файле?

— Да. Здесь так много уровней кодирования, что я подумал: в этом файле — что-то очень важное.

Слай беззвучно присвистнула сквозь сжатые зубы.

— Какое быстродействие у твоего компьютера? — спросила она.

— Почти пятьсот терафлопов.

Пятьсот терафлопов!.. Пятьсот *триллионов* операций в секунду!.. Очень быстрая машина. Слай закрыла глаза, мысленно произвела кое-какие математические вычисления, выругалась и вздохнула:

— Тогда его невозможно взломать. Даже при пяти-ста терафлопах эта машина будет работать тысячу лет, пока сможет разгадать код.

— Точнее, *пятнадцать* тысяч лет, — поправил Агарвал. — Если использовать прямые вычисления. Тебе знакомы исследования Эйджи в области рекуррентных рядов?

Она покачала головой, затем быстро сказала:

— Не трудись объяснять мне это. Просто расскажи суть.

Он с улыбкой наклонил голову.

— Как угодно. Эйджи разработал методы, которые можно применять к расшифровке кодов, позволяющие идти несколько… более коротким путем.

— Так ты можешь расшифровать файл?

— Думаю, да. На это понадобится время — день, может, больше, — но уж никак не пятнадцать тысяч лет.

— А как же с другими уровнями кодирования?

Он пожал плечами:

— Думаю, они будут посложней первичного уровня.

Слай кивнула. День, может, пару дней…

— Что ты собираешься делать все это время? — спросил он, словно прочитал ее мысли.

— Исчезну, — сразу же ответила Слай. — Залягу на дно и буду ждать. — Она сделала паузу. — Может, попробую откопать что-нибудь на «Яматецу», поищу в Матрице… — Она увидела, как Агарвал испуганно глянул на нее, и быстро успокоила его: — Я не буду просить тебя сделать это, ты же знаешь. Поищу кого-нибудь другого.

Он облегченно вздохнул.

— Да, — сказал Агарвал тихо, — да, конечно. Прости мою реакцию, но…

— Нечего прощать, — ответила Слай. — Вспомни, с кем ты разговариваешь.

Он опять вздохнул.

— Конечно. Я… конечно.

— У тебя есть время заняться этим прямо сейчас?

Ее друг кивнул:

— Я уже отложил все остальные дела. Нас ничто не будет отвлекать.

— Теперь об оплате…

Агарвал поднял руку, останавливая ее.

— Если то, что мы видим, — начало войны корпораций, то самого ее предотвращения будет уже достаточно.

Она кивнула и сжала его ладонь. Друзья. Такие редкие в тени, но тем они дороже.

ГЛАВА 8

13 ноября 2053 года, 21.00

Коршун ерзал на изодранной виниловой тахте, пытаясь лечь так, чтобы сломанные пружины не вонзались ему в спину и ребра.

— Совершенно невозможно, — проворчал он. — Лучше было бы на полу.

На тахте было ужасно неудобно, но, как ни странно, он все-таки заснул. Беспокойно, но все же спал.

Тело его еще нуждалось в отдыхе после длинной ночи, но теперь разум его снова работал, и Коршун знал, что расслабляться дальше нельзя. Он взглянул на часы, висящие на стене. Только девять? Этого не может быть, он ведь попал сюда около семи…

Потом он понял, что это старые 12-часовые часы, а не 24-часовые, к которым он привык. Значит, было уже двадцать один ноль-ноль, середина следующего вечера. Он спал дольше, чем думал.

Парень спустил ноги на пол, протер глаза и оглядел комнату, в которой его свалил сон.

«Достаточно паршиво», — подумал он. Желтоватые плитки линолеума на полу. (Когда был построен этот дом? Сколько лет назад люди пользовались таким линолеумом?) Оштукатуренные стены когда-то, похоже, были белыми. Устройство для пыток, замаскированное под тахту. Телеком с разбитым экраном и вырванной платой вывода. *Просто очаровательно!* В воздухе плавала сложная смесь раздражающих запахов, большинство из которых он определил бы как медицинские, но с нездоровой примесью гнили. «Я должен был отвести его к настоящему врачу», — в который раз раскаивался Коршун.

Впрочем, это было бы еще хуже. У Ночного Бродяги были пулевые раны, а Коршун знал, что по закону врач должен был доложить об этом патрульной службе. А связаться с властями — самое плохое, что можно придумать для индейца.

И опять же — проблема с документами. Коршун поспорил бы, что у Ночного Бродяги их не было. И конечно, у него, как и у самого Коршуна, не было СИНа — системного идентификационного номера — кода, по которому правительство и все учреждения опознавали людей. Стоит привести Ночного Бродягу в любую больницу или просто к врачу — и все раскроется, как только в приемной попросят кредитку раннера с СИНом в памяти.

И даже если удалось бы обойти эти две проблемы, была еще

проблема с кредитом. У раннеров не было медицинской страховки, это уж точно. Ни у него, ни у Ночного Бродяги не хватило бы денег, чтобы заплатить даже за врачебный осмотр.

Что же оставалось? Бесплатная клиника, как у этого «Общества вселенского братства»? Тут тоже не предвиделось ничего хорошего. Коршун не был уверен, что там не скажут: «Пулевое ранение, вызовите патруль», — та же погань, что и в настоящих больницах. И в любом случае он не смог бы дотащить потерявшего сознание Ночного Бродягу до ближайшей клиники.

Оставался только уличный доктор. Сначала Коршун подумал, что и здесь будет прокол. Ему не приходилось раньше иметь с ними дела, а такие доктора не дают публичных объявлений.

Но потом он вспомнил, как один парень из «первой нации» рассказывал, что после небольшой заварушки его зашил доктор, работавший у ресторана между Шестой авеню и Бланчард-стрит. Для начала этого было достаточно. А несколько осторожных вопросов довели до места. «Как раз вовремя, черт побери!» — подумал он, вспоминая, как выглядел Ночной Бродяга, когда Коршун втаскивал его в эту самую клинику. Еще два квартала и доктор ему бы уже не понадобился.

На мгновение к нему вернулся страх за жизнь раннера, но вера в чудеса медицины загнала этот страх назад в подсознание.

Тут ему в голову пришла неожиданная мысль. А если Ночной Бродяга и умрет, что с того? Он не свой, он не из «первой нации». И он такой старый…

Но он раннер, а это уже кое-что. Раннер и индеец, даже если и говорит, что не принадлежит ни к какому племени. И самое главное, он доверяет Коршуну и зависит от его помощи. «Поэтому его дело — это и мое дело», — решил он для себя.

Коршун снова посмотрел на часы. Двадцать один десять. Уже четырнадцать часов прошло с тех пор, как он втащил Ночного Бродягу в ветхое здание. Тринадцать часов с тех пор, как доктор исчезла с ним в своей комнате. Интересно, она там оперирует, или шьет, или что там еще делают врачи? А может, Ночной Бродяга уже помер у нее на столе, а она просто не сказала? Коршун встал и шагнул к двери, но в сомнении остановился. Он никогда не умел ждать, особенно если при этом нельзя было спать.

Как по мановению волшебной палочки, дверь открылась, и вышла доктор. Она представилась как Мэри Дасия, но Коршун знал, что люди знали ее под фамилией Доктор Дайсер. Невысокого роста, стройная, с коротко стриженными рыжими волосами и большими выразительными глазами. Очень даже ничего, если бы не была такой старой — явно вдвое его старше.

— Ну, как? — спросил Коршун.

Доктор Дайсер выглядела усталой. Когда они ввалились к ней, на лице у нее был макияж, но теперь она его смыла и сразу побледнела и постарела. Она выразительно подняла брови.

— Я уже давно заштопала его, — произнесла она грудным голосом. — Выглянула посмотреть, как ты тут. Не заскучал?

— Так как он?

Лицо доктора посерьезнело.

— Примерно так, как и ожидалось, а ожидалось не слишком многое. Я собрала его заново, постаралась не забыть ничего, и заштопала все большие дырки. Если бы он не был так вынослив, то скончался бы несколько часов назад или как только я занялась им, но сейчас он просто очень слаб от потери крови. Его сердце работает с колоссальной нагрузкой. Я почти потеряла твоего дружка, когда у него остановилось сердце. — Она впилась глазами в Коршуна. — Ты давал ему метамфетамины?

Коршун опустил глаза.

— Да, но он… — Коршун вдруг решил не оправдываться. — Они сильно повредили ему?

Дайсер пожала плечами:

— Не могу точно сказать. Они дали такую нагрузку на сердечно-сосудистую систему, что ты и представить себе не можешь, но зато сердце не остановилось еще на улице. Тоже неплохо.

Коршун облегченно вздохнул:

— Я могу увидеть его?

Доктор на мгновение замялась. Потом она кивнула и повела его в кабинет.

Лежа на кровати, окруженный грудами электроники, Ночной Бродяга казался совсем маленьким. Его лицо было почти такого же цвета, что и мрачные стены; закрытые глаза, казалось, утонули в черепе. Он выглядел на сотню лет старше. На мгновение Коршун вспомнил свою мать, но отогнал мысли о ней.

Он осмотрел каморку — крошечную, чуть побольше кровати. Серые стены, везде мониторы, единственное свободное место — перед лицом Ночного Бродяги. «Слабак! — Он разозлился на себя. — Ты слабак!» Он заставил себя посмотреть на индейца. На этот раз образ матери не появился. Коршун почувствовал, как его дыхание замедляется, а мышцы расслабляются.

Доктор Дайсер наблюдала за ним, но отвернулась, когда Коршун взглянул на нее.

— Когда он очнется?

— Я *уже* очнулся. — Глубокий голос раннера испугал Коршуна. — Просто лежу, отдыхаю. — Ночной Бродяга открыл

глаза и осмотрелся. — Где я?

Коршун быстро рассказал ему все. Ночной Бродяга взглянул на доктора, затем снова на Коршуна.

— Ты сделал это для меня, а?

Коршун кивнул.

— Конечно, — сказал индеец как будто про себя. — Это был твой долг, кодекс чести раннера, да?

Коршун знал, что большей благодарности он не получит, но и этого было достаточно — лучше, чем те стандартные слова, которые так легко произносить. Впервые он почувствовал, что Ночной Бродяга принимает его, может, и не как равного, но как товарища. Он снова кивнул, не доверяя своему языку.

— Который час? — спросил раннер.

Коршун ответил.

— Черт! — Ночной Бродяга сплюнул. — Вторая команда собирается в двадцать два тридцать. Надо двигаться. — Он попытался сесть.

Доктор Дайсер силой удержала его, положив руку на грудь. Коршун знал, что индеец мог отшвырнуть ее одной рукой на другой конец комнаты, если бы хотел, но он послушно лег. Его темные глаза пристально смотрели на нее.

— Вы никуда не пойдете, — резко сказала женщина.

— Я неплохо себя чувствую, — ответил индеец. — И мне нужно кое-что сделать. — Мягко, но решительно он взял ее руку и снял со своей груди.

Коршун видел, как мышцы доктора напряглись, когда она пыталась вырвать руку из его пальцев.

— Подумай, — резко сказала она, — может, ты плохо слышишь или твои мозги повредились от кислородного голодания, когда остановилось сердце. — Она говорила медленно, таким тоном, каким говорят с идиотами. — Конечно, ты чувствуешь себя хорошо. Потому что ты по уши накачан болеутоляющими, стимуляторами и еще Бог знает чем. Если я уберу анальгетики и транквилизаторы, тогда ты узнаешь, как хорошо ты себя чувствуешь. Если я уберу стимуляторы, твое сердце просто остановится.

Она продолжала, оборвав его попытку ответить:

— Ты не загнулся — *пока* — потому что я достаточно хорошо знаю свое дело. — Она вздохнула. — Ты даже не представляешь, как ты плох. — Она понизила голос. — Насколько ты пострадал. Если бы ты был машиной, я бы сказала, что ты едешь на одном цилиндре и у тебя только одна передача — и больше ничего: тормозов нет, руль не крутится и три колеса проколоты. Слышишь, что я тебе говорю? Ты жив. Сейчас. Если останешься

здесь, то проживешь еще день или два, может, и больше, если нам обоим повезет. Если отправишься в больницу, *настоящую* больницу, они смогут зашить тебя как следует, и ты будешь жить. Но, — ее голос снова стал жестким, — если ты думаешь, что сможешь выйти отсюда, забудь. Ты доберешься до входной двери — *может быть,* — пока сердце не остановится, да и то только потому, что ты сильный сукин сын!

Маленькая доктор наконец вырвала руку из пальцев огромного мужчины и взглянула на него сверху вниз.

Коршун увидел, как глаза Ночного Бродяги закрылись, а дыхание замедлилось. Думал ли он о чем-то? Решался на что-то? А может быть, вручал свою душу тотемам…

Через несколько секунд Ночной Бродяга снова открыл глаза и взглянул на доктора. Он смотрел совершенно спокойно, как человек, принявший какое-то важное решение.

— Я на стимуляторах, да? — тихо спросил он. — На каких стимуляторах? Турбо, да? — Он назвал один из наркотиков, созданных для медицинских целей, но хорошо известных на улицах.

Доктор Дайсер неохотно кивнула.

— Какая доза? Что-то около пятидесяти миллиграммов?

Она снова кивнула.

— Значит, двести миллиграммов помогут мне пережить ночь…

— …И убьют на рассвете, — закончила она.

Он утвердительно кивнул.

— Но ночью я смогу действовать.

— Да, если я дам тебе такую дозу. Но я не дам.

На несколько секунд Ночной Бродяга замолчал. Коршун слышал быстрое дыхание доктора, слышал, как его собственная кровь стучит в висках.

Наконец Ночной Бродяга тихо сказал:

— Есть нечто важное, и я должен это сделать, Доктор. Я не могу сказать — что, но я поклялся жизнью, что это сделаю. Ты понимаешь? Мне нужны двести миллиграммов турбо.

— Это убьет тебя, — снова повторила доктор, — я не могу тебе этого дать…

— Ты не можешь этого *не дать,* — настаивал раннер. — Любой человек имеет право сам выбрать время своей смерти, имеет право распорядиться своей жизнью так, как считает нужным. Кто ты такая, чтобы лишать меня этого права?

На минуту в комнате установилась тишина. Ночной Бродяга лежал на кровати, наблюдая за доктором не по-человечески спокойно. Дайсер не отвечала на его взгляд. Коршун поглядывал

то на одного, то на другого.

Наконец доктор сделала движение — рука ее опустилась в карман и достала оттуда шприц и маленькую ампулу с фиолетовой жидкостью. Дайсер не смотрела на Ночного Бродягу до тех пор, пока не наполнила шприц.

— Двести миллиграммов, — резко сказала она.

Коршун отвернулся, пока она вводила наркотик.

* * *

— Что ты собираешься делать? — спросил юноша, когда они вышли на улицу.

Ночной Бродяга повернулся к Коршуну.

— Что ты собираешься *делать?* — снова спросил Коршун. «До того, как умрешь», — хотел он добавить, но не посмел. — А если на этой встрече тоже засада?

Раннер только пожал плечами. Они взяли автокеб, одну из машин с кибернетическим управлением, которые только появились в городе, и теперь им оставалось пройти два квартала до парка «Коуб-террас».

Ночной Бродяга не отставал от Коршуна, хотя тот почти бежал. Раннер двигался так плавно, что Коршун почти забыл, как тяжело он был покалечен и что наркотик в его венах съедал тело изнутри. Ночной Бродяга снова казался молодым, почти таким же молодым, как и сам Коршун. А может быть, так и следовало проводить свою последнюю на этом свете ночь?

— А что, если там вообще никого не окажется? — нажимал Коршун. — Что, черт возьми, ты тогда будешь делать? *До того, как умрешь,* — подумал он.

Ночной Бродяга ответил спокойно, не обращая внимания на злость в голосе молодого человека.

— Марси и Танцующий Кот ушли, но почти все ребята остались. Они не знают этих городских джунглей. Я могу рассказать им, как вернуться назад, в земли сейлиш-шайд, чтобы их не задержали ни патрули на границе, ни армии корпораций. Я могу навести их на нужных людей.

— А если они уже ушли? — нажимал Коршун.

— Не могли.

Коршун от злости тряхнул головой.

— А что, если корпорация уже захватила их? Ты убьешь себя ни за что.

— Тогда я умру, — просто ответил индеец. — Решение принято, так зачем мучить себя, думая о том, чего я уже не

сделаю? — Он посмотрел вверх, на облака, в которых отражались городские огни. Взглянув на лицо раннера, Коршун подумал, что тот видит звезды *сквозь* облака. — Этот вечер — подходящее время для смерти.

В двадцать два тридцать деловой центр бурлил. Красивые, в нарядной одежде люди выходили на улицу, чтобы встретиться друг с другом, перекусить, посмотреть какое-нибудь шоу, зайти в клуб. Ночь буквально гудела.

Но в парке «Коуб-террас» все было не так. Здесь действовали другие правила. Днем здесь было спокойно и безопасно, — как в любом другом месте города, — просто местечко, где хорошо посидеть на траве и расслабиться. Но, как многие другие парки, с наступлением темноты он превращался в зону боевых действий. Двуногие хищники заполняли бетонные террасы и поджидали в кустах свои жертвы — идиотов, рискнувших забрести сюда. Патрульные, слишком напуганные крупными бандами, которые сводили здесь счеты, с заходом солнца оставляли парк.

Коршун не слишком хорошо знал это место. Он был здесь только однажды, и то днем. И никогда ночью. Лишь такие банды, как «древние» и «тигры» — тяжеловесы Сиэтла, — выходили сюда «поиграть» ночью. «Первая нация» и в подметки им не годилась — она была второразрядной или даже третьеразрядной бандой.

Эта и другие неприятные мысли крутились в голове у Коршуна, когда они подошли к парку. Ночной Бродяга, казалось, совсем не тревожился. («А почему бы и нет? — с горечью подумал Коршун. — Ему ведь нечего терять».)

Он крепче сжал рукоять своего «фичетти». Пистолет был заряжен, курок взведен, предохранитель снят. (Коршун был слегка удивлен, что именно доктор Дайсер продала ему два магазина патронов. Врач и торговец оружием в одном лице — настоящие чудеса!)

— А что, если там снова засада? — прошипел он на ухо Ночному Бродяге.

Раннер только пожал плечами:

— Чему быть, того не миновать.

«Еще этот проклятый холод», — подумал Коршун, безуспешно вглядываясь в непроницаемую тень. Неплохо бы иметь вторую пару глаз на затылке.

Именно Коршун первым заметил фигуру человека. Темное пятно в тени. Он мгновенно остановился и толкнул раннера локтем.

— Там, — прошептал он.

Коршун почувствовал, как раннер напрягся. Ночной Бродяга поднес руку к поясу, сделав при этом быстрый странный жест.

Фигура в тени ответила похожим жестом — но не взмахом, который стоил Танцующему Коту жизни. Коршун рад был это видеть. Ночной Бродяга зашагал вперед уже без опаски. Спохватившись, Коршун поспешил за ним.

Теперь, когда он подошел поближе и глаза привыкли к темноте, Коршун лучше рассмотрел человека. На первый взгляд он был очень похож на Ночного Бродягу. Высокий, может быть, чуть шире в плечах. У него были такие же черные волосы, такие же орлиный нос и жесткий взгляд, как у Ночного Бродяги. Без сомнения, он тоже был индейцем.

Мужчины пожали друг другу руки. Коршун не был уверен, но ему показалось, что Ночной Бродяга больше рад встрече, чем его товарищ.

— Привет, Лезвие Ножа!

— Привет, Бродяга. Я думал, ты уже на том свете.

— Еще нет. — В голосе раннера было что-то, заставившее собеседника взглянуть ему в лицо.

Но если Лезвие Ножа и уловил что-то, он ничего не сказал. Однако метнул жесткий взгляд на Коршуна.

— А это еще кто?

Коршуна возмутил его тон, но он придержал язык.

— Остынь, Лезвие, — спокойно сказал Ночной Бродяга. — Он кремень, мой приятель. Выручил меня из крупных неприятностей. Теперь мы повязаны.

Лезвие Ножа явно сомневался.

— Повязаны с *этим?* — Он фыркнул. — Ладно, твое дело.

— Да, — просто согласился Ночной Бродяга, не обращая внимания на иронию.

— Тогда все, — проворчал Лезвие Ножа и отвернулся. — Остальные уже здесь. Бери своего приятеля, если хочешь.

Ночной Бродяга ободряюще похлопал Коршуна по плечу и повел его за собой.

Их ждали трое высоких мускулистых индейцев, таких же уверенных в себе, как Ночной Бродяга и Лезвие Ножа. Они совещались в тени деревьев на одной из верхних террас парка. Выходя вслед за Ночным Бродягой на крошечную полянку, Коршун чувствовал их оценивающие взгляды. Один из мужчин согнул правую руку, и три зловещих острых шипа выдвинулись из тыльной стороны его ладони.

— Остынь, — спокойно приказал Лезвие Ножа. — Он с Бродягой.

Агрессивный раннер пожал плечами, и шипы убрались обратно в плоть.

Ночной Бродяга оглядел их.

— Это все? — спокойно спросил он. — А где остальные?

— Пропали, — просто ответил Лезвие Ножа. — Когда дело провалилось, мы потеряли друг друга. Из первой команды никто не выжил. Я видел, как Марси получил свое, значит, ты — единственный из второй. Третья и четвертая… Так, здесь Слик, Бенбо и Вэн, — он указал на остальных раннеров, — и я, это все. Думаю, Танцующий Кот выбрался, но мы потеряли его след.

Ночной Бродяга коротко рассказал о событиях прошлой ночи.

Лезвие Ножа медленно кивнул.

— Ну, тогда все сходится. До нас дошло, что на встрече будет засада, но мы, конечно, не могли предупредить тебя. Или Кота.

— А как насчет Коу? — спросил Ночной Бродяга.

Коршун решил, что он говорит о декере.

— Она тоже не спаслась, — ответил Лезвие Ножа. — После того как заваруха кончилась, мы проверили ее логово. Она все еще была подключена, но уже мертва.

Казалось, Ночной Бродяга поник, как воздушный шарик, из которого выпустили воздух.

— Тогда все кончено, — тихо произнес он.

— А может, и нет, — возразил Лезвие Ножа. — Ходит странный слух, будто данные попали к кому-то еще.

— *Наши* данные?

— За что купил — за то продаю. Не знаю, как это случилось. Может, Коу припрятала что-то в Матрице — на всякий случай.

— У кого? — настаивал Ночной Бродяга. — У кого они?

— Имя неизвестно, — вступил в разговор один из индейцев. — Кто-то из местных.

— Это правда? — Коршуну почудилось отчаяние в голосе Ночного Бродяги.

— Ходят слухи, — повторил Лезвие Ножа.

— Что будем делать?

— Спокойно, приятель. — Лезвие Ножа ободряюще положил руку ему на плечо. — Мы пошлем людей, чтобы все разузнали. Мы не можем действовать, пока не найдем этого парня, так ведь?

— Но ты не знаешь каналов…

Лезвие Ножа прервал Ночного Бродягу:

— Мы хоть и не местные, но знаем, как работать на улице. Мы это сделаем — это просто вопрос времени. — Он посмотрел на часы. — Ладно, приятель, пора двигать. У нас есть тихое место, чтобы отсидеться. — Он глянул на Коршуна. — А что с…

— Он пойдет со мной, — резко сказал Ночной Бродяга. — Я сказал, мы повязаны. Я за него ручаюсь.

На мгновение Коршуну показалось, что Лезвие Ножа хочет возразить. Но тот лишь пожал плечами:

— Твое право, Бродяга. — Он снова взглянул на раннера. — Не хочешь поспать в фургоне? Ты выглядишь хуже некуда.

Ночной Бродяга медленно опустил голову.

— Потом, — ответил он, и только Коршун понял значение этих слов. — Я высплюсь позже.

ГЛАВА 9

14 ноября 2053 года, 00.55

Уже началось? Слай потягивала свое виски и смотрела через окно на городские огни. Корпоративная война. Неужели она уже началась?

День выдался странный — трудный и нервный. Слай нужно было знать, что происходит на улицах, чем заняты корпорации и кто задействован во всеобщих розысках ее персоны. Пока ей было известно лишь то, что ее искали. Как ей узнать, кто из прежних союзников переметнулся в лагерь мегакорпораций и подключился к розыску? Это же невозможно! Разумеется, есть способы анонимного «прощупывания», но они далеко не так эффективны, как личное общение с людьми, которые знают и доверяют тебе. Покинув час назад дом Агарвала, Слай поняла, насколько она одинока.

И тут она вспомнила об Аргенте. Затянутый в кожу уличный монстр и вожак банды, называющей себя «команда разрушителей», несколько лет назад вместе со Слай выполнил одно важное задание. С тех пор она иногда встречалась с ним. Хоть они и не стали друзьями, но уважали друг друга как профессионалы. С неожиданной тревогой Слай поняла, что Аргент — единственный, кому она может доверять, хотя бы отчасти.

После получаса напряженных размышлений она решила рискнуть и позвонить ему. Слай приняла окончательное решение, вспомнив о той странной ненависти, которую испытывал Аргент к корпорации «Яматецу», и причину которой он никогда ни с кем не обсуждал. Слай решила: этого достаточно, чтобы он ввязался в любое дело, которое нанесло бы вред этой мегакорпораций. Конечно, это не самое надежное основание для доверия, но все же лучше, чем никакое.

Ее выбор оказался верным. Не обращаясь к своим информаторам, Аргент немедленно ответил на ее вопросы, будто уже знал о переменах, происходящих на улицах.

— Обстановка накаляется, — сказал он. — То холодно, то жарко. Патрули усилены. Их больше, и они лучше вооружены. Там, где обычно ходило двое патрульных, теперь шестеро; если прежде у них была легковая машина, то теперь чуть не броневик. Ведут они себя странно, будто не совсем уверены, что происходит. Силы корпорации тоже на улицах. Усиленно вооруженные патрули тоже играют в эти странные игры, шум по всему городу. Средства массовой информации утверждают, это

из-за банд, но явно несут чушь. Они не просто патрулируют. По-моему, солдаты корпорации занимаются прочесыванием. — Аргент озабоченно глянул на нее с экрана телекома. — Слай, происходит что-то очень плохое. Я не знаю, что именно, и это меня пугает.

Его замечание потрясло Слай. Если верить репутации этого человека, напугать Аргента было непросто.

Он подтвердил некоторые замечания Агарвала, хотя Слай уже не нужны были подтверждения. В деле участвовали все основные мегакорпорации, однако основная роль принадлежала «Яматецу».

— И все они разыскивают *тебя,* Слай, — добавил Аргент, не дожидаясь ее вопроса. — Думаю, пока не все тебя знают, но на улицах они задают правильные вопросы и прочесывают все места, где ты обычно появляешься. — Он мрачно ухмыльнулся. — Понимаю, что ты не дома, иначе наша беседа не состоялась бы. Я буду держать ушки на макушке. Но пока снова не свяжусь с тобой, тебе надо найти какое-нибудь *действительно* надежное убежище. — Выдержав паузу, Аргент спросил: — У тебя есть подходящее место или хочешь совета?

Она приняла его предложение, и совет оказался неожиданным. Необычным и, пожалуй, лучшим из тех, что она слышала за последнее время.

Именно так она и очутилась здесь, в «Шератоне», одной из лучших и самых дорогих гостиниц Сиэтла, напротив элитарного Вашингтонского атлетического клуба.

Сама Слай никогда бы не додумалась до такого, но доводы Аргента были убедительны. Во-первых, кто станет разыскивать беглеца, особенно такого, за которым охотятся корпорации, в гостинице экстра-класса, обслуживающей эти же корпорации? Охотники будут прочесывать темные места, грязные ночлежки в беднейших районах города, где ненависть местных жителей к корпорациям будет мешать розыску. Во-вторых, после того как она поселится в «Шератоне», хваленая компьютерная система безопасности гостиницы станет ее защищать. Единственная трудность — само поселение.

А это, благодаря Модалу, оказалось совсем нетрудным. За последние годы он собрал большую коллекцию различных удостоверений личности — как мужских, так и женских, на любой вкус, — удостоверений, в которых вопросов не вызвало бы ничего: ни имена, ни биографии, ни даже идентификационные номера. Похоже, у него был процветающий бизнес по продаже этих удостоверений беглецам и всем желающим сменить свои фамилии. Как только она заикнулась о «Шератоне», чернокожий эльф вручил ей карточку, содержащую данные, которые

обеспечивали почти стопроцентную «крышу». Он не сказал, где добыл ее, а она не спросила. Такую же карточку Модал взял себе.

После этого оставалось только нагло прошествовать по фойе «Шератона» и снять два смежных номера на имя Уэсли Эймс и Саманты Бувис. Хотя Слай была уверена, что клерк услышит стук ее сердца, эльф со скучающим видом просто вставил карточки в регистрационную щель компьютера. Получив подтверждение достоверности данных, клерк вручил им по магнитной карточке, заменяющей ключи, и пробормотал: — Добро пожаловать в «Шератон», надеюсь, что Ваше пребывание будет приятным.

Поднимаясь в лифте, они узнали, что этой ночью в гостинице состоится съезд представителей частных правоохранительных агентств. Руководители патрульных служб и аналогичных организаций со всего мира заполнили номера пятнадцатого и частично десятого этажей. Сначала это до смерти напугало Слай. Однако поразмышляв, она осознала, что благодаря этому их безопасность только *возрастала.* Какой охотник корпорации мог предположить, что его дичь затаилась в толпе полицейских? Даже если кому-то *удалось* бы проследить ее до «Шератона», зная, что многие из гостей вооружены до зубов, ему пришлось бы дважды подумать, прежде чем попытаться провернуть любую операцию.

Прошло первое чувство страха, и ей пришло в голову, что вся эта затея ужасно забавна. «Чем полицейские развлекаются во время съезда? — подумала она. — Арестовывают друг друга? Или бьют друг другу морды?»

Слай настолько расслабилась, что с трудом сдержала смех, когда на десятом этаже в лифт вошел представитель фирмы «Бритиш Альд» — эльф в ярком пунцовом пиджаке, шотландской юбке-кильт и подпоясанный кушаком. Он направлялся в зал для приемов на пятнадцатом этаже.

И вот она в номере 1205, смотрит в окно и потягивает виски из мини-бара. Слай бросила взгляд на Модала, который развалился на кровати с неприлично безмятежным видом и лениво просматривал каналы тридео.

Ей не доставляло удовольствия его присутствие. Не важно, что это было уместно и разумно, что любая попытка выдать ее корпорациям ударит по нему же. Его сопричастность беспокоила Слай.

Она спрашивала себя, в чем причина этого беспокойства? Модал — квалифицированный уличный боец, надежный стрелок, которого хорошо иметь в качестве телохранителя. При любом ее решении его присутствие было на пользу.

Может, дело в том, что они когда-то были любовниками? Несколько минут она размышляла над этим, предварительно

глотнув виски, чтобы взбодриться.

Нет, дело не в этом. Просто… просто он напоминал ей зомби. Модал всегда был таким страстным во всем. Не только по отношению к сексу. Казалось, он всегда *глубоко* принимал к сердцу то, чем занимался, хотя и не позволял эмоциям мешать делу. А теперь?

Благодаря фиолетовым пилюлям, которые он принимал каждые два часа, не стало никаких эмоций. Вот в чем дело. Он был *похож* на Модала, он *разговаривал* как Модал. Но как будто это был *не* Модал. Это напоминало фильмы ужасов, которых она так боялась, когда была ребенком, — фильмы, где вставшие из гроба мертвецы охотились за живыми. Будто Модал был одним из таких оживших трупов. Она передернула плечами.

Слай взглянула на часы: 01.00. Время звонить Агарвалу, узнать последние новости. Она подумала о том, что хорошо бы найти способ передавать поступающие сообщения в комнату 1205, но ничего не могла придумать. В сотовых телефонах имелась локационная схема (иначе как они могли бы сопрягаться с сотовой сетью?), поэтому от своего сотового телефона она избавилась несколько часов тому назад. Возможно, какой-нибудь гений электронщик и мог бы создать устройство, не позволяющее определить координаты абонента, но это выходило за пределы возможностей Слай. Она прошла в соседнюю комнату, закрыла за собой дверь, села на кровать и набрала номер.

Агарвал ответил сразу. На экране телекома его лицо выглядело усталым, бархатные карие глаза за стеклами очков налились кровью, будто он часами, не отрываясь, вглядывался в экран компьютерного дисплея. Наверное, так оно и было. Агарвал разговаривал с нею из своего кабинета.

— Шерон, — он напряженно улыбнулся, — у тебя все в порядке, Шерон?

Она тоже улыбнулась, кивнула и попыталась говорить уверенно:

— Я еще кручусь, приятель. Нет проблем. У тебя что-нибудь получилось?

— Кое-что, но это может оказаться не тем, что бы ты хотела услышать.

В горле у Слай пересохло, но она продолжала улыбаться.

— Тебе удалось вскрыть защиту? Он нервно закивал головой.

— Частично. Как я и предполагал, было несколько уровней кодирования с различными степенями защиты разных участков файла. Я раскрыл достаточно, чтобы понять важность того, чем ты располагаешь… и достаточно, чтобы дьявольски перепугаться самому.

Слай никогда прежде не слышала, чтобы Агарвал ругался, и считала, что это не в его характере. Возможно, именно это ее больше всего и встревожило. Не в силах сохранить свою улыбку, она позволила ей угаснуть.

— И что это? — Она затаила дыхание.

— Думаю, это утраченная технология, Шерон. Понимаешь, что это значит?

Она задумалась.

— Крах двадцать девятого, — сказала она, — вирус поразил сеть, и часть данных пропала. Ты это имеешь в виду?

Он снова кивнул:

— В сущности, да. Мы по-прежнему многого не знаем об этом вирусе. Был ли он самовозникающим? Случайно ли он попал в сеть? Или это была компьютерная война?

— Подожди, — она подняла руку, — компьютерная война?

— Компьютерная война, Шерон. Война между корпорациями, которая ведется с помощью специальных вирусных программ, запускаемых в компьютерную сеть конкурента. Некоторые техноисторики считают, что вирусы могли создать именно для этой цели — вирусы-разрушители отдают предпочтение файлам с высоким уровнем защиты. В любом случае ясно: в твоем файле — данные исследований в области технологий, потерянные при крахе. И это, конечно, проясняет неожиданную активность мегакорпораций. Если одна из них восстановит утраченную технологию, это может оказаться таким преимуществом в конкурентной борьбе, что остальные мегакорпораций пойдут на риск войны, чтобы завладеть ею.

Она медленно кивнула. Все это вполне согласовывалось, даже слишком, с замечаниями Аргента.

— Я установил второй компьютер, чтобы следить за факсами и накопителями данных корпораций. Моя сторожевая программа обнаружила весьма тревожные новости.

— Какие?

— Корпоративный суд в «Цюрих-Орбитал» обратил внимание на происходящее в Сиэтле и, по-видимому, тоже сделал заключение о возможности войны между корпорациями, — ответил Агарвал. — Суд установил официальный срок, на который должна быть прекращена всякая необычная деятельность корпораций в мегаполисе.

— Суд такой влиятельный?

— Не совсем, — объяснил Агарвал, — суд не располагает никаким органом принуждения. Мегакорпорации подчиняются его декретам потому, что другого выхода у них просто нет.

Агарвал замолчал, и от выражения его лица по спине у Слай

пробежали мурашки.

— *Не было,* — добавил он. — Насколько мне известно, по крайней мере три основные мегакорпорации полностью пренебрегли эдиктом суда. — Он снял очки и потер покрасневшие глаза. — Это неслыханно и очень страшно, — тихо сказал он. — Это значит, что война между корпорациями близка, как никогда.

От страха у Слай заныло под ложечкой, а во рту так пересохло, что она с трудом заговорила:

— Ты хочешь сказать, что все корпорации охотятся за мной?

— За этим, — поправил Агарвал. — За этим файлом. И, возможно, кое-кто еще. Похоже, что замешано и правительство ЮКАС.[12] Вероятно, что в драке участвуют и федеральные команды.

— Федералы? Зачем?

Бывший декер пожал плечами:

— Может, чтобы получить преимущество над корпорациями? Правительство в течение последних лет явно искало такую возможность. Или чтобы получить преимущество перед своими конкурентами — Конфедеративными Соединенными Штатами, Коренными Американскими Государствами, Свободным Штатом Калифорния, даже перед Ацтланом и Тир Таирнгиром.

Слай медленно покачала головой. Все чересчур осложнялось, и притом *слишком* быстро.

— И всем нужен этот файл? Все они охотятся за мной? — Неожиданно она почувствовала себя очень одинокой и очень маленькой. — И что же мне делать, Агарвал, черт побери?

Лицо ее друга ничего не выражало.

— Да-а… — сказал он наконец. — Это вопрос вопросов, не так ли?

ГЛАВА 10

14 ноября 2053 года, 01.45

Коршун бродил по старому зданию кегельбана, предназначенному под снос. Лезвие Ножа называл его своим убежищем. Электричество тут было давно отключено, и единственный свет давали переносные фонари, которые раннеры расставили в помещении бывшего ресторана. Вся мебель исчезла — ее или вывезли, когда закрыли заведение, или позже реквизировали соседи. В дальнем конце дорожек зияли отверстия — там, где раньше находились автоматы для установки кеглей. Дорожки были изношены и исцарапаны, но в основном целы.

Лезвие Ножа и его «мальчики» лежали на полу ресторана и поглощали принесенную с собой еду. От ее запаха в животе у Коршуна заурчало.

«Сколько времени я уже не ел? Сутки?» — подумал он. Однако гордость не позволяла ему просить подачек. Ночной Бродяга лежал, прислонившись к стене. Он начал угасать. Казалось, остальные раннеры считали это просто истощением, но Коршун знал, в чем дело.

Когда они пришли сюда, Лезвие Ножа исчез почти на час — видимо, отправился за информацией. Теперь он возвратился и обсуждал план действий с остальными раннерами. Зловещие на вид индейцы продолжали враждебно поглядывать на Коршуна, ясно давая ему понять, что считают чужаком. До сих пор поручительство Ночного Бродяги защищало его от изгнания… или чего-то худшего. «Но что будет, когда Ночной Бродяга умрет?» — мрачно размышлял Коршун.

— Кажется, я нашел местного парня, который располагает нужными нам данными, — говорил Лезвие Ножа своим товарищам. — Думаю, я получил канал связи.

— Какой канал? — спросил тот, которого звали Слик. Он закончил есть и небрежно затачивал на кожаном ремне метательный нож. В свете фонаря нож и без того казался острым, как бритва.

— Один здешний раннер, — пояснил Лезвие Ножа. — Раньше он работал с приятелем моего брата — пока его не ухлопали.

— Так этот парень знает координаты? — спросил Бенбо, самый высокий в команде. При плохом освещении его вполне можно было принять за тролля из-за его габаритов и мускулатуры.

Лезвие Ножа покачал головой:

— Нет, не знает, а может, не признается. Но, если я попрошу,

он передаст сообщение.

Раннер, по имени Вэн, кивнул. Он был самым низкорослым, но и при этом весил на полтора десятка килограммов больше Коршуна. Его серо-голубые глаза смотрели спокойно и понимающе.

— Ты собираешься устроить встречу, да? — тихо спросил он.

— Думаю, это лучше всего. — Лезвие Ножа повернулся к Ночному Бродяге: — Эй, Бродяга, назови нам хорошее место для конспиративной встречи! — Он помолчал. — Бродяга!..

Коршун быстро обернулся. Ночной Бродяга сполз еще ниже, его голова болталась, глаза были открыты, но Коршун знал, что они ничего не видят.

— Дьявол…

Коршун подбежал к Ночному Бродяге и присел возле него на корточки.

Он мертв? Нет, еще жив. Бродяга еще дышал, отрывисто и неглубоко. Коршун схватил его за плечо и сжал пальцы. Раннер рывком поднял голову и посмотрел на него, пытаясь сфокусировать взгляд. Но Коршун понимал: Ночной Бродяга видел что угодно, только не его. Он заглянул в глаза своего приятеля. В желтом свете фонаря было видно, что один зрачок сократился до размера булавочной головки, а второй так расширился, что радужная оболочка почти исчезла. Что это означало? Ничего хорошего.

— Что случилось с Бродягой? — резко спросил Лезвие Ножа.

— Он ранен, — быстро ответил Коршун, — *тяжело* ранен. Я пытался его подлатать, но он начинает уходить. — Он встал, выпрямился в полный рост и повернулся лицом к Лезвию Ножа. С трудом сглотнув, Коршун попытался придать своему голосу уверенность и властность. — Вот что, я должен доставить его в клинику.

— А? — промычал Бенбо.

— Он умрет, если я этого не сделаю.

Лезвие Ножа обдумывал услышанное. Наконец он покачал головой:

— Никакой клиники.

— Он умрет! — Коршун почти кричал.

Взгляд четырех индейцев стал холодным, как у хищников, рассматривающих свою добычу. Слик держал свой нож тремя пальцами за лезвие характерной хваткой метателей ножей.

— Никакой клиники, — снова ледяным тоном повторил Лезвие Ножа.

— Он же ваш *товарищ,* — прохрипел Коршун. — А как же кодекс чести раннеров?

Бенбо разразился лающим смехом. Коршун заметил, как Лезвие Ножа бросил взгляд на Слика, который чуть по-иному взялся за свое оружие.

«Сейчас я погибну», — понял Коршун, но эта мысль — удивительно! — не вызвала страха, а только злость.

— Клянусь проклятыми тотемными столбами, он — ваш товарищ! — крикнул Коршун. Он лихорадочно вспоминал все, что ему рассказывал Ночной Бродяга, пытаясь вспомнить такое, что спасло бы жизнь им обоим. — Он же ваш *тактик!*

Готовясь к броску, Слик перенес вес тела на другую ногу.

Но Лезвие Ножа поднял руку и сделал быстрый жест. Слик в недоумении посмотрел на вожака, но опустил свой нож.

— Да, — тихо сказал Лезвие Ножа. — Да, залатай его, парень.

Бенбо что-то тихо пробормотал.

— Бен, — обратился к нему Лезвие Ножа, — он нужен нам. Такими сокровищами не разбрасываются. Может, когда-нибудь ты это усвоишь и сможешь возглавить команду.

Холодный взгляд вожака остановился на Коршуне.

— Залатай его и привези обратно.

Коршун почувствовал слабость в коленях, но заставил себя стоять. Только *теперь* все внутри него перевернулось от страха.

— Мне понадобится фургон.

Он старался придать своему голосу бесстрастность, но по выражению лиц раннеров понял, что это не удалось.

— Бери, — ответил после некоторого раздумья Лезвие Ножа. — У нас есть другие колеса.

Коршун кивнул и повернулся к Ночному Бродяге.

— Мы ждем, что ты вернешься, парень, — тихо сказал Лезвие Ножа, — *вместе* с Бродягой и фургоном. Иначе у тебя со Сликом будет долгая беседа.

Слик тихо рассмеялся.

* * *

Коршун осторожно вел фургон по улицам района Редмонд-Барренс. Он научился водить машину после вступления в «первую нацию». Его обучали самые опытные члены банды. Он даже был водителем в нескольких незначительных операциях. Однако сейчас от него требовалось все умение, чтобы справиться с машиной. Несмотря на потрепанный внешний вид, все важные узлы фургона были в отличном состоянии. Идеально отрегулированный двигатель оказался мощнее, чем любая машина, которой Коршуну приходилось управлять. Коршун чуть

сильнее нажал на газ, и машина рванулась, пробуксовывая и оставляя на асфальте следы резины — не самый лучший способ остаться незамеченным, а привлекать к себе внимание было совсем ни к чему.

Ночной Бродяга сидел, сгорбившись, рядом с Коршуном. «Он выглядит как сама смерть», — подумал юноша, взглянув на своего друга в свете немногих уцелевших уличных фонарей. Ничего не видящие глаза открыты, дыхание неглубокое и прерывистое. Лоб индейца покрылся потом. Коршун прикоснулся к руке раннера, и она показалась ему холодной. Это еще не был холод смерти, но дело шло к тому.

Когда в кегельбане он попытался поднять Ночного Бродягу на ноги, ему показалось, что тот сейчас отдаст концы. Раннер хватал ртом воздух, в горле у него клокотало, а потом дыхание вообще прервалось. Это продолжалось всего мгновение, но оно было для Коршуна бесконечным. Лезвие Ножа и его люди просто сидели и наблюдали за его усилиями, при этом на лицах Слика и Бенбо играли отвратительные усмешки. Потом Вэн сжалился. Он подошел, перебросил Ночного Бродягу через плечо и отнес, как ребенка, в фургон. Коршун хотел его поблагодарить, но раннер повернулся и исчез в здании кегельбана прежде, чем он успел вымолвить хоть слово.

Сейчас Коршун лихорадочно думал, куда отвезти товарища. Обычные больницы исключались. Они могли принять Ночного Бродягу и заняться его лечением в надежде, что позже удастся выжать из него гонорар. Но тому, кто привезет его в больницу в таком состоянии, неизбежно будут задавать неприятные вопросы. Коршун не сможет на них ответить.

Итак, оставались бесплатные клиники. Из них лучшие принадлежали «Вселенскому братству». Он знал понаслышке, что в этих клиниках не задают никаких вопросов тем, кто доставит больного. Может быть, закон обязывал врачей сообщать патрульным о пациентах с огнестрельными ранениями, но это Коршуна не волновало. Возможно, Бродяге предстоял трудный допрос, но это было лучше, чем смерть, не так ли?

Несколько секунд Коршун испытывал угрызения совести. «Бродяга говорил, чтобы я не вез его в клинику, — вспомнил Коршун, и я обещал ему это».

Но действовало ли обещание *сейчас? «Нет,* — решил Коршун, — оно уже не действительно, когда Бродяге так плохо».

Теперь единственный вопрос — где находится эта проклятая клиника «Вселенского братства»? Коршун знал, что одна из них размешается в Редмонде, но где именно? Несколько минут он ехал наугад — в надежде заметить то, что освежит его память или

наведет на след. На территории «первой нации» было с дюжину плакатов, рекламирующих услуги «братства» с указанием адреса ближайшего отделения. Но тут, в Редмонд-Барренс, рекламные щиты, похоже, служили мишенями. Если «братство» когда-то и поставило здесь свой щит, то местные жители давно уже расстреляли его на мелкие кусочки.

Неожиданно Коршуна осенило: фургон был оборудован несколькими тяжелыми модулями. Возможно… Он остановился, рассматривая сложный приборный щит фургона.

Да, сегодня духи были на его стороне. Электронное оборудование фургона включало устройство сопряжения с навигационным спутником и навигационный компьютер. В базе данных компьютера должна быть информация о расположении медицинских клиник.

Какое-то время Коршун разбирался с компьютером, который оказался не слишком сложным — он был предназначен для водителя. Коршун ввел запрос, и компьютер немедленно выдал ответ: «Редмондское отделение „Вселенского братства“, пересечение улиц Белмон и Вейвланд».

Он нажал другую клавишу, вызывая на экран карту Редмонда. Дьявол, это было дальше, чем он думал. Привыкнув к Центру, легко забываешь, насколько велики пригороды. Коршун отметил кратчайший маршрут и покатил. К счастью, в этот поздний час движение почти прекратилось, а патрулей вообще не было видно. Он немного прибавил скорость.

Ночной Бродяга пошевелился, застонал и что-то пробормотал. Коршун протянул руку и прикоснулся к его плечу. Индеец снова что-то пробормотал, беспомощно вращая неслушающимися глазами. Наконец он смог сосредоточить взгляд на лице юноши.

— Это ты, Коршун?

— Да.

— Что происходит? — Он говорил невнятно, как пьяница, готовый отключиться прямо на мостовой.

— Везу тебя в клинику — Лезвие приказал, — твердо заявил Коршун, решив, что так проще избежать спора. — Он сказал, что нечего зря терять такое сокровище, как ты.

— Да.

Ночной Бродяга замолчал, его глаза наполовину закрылись. Через несколько секунд он снова встрепенулся.

— Мне худо, приятель.

— Ты будешь в порядке.

Коршун нажал на газ и почувствовал, как фургон рванулся вперед.

Какое-то время Ночной Бродяга молчал. Это беспокоило Коршуна, но он воспользовался молчанием и сосредоточился на управлении фургоном. Порядок, вот и Белмонт. Свернуть налево и газовать до Вейвланд.

Индеец снова пошевелился.

— Я из племени сейлиш… — прошептал он.

— Что?

— Я из племени сейлиш, — сказал раннер уже громче. — Я говорил, что у меня нет племени, но я сейлиш.

— Тебя так назвал вождь? — уточнил Коршун.

Ночной Бродяга покачал головой.

— Нет, но тем не менее я — сейлиш. Как ты из племени сиу. — Раннер замолчал, его голова упала на грудь. — Никогда не искал озарения, — прошептал он, — может быть, как раз пора.

— Да, — проворчал Коршун. — Ты только держись, ладно? — Он вдавил педаль газа в пол и вцепился в рулевое колесо, когда фургон рванулся вперед, как гоночная машина.

Шины завизжали, а переднее колесо ударилось о бровку, когда Коршун затормозил на углу Белмонт и Вейвланд. Здание отделения «Вселенского братства» выглядело так, будто там раньше был второразрядный кинотеатр. На втором и третьем этажах размещались конторы. Вывеска все еще была на месте: «Вселенское братство, придите и познайте силу Причастности». Двери заперты, и почти все окна темные. А что еще можно ожидать в два часа ночи?

Где, черт возьми, вход в клинику? Раз его нет здесь, он должен быть позади здания, в переулке. Коршун снова завел фургон и направил его в переулок.

Замедляя скорость, Коршун включил дальний свет. Где вход в клинику? От кварцевых галогенных фар в переулке было светло как днем. Над единственной дверью виднелась надпись: «Суповая кухня „Вселенского братства“».

Суповая кухня? А где же эта чертова клиника? Он медленно проехал по переулку. Вход в суповую кухню был заперт и защищен тяжелой металлической решеткой. На другом конце здания оказалась еще одна дверь. На ней не было никакой надписи. Та дверь тоже оказалась запертой и защищенной решеткой. *О духи и тотемы!..*

«Неужели в этом отделении нет клиники? — в ужасе подумал Коршун. — Я ведь думал, клиника должна быть при каждом отделении».

Он остановил фургон и ввел в компьютер новый запрос, затребовав уже не только координаты отделений «братства», но и информацию о предоставляемых ими услугах.

Коршун похолодел, когда на небольшом экране дисплея появилась информация. Как он и предполагал, в городе было четыре отделения. Но, по данным компьютера, только в двух из них имелись бесплатные клиники: в Октагоне (в центральном Сиэтле) и в небольшом отделении в Пуаллуп. У «братства» имелись еще две клиники, одна в Эверетт, а другая вблизи доков Такома. Правильно, всего их четыре, поэтому Коршун и думал, что при каждом отделении есть клиника. К черту! Он ввел еще ряд запросов в навигационный компьютер. Ближайшая клиника оказалась в двух кварталах от парка «Денни». Это по меньшей мере полчаса езды даже на мощном фургоне и практически по пустым улицам. Выдержит ли так долго Ночной Бродяга? Он посмотрел на своего друга. (Друга? Да!) Охваченный внезапным ужасом, Коршун схватил Ночного Бродягу за плечо и отдернул руку, почувствовав смертельный холод.

Глаза раннера были еще открыты, но Коршун знал, что тот уже ничего не видит. Его лицо осунулось и стало белым, как кость. Его поза, его тело выглядели по-прежнему, но Коршун знал, что душа покинула Ночного Бродягу.

Он заглушил двигатель и опустил голову на руль. Что теперь делать?

Ночной Бродяга мертв, и он ничем больше не может ему помочь. Или может?

Коршун помнил, что индеец говорил об утраченной технологии, о возможности подключаться к системам оптико-волоконной связи. Он не все понял, — если честно, то почти *ничего* не понял, — но помнил, как серьезно говорил раннер. Ночной Бродяга прекрасно знал, как устроен мегаполис, как взаимодействуют мегакорпорации, и он считал поиски утраченной технологии очень важными. Может быть, главным делом его жизни.

Мог ли Коршун бросить все это, уйти, оставив работу Ночного Бродяги незаконченной?

Мог ли он переложить ее на Лезвие Ножа и его людей? И есть ли у него уверенность, что индейцы правильно распорядятся добычей, если она попадет им в руки?

— Черт меня подери, куда я лезу? — ругал он себя. — Я же никто, просто сопливый член банды. Я не раннер. Разве Ночной Бродяга не говорил мне, что я не из его компании?

Но ведь он сказал, что Коршун — его друг. Он говорил, что оба связаны кодексом чести раннеров, пусть это и вызвало смех Бенбо. Разве это не значит, что Коршун должен довести до конца работу своего друга?

Вот шанс совершить настоящий поступок, сделать что-то

действительно важное, а не просто поучаствовать в деле ради собственной выгоды. В «первой нации» ему это никогда не удавалось. Он уже думал, что такой возможности никогда не выпадет. Не мог же он упустить ее сейчас.

Коршун вздохнул и потер глаза. Он так напряженно думал, что потекли слезы. Наверно, слезы были вызваны именно этим. Парень посмотрел на своего друга.

— Я в деле, — сказал он мертвому Ночному Бродяге, — меня это пугает до смерти, но я в деле.

* * *

Коршун только что оставил тело Ночного Бродяги в переулке позади отделения «Вселенского братства». Возможно, в глубине души это его смущало, но что оставалось делать? Коршун пожалел, что не знал больше об обычаях племени своего друга. Как у сейлиш поступали с телами погибших? Из книги Лэнгланд Коршуну было известно о различных погребальных традициях. Некоторые племена хоронили умерших очень торжественно и благоговейно, с песнопениями, которые указывали душам умерших путь в страну тотемов. У других не было таких традиций, и они просто бросали трупы на произвол судьбы. По их мнению, после того, как душа покинула тело, оно превращается в пустую скорлупу. Чего ради заботиться о теле, если человек его покинул? Он не знал, к какой группе относились сейлиш, но пытался убедить себя в том, что душа Ночного Бродяги, где бы она теперь ни находилась, все поймет.

Коршун медленно ехал обратно к убежищу. Встреча с Лезвием Ножа и остальными без защиты Ночного Бродяги пугала его до смерти, но он сделал выбор, и другого пути не оставалось. «По крайней мере, — подумал он, — это способ держать ситуацию под контролем».

Когда он вернулся в здание кегельбана, там уже были новые люди. Все пятеро — орки, по одежде было видно, что они члены банды «быстрых ребят». Он знал, что эта группировка пользуется дурной репутацией, ее обычно нанимают другие теневые команды, когда им нужно силовое прикрытие.

Самый высокий, наверное их вожак, при виде Коршуна оскалил свои желтые клыки.

— Что это за доходяга? — прорычал он.

Лезвие Ножа не ответил ему и спокойно взглянул на юношу.

— Где Ночной Бродяга? — спросил он ледяным тоном.

— В клинике, где же еще? — ответил Коршун, стараясь

справиться со своим страхом. — Его сильно зацепило, не может двигаться. Доктора сказали, ему придется пару дней побыть в постели. Он послал меня сюда. Сказал, будет держать связь через меня.

Пока Лезвие Ножа обдумывал это, Коршун затаил дыхание. Он расслабился, когда раннер кивнул.

— В какую клинику ты его отвез? — спросил Вэн.

— В бесплатную клинику «Вселенского братства», — спокойно ответил Коршун. — Ночной Бродяга сказал, у него нет денег.

Это вроде бы удовлетворило Вэна, который снова принялся разбирать и чистить большую винтовку, лежащую у него на коленях.

Коршун решил: сейчас самое время кое-что сообщить.

— Ночной Бродяга хочет, чтобы я тоже был на встрече, я ему расскажу обо всем.

Один из орков крякнул и сплюнул на пол, прорычав:

— Не нужен нам этот пацан!

Судя по выражению лиц Лезвия Ножа и других индейцев, все они были того же мнения.

— Ночной Бродяга — тактик, — сказал Коршун, пытаясь не сбиться со спокойного тона. — Он сказал, что мое присутствие на встрече будет *полезно* для дела, — с нажимом добавил юноша.

Он следил за лицом Лезвия Ножа, пока тот обмозговывал его слова.

— Я знаю суть дела, — добавил Коршун.

— Мы тоже знаем! — рявкнул предводитель «быстрых ребят».

Лезвие Ножа пожал плечами:

— Что ж, почему бы и нет?

Слик бросил на него презрительный взгляд, но ничего не сказал.

— У Бродяги есть соображения насчет места встречи? — спросил Лезвие Ножа.

Коршун кивнул, радуясь, что заранее продумал этот вопрос.

— Он говорит — пирс номер сорок два, площадка Хундай. У докеров забастовка, и до рассвета там никого не будет.

Он взглянул на предводителя орков и заметил, как тот согласно кивнул:

— Да, это подходит!

— Сойдет, — подвел черту Лезвие Ножа. — Теперь обсудим тактику. Я скажу, чтобы местный парень приходил на встречу один, но, скорее всего, у него все же будет прикрытие. Бенбо, мы с тобой возьмем на себя непосредственно переговоры. Вэн, ты найдешь местечко повыше. Если появятся какие-нибудь типы, ты

их уберешь.

Вэн нежно погладил приклад своего ружья. Теперь до Коршуна дошло, что это снайперская винтовка.

— Малышка свое дело сделает. А как насчет местного парня?

— После того как я узнаю, где находится информация, — чистый выстрел ему в голову.

Вэн кивнул:

— Нет проблем!

— И еще… Слик, я хочу, чтобы ты был… *телохранителем* парнишки.

Слик расплылся в улыбке:

— Так тому и быть, приятель!

— А как насчет меня и моих ребят? — спросил предводитель орков.

— На вас — периметр, — ответил Лезвие Ножа, — закрепитесь на площадке, проверьте ее. Если покажутся люди из прикрытия, уничтожьте их.

Орк флегматично усмехнулся.

— Да это просто вечеринка! — прорычал он, ощупывая один из своих щербатых клыков.

Коршун глядел на них и думал о том, во что же такое он вляпался. Они планировали не встречу, а засаду. Но что он мог поделать? Стоит ему начать возражать, как Слик тут же проткнет ему горло ножом. Наверное, он так и поступит после того, как Лезвие Ножа получит то, что он хочет.

— Ладно, — сказал Лезвие Ножа, одним движением вскакивая на ноги, — собирайтесь и грузитесь в фургон. Я позвоню, когда мы тронемся в путь.

ГЛАВА 11

4 ноября 2053 года, 02.30

В соседней комнате зазвонил телеком. Слай сразу же ответила. Только один человек знал этот номер, или, вернее, она знала только одного такого человека. Любой другой, кому стало бы известно, где она скрывается, не стал бы звонить.

Лицо Аргента заполнило весь экран.

— Привет, Слай. Как дела?

— Все по-старому, — ответила она.

По выражению его лица было ясно: Аргент знает, что это неправда, и ждет, что она поделится с ним своими заботами. Слай решила, что лучше промолчать. Чем меньше люди будут знать, тем лучше. В ответ на его невысказанный вопрос она лишь покачала головой.

Аргент пожал плечами.

«Он понял», — подумала Слай.

— Мне сообщили, кто-то ищет с тобой встречи наедине, — сказал затянутый в кожу раннер.

— Кто?

— Точно не знаю. Сообщение поступило от старого коллеги Хока, но я не знаю, он ли это.

Хок? Слай вспомнила это имя. Хок — самый близкий приятель Аргента, боевой шаман и заместитель командира «разрушителей». Он сколотил банду почти год назад при обстоятельствах, о которых Аргент никогда не распространялся. Слай подозревала, что шаман пострадал во время того дела, которое так настроило Аргента против «Яматецу».

— Ты что-нибудь нашел? — спросила она.

— Немного, — признался Аргент, — Большинство моих информаторов затаилось из-за жара, напущенного корпорациями. То, что я слышал, позволяет предположить, что эта команда раннеров — не наша.

— А откуда?

— Не знаю, но только не из Сиэтла и не из ЮКАС. Возможно, из Свободной Калифорнии, но это только догадка.

Слай задумалась. Из-за границы… Звучит многообещающе. Конечно, у этих людей могли быть связи с местными корпорациями, но это маловероятно. Вслух она спросила:

— Война корпораций расширилась?

— Пока нет, — ответил Аргент. — Но я думаю, что это лишь вопрос времени.

Слай кивнула. Это хорошо: меньше шансов, что раннеры со

стороны наняты «Яматецу» или какой-то другой местной корпорацией.

— Итак, они хотят встречи, — медленно сказала она. — Зачем?

Аргент снова пожал плечами:

— Информатор был немногословен. Он сказал только — известно, что у тебя есть какая-то интересующая их информация. Нечто важное.

Снова Слай увидела на его лице невысказанный вопрос. Она грустно улыбнулась и покачала головой. Аргент вздохнул:

— Ладно, это твое дело. Но если кактус слишком крепко прижимать к груди, можно здорово оцарапаться. Ну, это ты и без меня знаешь.

Ее улыбка стала теплее. Забота Аргента о ней была трогательной.

— Они хотят эту… *информацию?* Они готовы пойти на сделку?

— Нет, — удивил ее Аргент. — Как я понял, им все равно — даже если ты ее оставишь при себе. (Ему следовало добавить: «И примешь весь удар на себя».) Они хотят просто поговорить с тобой и, может быть, что-нибудь сказать об использовании этой информации. Им интересно найти способ обращения с ней, чтобы извлечь максимальную прибыль и для тебя, и для себя. Ты что-нибудь понимаешь?

Слай кивнула:

— Понимаю. Где они хотят встретиться?

— У Южного залива. — Он быстро вывел на экран адрес и координаты.

— Когда?

— Они говорят, что время важно — в четыре ноль-ноль.

— Сегодня? — Слай взглянула на часы: было уже без двадцати три.

— Да. Времени в обрез. — Он выдержал паузу. — Ты пойдешь, Слай?

— Не уверена, — честно ответила она. — Ты ничего не знаешь об этих парнях?

— Ничего определенного, — признался Аргент, — ни хорошего, ни плохого.

Слай постучала ногтем по передним зубам. В какую сторону прыгнуть? Все это может быть подстроено, а может быть, на контакт выходит группа, с которой можно работать как с союзниками. Что делать?

— А ты бы как поступил? — спросила Слай.

Лицо Аргента стало вовсе непроницаемым.

— Это твоя проблема, — коротко ответил он.

Она фыркнула:

— Я знаю, что это *моя* проблема. Я не прошу тебя взять на себя ответственность, Аргент. Я не новичок. Я просто спрашиваю твое мнение, как у друга. Решение за мной, и я его приму независимо от того, что ты скажешь.

Он расслабился.

— Да, шумиха на улице, похоже, на меня действует.

Слай знала, что для него это почти что извинение, и это было приятно.

Она наблюдала за Аргентом, пока он обдумывал свой ответ.

— Трудный вопрос, — ответил он наконец, — можно поступить и так, и этак. Я не хочу ничего советовать, чтобы ты не рисковала своей головой.

— Но *ты* пошел бы на встречу, не так ли? — настаивала она.

— Да, — ответил он после долгой паузы. — Я пошел бы. Но можешь быть уверена, что взял бы с собой поддержку. Много поддержки.

— Ты говорил, они хотят встречи наедине.

— С каких пор ты позволяешь команде соперника устанавливать правила игры?

— Справедливое замечание, — подтвердила Слай.

— Итак, у тебя есть прикрытие? Или ты полностью отрезана?

Слай покосилась на дверь в соседний номер — там на кровати растянулся черный эльф.

— Минимальное прикрытие, — призналась она.

— Модал, — кисло сказал Аргент. — Ты ему доверяешь?

Она ответила не сразу, что, как она понимала, уже само по себе служило ответом.

— Да, я так и думал, — нахмурился Аргент. — Я могу прислать два ствола, если хочешь. Ты знаешь Монгуса? И еще я пришлю его уличного брата Снейка.

Слай задумалась. В прошлом году она встречалась с Монгусом — парнем, работающим с бритвой, реакция у которого была еще быстрей, чем у Модала. Позже она слышала, что они с парнем, по имени Снейк, завербовались к Аргенту взамен Лота и Тоши, которые погибли в конце 2052 года. Монгус — это настоящий профи. Должно быть, и Снейк — профессионал: Аргент не нанимает любителей.

Слай кивнула.

— Спасибо. Я их беру. Такса стандартная, но, — она улыбнулась, — возможно, тебе придется подождать с оплатой.

Аргент отмахнулся.

— Просто плати им поденно и забудь о моей доле. Хочешь,

чтобы они встретили тебя на месте? Мне кажется, Монгус и Снейк будут не совсем соответствовать интерьеру «Шератона», — улыбнулся он.

Слай вспомнила потрепанную куртку Монгуса, татуировку у него на щеках и передние резцы из полированной стали.

— Пусть ждут меня на монорельсовой станции на Южной Четвертой авеню. — Она снова глянула на часы. — Они успеют за полчаса?

— Если *ты* успеешь, — подтвердил Аргент. — Инструктаж на месте?

Она кивнула.

— Добро, Слай. Если бы я мог сделать для тебя больше…

— Ты делаешь достаточно, приятель, — заверила она его. — Спасибо за помощь, это то, что мне нужно.

К удивлению, ее благодарность смутила раннера.

— Все, — сказал он и сделал жест, как будто что-то стирал, — беги, Слай. Парни будут с тобой. Потом мне обо всем расскажешь. — И исчез с экрана.

Слай покачала головой. «Потом… — подумала она, — если *будет* это „потом“…»

Часть вторая
СХВАТКА

ГЛАВА 12

14 ноября 2053 года, 03.15

В доках было холодно. Коршун застегнул «молнию» на своей кожаной куртке и поднял воротник. Он очень жалел, что не может купить себе куртку на пуху, в каких щеголяли «быстрые ребята».

Оркам, похоже, было тепло, а если и нет, то гордость не позволяла им жаловаться на холод. Что касается Лезвия Ножа и остальных раннеров, то они, должно быть, просто парились в своих утепленных десантных костюмах. К тому же от холода их защищала одетая сверху громоздкая броня. Порывы ночного ветра с залива Эллиот приносили привкус соли и резкий запах нефти, смешанный с ароматами еще дюжины химических загрязнителей. Сложив руки на груди, Коршун постарался унять дрожь, от которой невольно стучали зубы.

Попасть на территорию пирсов Хундай оказалось просто. Как и все прочие доки Сиэтла, пирсы были обнесены высоким забором, а сверху еще тянулись три ряда колючей проволоки. Периметр патрулировался частной службой безопасности, но доки были настолько велики, а охранников так мало (корпорации экономили на расходах), что напороться на патруль было крайне маловероятно.

Забором занялись «быстрые ребята». Проверив проволоку каким-то прибором, один из орков сказал, что ограда не под напряжением, а сигнализация сработает, только если разрезать проволоку. Другой орк вскарабкался на забор и набросил на него какое-то покрывало. После этого все перебрались через забор на территорию пирсов.

К удивлению Коршуна, площадка Хундай не была заполнена машинами. «Наверно, из-за забастовки докеров», — решил он. Огромное пространство, освещенное дуговыми фонарями, было совершенно пусто. На самом причале и вокруг него длинными рядами стояли большущие морские контейнеры. Каждый длиной метров десять, шириной — метра четыре, а высотой около трех метров. Коршун гадал, что в них может находиться. «Только не машины. Наверно, запасные части или что-то подобное», — решил он.

Слик ткнул его в плечо костяшками пальцев и указал на Лезвие Ножа, который уже повел группу к воде. Раннеры прятались от охранников за расставленными контейнерами. Потирая плечо, Коршун последовал за ними.

Участок, называемый «причал номер 42» в действительности представлял собой два причала, тянувшихся на запад. Они

казались новей, чем те, что расположены дальше к северу. Коршун подумал, что эти причалы сильно пострадали, когда залив Эллиот загорелся три года назад (вот чудеса загрязнения воды!), и их отстроили заново. На каждом причале стояло по портовому крану — огромные, выкрашенные в красный цвет махины, которые, наверное, были способны поднять небольшой дом.

Лезвие Ножа остановился на открытом месте между двумя рядами контейнеров. Он осматривался — видимо, прикидывал дистанцию и угол прицела. Через какое-то время Лезвие кивнул:

— Мы на месте.

Оглядевшись, Коршун признал: раннер выбрал хорошее место для встречи. Или для засады. Открытый участок представлял собой почти идеальный квадрат размером примерно пятнадцать на пятнадцать метров, к нему вели четыре прохода между составленными вплотную контейнерами.

«Как местный раннер узнает, где именно произойдет встреча? — подумал Коршун. — Ну, уж эту проблему Лезвие Ножа наверняка решил. Наверное, велел оркам нацарапать знаки-указатели на контейнерах».

Лезвие Ножа показал Вэну на кран, возвышающийся над открытым участком:

— Подходит для обзора?

Баюкая свою снайперскую винтовку, как ребенка, Вэн взглянул на кран, потом кивнул:

— Я заберусь вон на тот трап, он даст мне укрытие и круговой обзор.

Прищурив глаза, Вэн оценил расстояние.

— Метров шестьдесят до земли, — улыбнулся он. — На таком удалении можешь заказать волосок на брови, в который надо попасть.

Лезвие Ножа хлопнул его по плечу.

— Наблюдайте за всем периметром, но скрытно, — приказал он оркам. — Позволяйте войти всем, но смотрите за ними в оба. Если я каркну три раза… — Он поднял свой микропередатчик и нажал кнопку. Передатчики у всех остальных отозвались зуммером. — То уничтожьте всех, кого заметили. Понятно?

Предводитель «быстрых ребят» кивнул.

— Нет проблем, — медленно проговорил он. — Мы с мальчиками проделывали такое не раз. — Он махнул своим приятелям и пролаял что-то нечленораздельное, — как понял Коршун, на каком-то уголовном жаргоне.

Пока орки растворялись в темноте, Лезвие Ножа указал на контейнер, стоящий в южной части открытой площадки.

— Бенбо и я будем ждать наверху. Когда сообщат, что наш гость прибыл, мы подойдем к нему. — Он похлопал по передатчику, который теперь был пристегнут к его поясу, — Я оставлю включенным один из каналов, чтобы вы могли все слышать.

— А как же я и *этот?* — спросил Слик, злобно уставившись на Коршуна.

— Туда. — Лезвие Ножа указал на другой контейнер, в северной части площадки, предназначенной для встречи. («Зона убийства», — тревожно подумал Коршун.) — Ложитесь на крышу контейнера и просто ждите. Как появится этот придурок, ты знаешь, что делать, Слик.

Индеец ухмыльнулся так, что Коршун похолодел.

— Да, я знаю, что делать. — Он снова ткнул Коршуна в плечо. — Слышал, что сказано? Давай двигай.

Он поправил ремень автомата и направился к месту, которое указал Лезвие Ножа.

Поднимаясь по лестнице, приваренной к внешней стороне контейнера, Коршун заметил, что орки уже исчезли, освободив площадку. Вэн карабкался по трапу к своей огневой точке, а Бенбо и Лезвие Ножа в последний раз проверяли площадку перед тем, как занять свои места.

Все происходящее Коршуну не нравилось, и он был уверен: будь здесь Ночной Бродяга, тот настоял бы на честной встрече. Но Коршун — не Ночной Бродяга. Любое возражение — и его тут же отправят на тот свет.

Вздохнув, он перевалился на крышу контейнера и занял свое место рядом со Сликом. Засунув руку в карман, юноша ощутил успокаивающее прикосновение своего «фичетти». (Как ни странно, раннеры не спросили, есть ли у него оружие, а он не собирался распространяться на эту тему.) Холодный металлический контейнер отбирал то немногое тепло, которое еще оставалось в теле Коршуна. Он постарался занять удобное положение и приготовился ждать.

Но долго ждать не пришлось. Без двадцати четыре он услышал сигнал.

— Они здесь, — прошептал Слик, — объект и двое для прикрытия. Идут с востока.

— Двое? — спросил скептически Лезвие Ножа. — И это все?

— Других мы не видели, — подтвердил еще кто-то, видимо, главарь орков.

— Никто не мог просочиться?

— Мы свое дело знаем, командир хренов! — огрызнулся орк.

— Проверьте периметр, — настаивал Лезвие Ножа.

Какое-то время орк молчал. Коршун уже решил, что тот откажется выполнять приказ раннера. Но через две секунды орк все же прорычал:

— Ладно. Парни, отзовитесь. Точка один?

— Порядок.

— Два?

— Норма.

— Три? Молчание.

— Три? — снова потребовал орк.

Слик беспокойно зашевелился и снял с предохранителя свой АК-97.[13]

— Точка три? — В голосе орка чувствовалась напряженность.

— Здесь, — прошептал кто-то в приемнике. — Чертова рация подводит.

Коршун услышал, как предводитель орков фыркнул.

— Точка четыре?

— Порядок, — откликнулся последний голос.

— Периметр подтвержден! — заключил предводитель орков. — У нас по-прежнему только двое из поддержки. «Бритвенные» мальчики, оба. Продолжают двигаться с севера. Погодите. — На минуту воцарилось молчание, потом орк снова заговорил: — Местный парень идет один. Двое из поддержки разделяются и ищут укрытие.

— Они могут заметить твоих людей? — спросил Лезвие Ножа.

Орк резко рассмеялся.

— Если заметят — это будет последнее, что они увидят в своей жизни!

Раздался голос Вэна:

— Вижу объект. Он в тридцати метрах, медленно приближается.

— Вооружен? — требовательно спросил Лезвие Ножа.

— Тяжелого оружия нет, — ответил снайпер. — Только легкое. Я могу сейчас его подстрелить…

— Информация может быть где-нибудь спрятана, — ответил Лезвие Ножа. — Я дам тебе сигнал. Ладно, парни, — голос раннера стал немного громче, — пора. Оставляю включенным канал связи.

Коршун увидел, как с крыши контейнера напротив спрыгнули две темные фигуры. Это были Лезвие Ножа, который снял свою броню, и защищенный броней Бенбо. Оружия у них видно не было, хотя наверняка оно было спрятано где-то под одеждой. Вообще-то в нем не было особой нужды — хватало снайпера Вэна и Слика с его автоматом. Лезвие Ножа и Бенбо расположились

около юго-западного угла открытой площадки, лицом к проходу, по которому должен был идти местный раннер. При этом они находились далеко от линии огня Слика.

Местный раннер появился в зоне убийства, остановился и спокойно осмотрелся. Коршун изумленно вытаращил глаза.

«Она прекрасна», — подумал он. Женщина была высокой и гибкой, с темными вьющимися волосами. Одежда подчеркивала линии ее прелестной фигуры. «Как воинственный дух», — подумал Коршун. Он жалел, что из-за плохого освещения не может разглядеть ее лицо. У нее, наверное, оливковая кожа и, похоже, высокие скулы, но Коршун не мог сказать это наверняка.

«Какая разница, — виновато и печально подумал он. — Мало чего останется от ее лица после того, как Вэн всадит в него пулю». Мысленно он представил, как снайпер осторожно наводит перекрестие прицела на голову женщины.

Вожак индейцев выступил вперед и остановился в десяти метрах от женщины. Бенбо отстал от него на шаг и сместился вправо. Тяжелая броня придавала ему гротескный вид по сравнению с худенькой гостьей.

— Я — Лезвие Ножа. — Коршун слышал эти слова сразу с двух сторон: из приемника Слика и непосредственно из «зоны убийства». Наложение звуков создавало какой-то эффект нереальности происходящего.

Женщина кивнула.

— Слай, — представилась она. — Мне передали, что со мной хотят поговорить.

— Нам передали, что у тебя есть кое-что для нас, — ответил Лезвие Ножа. — Мы совершили вылазку против «Яматецу», но впустую. Кто-то другой завладел информацией. По слухам, она у тебя. Это так?

Женщина пожала плечами. Коршуну показалось, что она улыбается.

— Это мое дело.

Лезвие Ножа согласно кивнул.

— Да, твое дело. Нам она не требуется. Мы просто хотим убедиться, что ею правильно воспользуются. В противном случае может обрушиться небо. Тебе это известно.

Слай помолчала, взвешивая каждое слово, сказанное индейцем.

— Может быть, — наконец согласилась она. — Как вы планируете ею распорядиться?

— Нет, нет, — покачал головой Лезвие Ножа. — Сначала я должен убедиться, что говорю с тем, с кем следует. Информация при тебе?

Коршун почувствовал, как напрягся Слик, заметил, как тот перехватил оружие. Он представил себе целящегося Вэна, как тот все сильнее нажимает на курок.

Слай набрала в легкие воздух, чтобы ответить.

И тогда небо обрушилось.

Что-то ударило Бенбо в грудь, пронзило броню, как будто ее вовсе не было, и вырвало большую часть спины индейского самурая. Раскинув руки, Бенбо крутанулся на месте, его голова свободно болталась на ниточке — у Бенбо теперь не было позвоночника. Одно ужасное мгновение Коршун глядел прямо сквозь его грудь, через зияющее отверстие, края которого лизали маленькие язычки пламени. Самурай упал на землю. «Чудеса, — подумал Коршун. — Чудеса, и больше ничего!»

— Проклятье! — крикнула Слай, рванулась назад и в сторону, забилась под прикрытие грузового контейнера.

Лезвие Ножа зарычал. Будто из воздуха, в его руке появился пистолет. Он поднял его и навел на Слай.

Что-то попало ему в живот, и Лезвие Ножа упал на землю. Что-то с грохотом врезалось в стоящий за ним контейнер и вырвало в толстом металле дыру размером с кулак. Что, черт возьми, *это* было?

Коршун услышал где-то наверху хлопок. Это вступал в игру Вэн со своей снайперской винтовкой. Пуля рикошетом отскочила от контейнера и чуть не задела Слай. Она перекатилась на бок и попыталась поднять неожиданно появившееся в ее руке оружие. Прежде чем ей это удалось, вторая пуля снайпера задела ее руку, и пистолет отлетел прочь.

Тут раздалась автоматная очередь и высекла белые и голубые искры из трапа на том кране, где устроился Вэн. Коршун услышал крик и увидел, как снайперская винтовка упала с крана и исчезла среди контейнеров.

Мертвую тишину вдруг сменили грохот выстрелов и взрывы. Небо прочертила желтая очередь трассирующих пуль. Наверно, стрелявшего зацепила пуля, и, умирая, он рефлекторно выпустил очередь. В возникшем хаосе невозможно было понять, кто стреляет и откуда, но, несомненно, пятеро «быстрых ребят» и двое парней, прибывших вместе со Слай, — капля в море по сравнению с силами противника.

Коршун снова посмотрел вниз, на «зону убийства». Там было пусто, если не считать того, что осталось от Бенбо. Он знал, что рана Слай не смертельна и, вероятно, Лезвие Ножа выжил после своего ранения.

Рядом раздалось рычание, и Коршун обернулся. Конечно, это был Слик, с искаженным от злобы лицом.

— Ты нас продал! — прорычал он. — Сейчас ты сдохнешь, подонок! — Слик начал медленно, будто желая продлить удовольствие, поднимать свое оружие.

Слишком медленно. Коршун панически вскрикнул и выхватил из кармана «фичетти».

Увидев пистолет, Слик хотел выстрелить, но не успел. Коршун заметил, как его глаза вылезли из орбит, когда лоб Слика оказался на лазерном прицеле «фичетти». А потом его лицо просто распалось, а Коршун раз за разом нажимал на курок.

До чего же противно!.. Коршун отвернулся от того, что осталось от лица Слика.

Откуда-то в контейнер полетели пули, и он зазвенел, как гонг. Видимо, даже негромкие выстрелы его пистолета привлекли чье-то внимание.

Коршун откатился было к дальней стороне контейнера, но взглянул на пистолет. «Фичетти», конечно, удобное оружие, этот пистолет уже дважды спас ему жизнь. Но в сравнении с *тем* — чудом, винтовкой, артиллерией или чем там еще, что пробило дыру в груди защищенного тяжелой броней Бенбо, пистолет походил на трубочку для стрельбы горохом. А Коршуну требовалась большая огневая мощь.

Он быстро вернулся и вырвал автомат из безжизненных пальцев Слика. Даже такая близость к трупу вызвала у него новый приступ тошноты. Но ему нужно было это оружие. Он проверил, снят ли предохранитель, и щелкнул затвором. На этом его навыки обращения с автоматическим оружием практически исчерпывались. К счастью, автомат был последней модели, с цифровым счетчиком боеприпасов. Счетчик показывал двадцать два. Коршун засунул «фичетти» обратно в карман, перебросил ремень автомата на правое плечо и пополз к другому краю контейнера.

Здесь тоже была лестница. На полпути вниз ствол автомата ударился о контейнер, и Коршун напрягся в ожидании выстрела. Однако в него не стреляли. Когда до земли оставалось метра два, юноша прыгнул.

Конечно же, он забыл о своей поврежденной ноге. Приземлившись, Коршун взвыл от боли. Проклиная все на свете, он снял с плеча свой автомат и осмотрелся.

Пространство между контейнерами тонуло в темноте. И, слава духам и тотемам, тут никого не было. «Что делать дальше?» — подумал Коршун.

Ответ подсказала длинная автоматная очередь, и вслед за ней — крик боли. *Нужно попросту уносить отсюда ноги!* Коршун снова осмотрелся. «Ладно, — подумал он, — кран находится к

западу от меня, значит, выход *там».* Прихрамывая, Коршун побежал по направлению к крану и резко свернул направо у ближайшего прохода.

И тут же остановился как вкопанный. В нескольких метрах от него оказалась Слай — женщина-раннер. Когда Коршун выскочил из-за угла, она приняла боевую стойку. Слай обеими руками уверенно держала огромный пистолет и целилась Коршуну прямо в сердце.

ГЛАВА 13

14 ноября 2053 года, 03.56

«Еще один индеец, — подумала Слай. — Из той же банды? Возможно. Меньше ростом, чем остальные, но вооружен чертовым АК-97». Слай нажала на курок. Лазерная точка заплясала на груди врага.

Он даже не попытался направить на нее свой автомат. Индеец поднял руки, словно защищаясь.

— Нет! — еле слышно произнес он.

Слай нажала на курок чуть сильнее. Еще секунда — и пуля будет у него в сердце.

И тогда она поняла, что перед нею ребенок.

Лет шестнадцати, не старше. Но достаточно взрослый, чтобы таскать автомат, — ах ты, убийца…

Но он даже не целился в нее. Палец Слай замер на курке. Если он попытается навести на нее свой автомат, она выстрелит первой…

— Нет… — Юноша всхлипнул.

Слай растерялась.

— Брось оружие! — крикнула она. — Сейчас же брось!

Автомат с грохотом упал на землю. В глазах юноши Слай увидела ужас, замешательство и множество других чувств.

Он не профессионал — да может ли быть такое?! И этот щенок, который вот-вот наложит в штаны от страха — в одной компании с теми хладнокровными индейцами-профессионалами. И с тем снайпером на кране — тоже. Чего ради опытные раннеры взяли с собой на дело зеленого юнца?

Дьявол! Что ей теперь делать? Как поступают с пленными во время огневого боя? Черт возьми, такого с ней никогда еще не случалось. Когда в воздухе свистит свинец, убивай врагов и уноси ноги. Любой, кто тебе не друг, тот мишень — все просто и ясно.

Но Слай не могла заставить себя прикончить этого мальчишку. Если бы он попытался шевельнуться — тогда другое дело, но он стоял, покорно ждал смерти и хныкал, как маленький.

Но не оставлять же его тут! Он же всадит ей пулю в голову, как только она отвернется. Черт!

Слай знала: Модал убил бы этого сосунка на месте — просто на всякий случай. Это был бы единственный логически правильный выход, а фиолетовые пилюли напрочь перекрыли бы Модалу все ненужные эмоции.

«Но я же не Модал», — подумала Слай.

— Руки за голову! — крикнула она. — Быстро!

Парнишка послушно сплел пальцы на затылке. В его глазах стояла мольба.

— Повернись, — приказала Слай, и он немедленно повиновался. — Посмотришь назад — убью. Двинешь руками — убью. А теперь — *вперед!*

Мальчишка покорно двинулся вдоль контейнеров. Слай заметила, что он хромает на левую ногу. Только сейчас Слай почувствовала, что у нее самой колено горит как в огне. Прекрасно! Двое калек. Она продолжала держать парня на мушке, точка лазерного прицела светилась у него на затылке. Слай держалась метрах в трех позади него. На таком расстоянии она успела бы выпустить несколько пуль, если щенок обернется и попытается прыгнуть на нее. Она подошла к брошенному автомату, присела и подхватила его левой рукой, не спуская глаз со своего пленника. Быстрым движением Слай затолкала свой «ворхоук» в карман и пристроила автомат на бедре. У него тоже был лазерный прицел. Световое пятно плясало по спине молодого индейца. Тяжелый автомат придавал Слай уверенности в себе. Колено сильно болело, а рана в левом предплечье, полученная от снайпера, горела и кровоточила. Но может, с этим автоматом она выберется из переделки. «Будем надеяться», — подумала Слай.

— Не останавливаться! — приказала она, но через несколько шагов крикнула: — Стой! — Мальчишка замер; он не обернулся, не переместил руки даже на миллиметр.

— Давай налево, — скомандовала Слай, — и двигайся быстрее.

Он послушно прибавил шагу, но захромал сильнее. Слай поняла, что ему очень больно, однако он не издал ни звука. Слай шла за ним, держась в трех метрах позади.

Перестрелка продолжалась. Слай слышала, что со всех сторон трещат автоматные очереди, но звуки раздавались достаточно далеко и пока можно было не беспокоиться. Пока. Судя по всему, стреляли из автоматов или легких карабинов. Бронированная куртка. Слай надежно защищала от автоматных пуль, но как быть с этим ужасным оружием, которое буквально разорвало того индейца? Что же это было? И насколько оно мобильно? Может быть, в эту минуту его владелец уже поджидает ее? Слай почувствовала, как у нее напряглись мышцы спины и живота.

— Быстрее! — опять скомандовала Слай.

Юноша безмолвно повиновался; хромая, он перешел на бег. Прицельное пятно автоматного лазера прыгало, но ни на мгновение не покидало его спины.

Еще один проход между контейнерами. Если Слай все правильно запомнила, место, где они с Модалом условились

встретиться, было слева. Там ли Модал? Или его уже убили и она осталась одна? В любом случае гадание ничего не даст. Раз есть план, нужно придерживаться его до конца.

— Налево! — бросила Слай.

Новый проход оказался уже и темней. Они удалялись от дуговых ламп, освещавших район причалов. Контейнеры не были составлены вплотную друг к другу, как возле портовых кранов. Значит, между ними могли прятаться стрелки. Слай осмотрелась по сторонам, но это ничего не дало. Темнота была непроницаемой. Она узнает о стрелке, только когда в нее попадут первые пули.

— Быстрее! — крикнула Слай. Где, черт возьми, Модал?

Лазер полоснул по ее глазам. Она мгновенно направила в сторону источника свой автомат, хотя и понимала, что не поспеет вовремя, и напряглась, ожидая пулю, которая врежется в ее голову.

Удара не последовало. Слай нажала на курок.

— Это я. — Голос эльфа послышался откуда-то слева.

Свет лазера погас. Она отпустила курок и опустила ствол автомата.

Из темноты выступил Модал. В левой руке он держал свой «арес предатор». В его правой руке был автомат «инграм» с глушителем.

— А это еще кто? — кивнул он на Коршуна.

— Пленник, — ответила Слай.

По тому, как скривилось его лицо, Слай поняла: Модал сейчас убьет мальчишку.

— Мы возьмем его с собой. — Она говорила нарочито твердо, тоном, исключающим возражения. — Возможно, он нам расскажет, что произошло.

— Я тебе расскажу, — произнес эльф. — Это настоящее побоище, вот что это. По периметру было четверо бандитов. Я убрал одного и одолжил его передатчик. Теперь они дерутся с кем-то другим. Одна группа, может быть, даже две. Похоже, это силы безопасности какой-то корпорации.

Он умолк. Однако Слай не терпелось кое-что узнать.

— Может быть, он что-нибудь скажет дельное? — предположила она и мотнула головой в сторону паренька. Тот стоял как окаменевший, и все мышцы его тела были напряжены, пока эти двое решали его судьбу.

Модал обдумал это предложение и кивнул:

— Ты права.

— Где Монгус и Снейк?

— Я видел, как упал Снейк. Он мертв. Монгус? — Эльф пожал

плечами.

— Тогда просто надо удирать отсюда к чертовой матери, — сказала Слай. — Мне кажется, что встреча окончилась.

Она вытащила пластырь и наложила его на свою рану на левом предплечье. Как всегда, пластырь сначала жег. Потом жжение прекратилось, пульсирующая боль утихла. «Что за чудо эти пластыри», — подумала Слай. Она уже чувствовала знакомый привкус оливок во рту по мере того, как лекарство из пластыря переходило в ее кровь, обезболивало, взбадривало и заживляло рану. Слай ненавидела этот привкус, но с годами привыкла к нему.

Они находились в тени виадука, где-то близ Университетской улицы. От причала и места сорванной встречи их отделяла улица. Это было слабое утешение — Слай знала, что за нею охотятся везде, но здесь было спокойнее.

Она взглянула на часы — с назначенного времени встречи прошло всего двадцать минут. «Ничего себе, деловое утречко!» — подумала Слай.

Модал сидел на корточках рядом с ней. Парнишка, на котором благодаря заботам эльфа красовались пластиковые веревки, сжался около бетонного столба в нескольких метрах от них. Модал рассматривал «фичетти», который вынул из кармана паренька.

— Неплохая машинка для уличного ничтожества! — бросил он Слай, отправляя пистолет в собственный карман.

Она понимала: это значит, мальчишка вовсе не так безобиден, как кажется, но решила не обращать на это внимания. Впервые после того, как они достигли виадука, Слай заговорила с *пленником,* а не о *нем.*

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Деннис Корн, — ответил тот, — Коршун.

Слай окинула взглядом его кожаную куртку. Опознавательных знаков нет, но Слай была уверена: он должен принадлежать к какой-нибудь банде.

— С кем ты водишься?

— «Первая нация», — пробормотал он.

Все сходилось. «Первая нация» — это захудалая индейская банда, ее территория у доков, близ Королевского купола. Но как парень оказался на этом причале? Отправился по делам банды и просто наткнулся на засаду?

— Что ты делал на причале? И откуда у тебя это? — Она похлопала по лежащему у нее на коленях автомату.

Он посмотрел ей прямо в глаза. Испуг прошел, теперь в них светилась мысль. Он думал, что именно может ей рассказать.

— Лучше не ври мне, — тихо сказала Слай. — Помни: тебе неизвестно, сколько я знаю. Если ты будешь врать, я могу решить, что Модал прав насчет того, как следует поступать с пленниками.

Подыгрывая ей, Модал оскалил зубы в хищной усмешке.

Хороший полицейский, плохой полицейский. Это всегда срабатывало. Слай заметила, что во взгляде Коршуна исчезли следы замешательства.

— Что ты там делал? — повторила Слай.

— Я пришел вместе с ними, индейскими раннерами, — пробормотал Коршун.

Модал выразительно посмотрел на Слай.

«Все-таки он *действительно* враг», — подумала Слай. Она заметила, как Модал положил палец на курок принадлежавшего пареньку «фичетти».

Коршун продолжал:

— Я обнаружил, что это подставка. Ее и не планировали как встречу — с самого начала это была засада. Но я ничего не мог сделать: они бы убили меня.

— Подожди, — сказала Слай, обращаясь больше к Модалу, чем к пареньку, и Модал, недовольный, опустил пистолет. — Скажи честно: что у тебя общего с индейцами, которые подставили меня?

Коршун начал свой невероятный рассказ о встрече с раненым индейцем — как он помог тому увидеться с приятелями. А когда раннер загнулся, паренек присоединился к остальным, чтобы убедиться в исполнении последней воли погибшего друга.

Модал поймал взгляд Слай и покачал головой. Рассказ не вызывал доверия. Люди не ввязываются в серьезные дела только потому, что какой-то незнакомец умирает у них на руках.

Нет, может, и правда. *Молоденькие парнишки* — с них все станется.

Парнишки, которые знают о теневых вылазках только по тридеофильмам. Слай снова посмотрела Коршуну в глаза и решила, что тот говорит правду.

Юноша еще не закончил.

— Встреча с самого начала планировалась как засада, — повторил он. — Потом началась вся эта катавасия, и мой «телохранитель» решил, что это я их предал. Он собирался меня убить. Но я выстрелил первым и забрал его автомат. Потом я хотел просто исчезнуть. Я направлялся к забору, когда встретил тебя.

«Это тоже сходится», — подумала Слай. С самого начала было видно, что он неуверенно обращался с АК, как будто подобрал его несколько секунд назад.

— Так что же произошло, когда встреча провалилась? — спросила она.

Коршун пожал плечами:

— Прежде всего что-то выбило потроха у Бенбо.

«Это, наверно, тот одетый в тяжелую броню бандит, который охранял вожака», — подумала Слай.

— Слик думал, это ты стреляла, но я видел твое лицо. Ты удивилась, как и все остальные… — Он запнулся, а потом спросил: — Что это было? Магия?

— Кажется, я знаю, — произнес Модал. — Слай, ты когда-нибудь слышала о «баррет»?

Она подумала и покачала головой.

— Старинная штуковина, — продолжал эльф. — Наверное, из восьмидесятых или девяностых годов. Это великолепная снайперская винтовка. *Здоровенная* штуковина. Конечно, не автоматическая, но стреляет зарядами пятидесятого калибра. Проклятыми *пулеметными* зарядами пятидесятого калибра, дружище. Ей подходят любые боеприпасы — шариковые, трассирующие, взрывные, со смещенным центром, белый фосфор, и эта чертова винтовка — точного боя. Хороший снайпер может сделать из нее три выстрела еще до того, как первая пуля попадет в цель.

Слай вспомнила зияющую дыру в груди индейца и вздрогнула:

— Заряды пятидесятого калибра…

— Не думаю, что это были разрывные пули, — уточнил Модал, — больше похоже на бронебойные с наконечниками из урана. Абсолютный бронебойный заряд. Когда пуля врезается во что-нибудь твердое, выделяется кинетическая энергия и приводит уран в активное состояние. Начинается цепная реакция, уран горит при температуре свыше 2000 градусов по Цельсию. — Он отвратительно усмехнулся. — По-моему, более чем достаточно, чтобы испортить настроение любому.

Слай мысленно представила себе, как огненный шар прожигает насквозь грудь индейца.

— Да, это серьезная штука, — пробормотала она. Сделав над собой усилие, она снова переключила свое внимание на Коршуна. — Так кто перебил твоих приятелей?

— Они не были моими приятелями, — тихо поправил он Слай и добавил: — Я не знаю.

— Команды корпораций, — вставил Модал. — Я тебе уже говорил.

— Вернемся к индейцам, — сказала Слай. — Они тебе не рассказывали, почему охотятся за мной?

— А как же! — Коршун энергично закивал. — Ночной Бродяга мне рассказывал об утраченных технологиях.

Слай и Модал быстро переглянулись. Она собралась с духом и задала следующий, *ключевой* вопрос.

— А он не говорил, какая именно технология?

— А как же! — повторил юноша. — Волоконная оптика.

Слай, потрясенная, молча смотрела на него. «Не удивительно, что корпорации собираются начать войну, — подумала она. — Ведь это доступ к каналам связи конкурента, которые, как он считает, надежно защищены. Более того, можно будет *управлять* потоками данных».

Слай знала, как широко распространена оптико-волоконная связь. Она применялась *всюду*. В локальных коммуникационных сетях, в Матрице. В закрытых каналах правительственной связи и линиях связи корпораций. Все считали, что несанкционированный доступ к таким каналам невозможен. Оптическое волокно использовалось даже в *военных* каналах связи, потому что на него не действовал электромагнитный импульс при ядерном взрыве в верхних слоях атмосферы.

Сколько же триллионов нуен вложено в эту сверхнадежную технологию? У мегакорпораций и правительств не было никакой возможности перейти на другое средство связи — по крайней мере, быстро перейти. А пока то да се, обладатель новой технологии сможет контролировать *буквально все* каналы связи конкурента. Да, корпорации пойдут на что угодно, лишь бы заполучить такое преимущество или обогнать конкурента, — даже на войну!

Она взглянула на Модала. По его глазам Слай видела, что он тоже осознал всю грандиозность возможных последствий.

— Господи! — выдохнул Модал. — Шерон Луиза…

— Я знаю. — Минуту она смотрела на Коршуна.

Тот спокойно выдержал ее взгляд.

— Я хочу работать с тобой, — сказал он наконец.

Коршун явно старался не показывать свой страх и напряжение, но это ему плохо удавалось.

Модал было фыркнул, но Слай и ухом не повела.

— Почему? — спросила она Коршуна.

— Ночной Бродяга хотел правильно распорядиться информацией, когда она к нему попадет, — объяснил тот. — Он хотел ее уничтожить, чтобы никому не досталась. Он хотел донести на использующую ее корпорацию в Корпоративный суд в «Цюрих-Орбитал». Мне кажется, у Лезвия Ножа были другие намерения, — продолжал Коршун. — Думаю, он хотел ее присвоить и использовать. Возможно, он продал бы ее тому, кто

предложил бы самую высокую цену. — Он покачал головой. — Ночной Бродяга этого не хотел.

Слай молчала.

— Информация у тебя, — тихо сказал Коршун. — Что ты собираешься с ней делать?

«Да, это вопрос», — подумала Слай. Лучше всего было бы уничтожить зашифрованный файл со всей содержащейся в нем информацией. Но для нее это не выход из положения. *Ей* будет известно, что файл уничтожен, но поверят ли в это корпорации? Она может заявить им об этом, но разве ей поверят? Как бы не так!

Слишком высокие ставки в этой игре. При малейшем подозрении, что файл не был уничтожен, что она сохранила копию, корпорации продолжат охоту. Со временем они ее схватят и замучают до смерти, прежде чем убедятся, что она сказала правду. И, даже поверив, что файл уничтожен, корпорации все равно не отстанут от нее по тем же причинам. После соответствующей «обработки» она могла бы вспомнить какие-нибудь детали о содержимом файла, которые дадут корпорациям преимущество перед конкурентами. Нет, уничтожение файла — это не выход.

— Что ты будешь делать? — снова спросил Коршун.

— Не знаю, — призналась Слай. — Пока я не нашла решения.

— Я хочу тебе помочь.

Модал снова фыркнул, и снова Слай не обратила на это внимания.

— Почему? Это же не твоя драка, — сказала она.

По выражению его лица Слай видела ответ на свой вопрос. Потому что его друг, Ночной Бродяга, хотел бы, чтобы так было. Восторженный, глупый мальчишка с башкой, набитой мусором!

Хорошо еще, что он не произнес этого вслух, а только пожал плечами.

— Потому что это важно, — медленно проговорил он. — И потому что тебе потребуется вся помощь, которую ты вообще сможешь получить.

На щеке Коршуна появилось красное пятно лазерного прицела. Это Модал поднял пистолет, чтобы снести ему голову.

— Нет, Модал, — отрывисто бросила Слай.

Он не опустил оружия, но и не нажал на курок.

— Мальчишка — обуза, Слай, — бесстрастно сказал эльф.

— Нет, я — *сокровище*. — Парнишка подчеркнул последнее слово, будто оно имело особое значение, и Слай вынуждена была с ним согласиться.

— Оставь его, — тихо приказала она Модалу. — До тех пор,

пока я не скажу иное, он с нами.

— Ты совершаешь ошибку.

— Это касается только меня.

— Нет, если из-за нее меня тоже ухлопают, — сказал Модал, однако опустил пистолет и спрятал его в карман.

Слай должна была признать, что это одно из достоинств пилюль: никакого глупого мужского «я», никаких забот о том, чтобы «сохранить лицо».

— Пошли скорей отсюда, — сказала она. — Нам нужны колеса. Модал, ты можешь добыть для нас машину?

* * *

Модал вел украденную машину по направлению к «Шератону» и ворчал, что ему пришлось бросить свой мотоцикл, но Слай понимала: он просто успокаивает ее. Возвращаться за мотоциклом было слишком рискованно. Слай подумала: «Удалось ли Монгусу выбраться с пирса? При первой возможности нужно будет позвонить Аргенту и сообщить ему о том, что произошло. И сказать ему, что по крайней мере один из его мальчиков домой не вернется».

Парнишка, назвавшийся Коршуном, сидел вместе с нею на заднем сиденье. По приказу Слай Модал развязал его, но только после того, как самым тщательным образом обыскал.

Теперь машину бросили на подземной стоянке Вашингтонского атлетического клуба, напротив «Шератона». В багажнике остался автомат. Поначалу Модал заспорил и об этом, но не смог объяснить Слай, как он собирается контрабандой пронести автомат в гостиницу. Он прекрасно знал, что детекторы у входа в «Шератон» обнаружат их легкие пистолеты, и служба безопасности просто отметит, что гости, проживающие в номерах 1203 и 1205, имеют при себе личные оборонительные устройства. Но все окажется гораздо сложнее, если электронные приборы засекут автомат.

Часы на прикроватном столике в номере 1205 показывали 04.51. Всего два часа назад они покинули гостиницу, а казалось, прошло несколько дней.

Коршун плюхнулся в кресло. При ярком свете он выглядел еще моложе, чем думала Слай. Ему, конечно, не было шестнадцати. Он казался уставшим, будто не спал несколько суток.

— Спать хочешь? — спросила Слай. — Кровать в соседнем номере свободна.

Он кивнул, а потом нерешительно спросил:

— Нет ли чего поесть?

Она посмотрела на Модала:

— Почему бы тебе не заняться едой? Закажи ужин для всех нас. А я пока позвоню.

Она видела — эльф хочет возразить, он явно продолжал считать паренька обузой, но промолчал. Он продолжал слушаться ее.

Она ушла в соседний номер, присела на кровать и позвонила Агарвалу.

Он тут же спросил:

— Ты смотрела последние известия?

— Нет.

Модал включил радио в украденной машине, но ей было не до новостей. Теперь она пыталась вспомнить основные темы выпуска. Стычки между бандами, случайное насилие на улицах… Но что это Аргент сказал? Банды к этому *не имели* отношения, а насилие не было ни случайным, ни немотивированным. Она похолодела.

— Начинается, да? — спросила она Агарвала.

Тот не дал прямого ответа, но его серьезное лицо говорило достаточно.

— Уже пять минут, — тихо сказал он, — как нет никаких новых сообщений о том, что можно считать насилием со стороны корпораций. Кроме того, в базах данных по текущим событиям все описания подобных происшествий стерты. О чем это тебе говорит, Шерон?

О многом. Слай охватил страх, но она через силу усмехнулась:

— Наверно, это не означает, что все закончилось, не так ли?

— *Мне* это говорит вот о чем, — продолжал Агарвал, будто не обращая внимания на сказанное Слай. — Правительство мегаполиса, возможно при поддержке федеральной бюрократии, распространило «извещение Д», официальный приказ о применении кляпа. Кроме того, перед тем, как ты позвонила, по всем тридео и радиоканалам передали текст обращения губернатора Шульца. — Агарвал фыркнул. — Без пяти пять утра… Я полагаю, что голос губернатора был синтезирован. Все знают, что сиятельный губернатор редко встает раньше десяти часов утра.

— Так что же сказал Шульц? — спросила Слай.

— Что всякое насилие, как со стороны банд, так и на улицах, прекратилось. Что правительство приняло меры. Что все вернулось в нормальное состояние и ни у кого из граждан Сиэтла

больше нет оснований опасаться за свою безопасность. — Он снова фыркнул. — Как будто правительство может это гарантировать при войне между корпорациями! — Он покачал головой. — Все члены правительства — лжецы. Мастера вешать лапшу на уши. Врут постоянно. *Они* знают, что *мы* это знаем, но все равно продолжают лгать. А потом разглагольствуют о своей *чести.*

Экс-декер криво усмехнулся.

— Прости мой экскурс в политику, — вздохнул он, — мне стыдно признаться, но я еще не полностью раскрыл файл.

— Думаю, это уже не столь важно, — призналась Слай. — Ты был прав, это утраченная технология. И теперь я знаю, какая именно.

Слай вкратце рассказала ему все, что узнала от Коршуна. Когда она закончила, Агарвал побледнел, вид у него был потрясенный.

— Значит, конвенция «Цюрих-Орбитал» вот-вот рухнет?

Она пожала плечами:

— Похоже, от нее всегда было мало толку. «Яматецу» продолжала работать вопреки конвенции, думаю, остальные корпорации — тоже.

— Да, да, — отмахнулся от ее аргументов Агарвал. — Но, Шерон, с конвенцией связано многое, и не только вопрос о волоконной оптике. Очень многое. Это, пожалуй, самое всеобъемлющее соглашение, когда-либо заключенное между мегакорпорациями. В конвенцию включены условия, охватывающие большую часть коммуникационных технологий. Тебе известно, что некоторые корпорации имеют собственные спутники связи? Так вот, считается, что эти космические жестянки оснащены весьма совершенными антиспутниковыми устройствами, позволяющими уничтожать средства связи конкурентов. Многие мегакорпорации продолжают исследования в области компьютерных войн и — да я уже тебе рассказывал — применяют против вычислительных систем конкурентов вирусные программы. Конечно, если бы какая-нибудь корпорация действовала в открытую, последовало бы возмездие. А это, в свою очередь, вызвало бы цепную реакцию, и вот тебе: конфликт налицо. События перешли бы на уровень, скажем, «денежного кровопролития», а такое корпорации боятся даже представить себе. В *этом* и состоит важность конвенции, Шерон, — заключил Агарвал, — чтобы предотвратить такое развитие событий. И это удавалось двадцать с лишним лет. В 2041 году размещавшаяся в Атланте корпорация «Ланри» — довольно незначительная, ее влияние ограничивалось пределами Конфедеративных

Американских Штатов — заразила конкурента в Майами специально созданным вирусом. Каким-то образом ведущие корпорации узнали об этом. В соответствии с условиями конвенции «Цюрих-Орбитал» и с санкции Корпоративного суда, мегакорпорации полностью уничтожили «Ланри». Они разрушили ее финансовую структуру. Уничтожили ее сооружения и активы. Казнили членов ее правления. В качестве наглядного урока. С тех пор никто не занимался вирусной войной.

Слай была потрясена. Ей стало так холодно, будто по комнате пронесся ледяной сквозняк.

— И корпорации действительно готовы нарушить конвенцию? — спросила она.

Агарвал кивнул.

— Корпоративный суд пытается призвать их к порядку, — пояснил он. — Как охотничьим собакам подают команду «к ноге». Для того, конечно, чтобы напомнить им о существовании Корпоративного суда и о его значении. Но как я тебе говорил в прошлый раз, корпорации игнорируют эдикты суда. Слишком велика выгода для тех, кто будет обладать призом — утраченной технологией, — и это перевешивает потенциальную опасность, связанную с нарушением конвенции. По крайней мере, так считают мегакорпорации.

Слай задумалась.

— Они уже перешли роковую черту? Кто-нибудь уже зашел так далеко, что нет возврата?

— Пока нет. Но все находятся в опасной близости к этой границе. Ситуация меняется каждую минуту.

— И ничего нельзя исправить?

— Пока мегакорпорации не вцепились друг другу в горло, можно, — ответил Агарвал.

— Да? Но как?..

Он устало посмотрел на Слай.

— Если мы предположим, что корпорации останутся на краю пропасти и не перешагнут роковую черту прежде, чем ты сможешь что-нибудь предпринять, — медленно проговорил Агарвал, — то все будет зависеть от тебя. От того, как ты распорядишься информацией, которая попала в твои руки. С моей точки зрения, у тебя есть два пути. Первый — уничтожить файл.

Это предложение Слай не удивило. Она уже обдумала такую возможность.

— Это не сработает, — сказала она Агарвалу. — Никто *не поверит,* что я уничтожила файл.

— Ты права, — согласился Агарвал.

— А второй путь?

— Раз ты не можешь сделать так, чтобы информация наверняка *ни к кому* не попала, — то сделай так, чтобы *все* ее получили, — ответил он. — Разбей ее на части и опубликуй, сделай одинаково доступной для всех мегакорпорации. Единственное, что необходимо обеспечить, — это равные для всех условия, и чтобы все *знали* о том, что они равные. Если хоть одна корпорация будет иметь преимущество, снова возникнет нестабильность. Тебе это понятно, Шерон?

Она кивнула. На первый взгляд все было правильно и просто. Но…

— Как этого добиться? — спросила Слай.

Он красноречиво развел руками:

— Если бы я знал…

— А если я с этим не справлюсь?

— Война корпораций, — решительно ответил Агарвал, — и развал мировой экономики через несколько дней после ее начала. Первые голодные бунты через неделю. Весь вопрос в том, успеют ли гражданские правительства начать военные действия прежде, чем они рухнут. Я думаю, что обмен ядерными ударами будет достаточно ограниченным…

Он продолжал что-то говорить, но Слай уже не слушала.

«Что же мне делать?» — снова и снова спрашивала она себя.

ГЛАВА 14

14 ноября 2053 года, 05.15

Коршун жадно ел, будто голодал неделю, не меньше. Он и на самом деле жутко проголодался. Эта женщина, Слай, приказала доставить в номер целые горы еды, но черный эльф — Коршун вспомнил, что его зовут Модал, — явно перестарался. Котлеты из настоящей говядины, а не соевые, салат из макарон, хлеб, сыр — да всего этого хватило бы на шестерых. Коршун оглядел гостиничный номер. Конечно, тот, кто мог позволить себе *такую* роскошь, не собирался экономить на еде.

«Мне-то что, — подумал он, — на мой счет не запишут». С этой мыслью он решительно принялся за еду.

Уничтожив котлету, два бутерброда с сыром и какие-то странные фрукты, напоминающие по форме звезды, Коршун почувствовал себя немного лучше. Модал, развалившись на кровати, наблюдал за ним. Эльф довольно быстро расправился со своей порцией и теперь потягивал пиво.

Коршун подумал, что и ему не мешало бы выпить. Он взглянул на эльфа, на бутылку в его руке, и вопросительно поднял бровь. Никакой реакции. «Он что, хочет, чтобы я от жажды умер?» — подумал Коршун. Поразмышляв, он подошел к мини-бару и выудил оттуда пиво — импортное и в настоящей стеклянной бутылке. Модал зверски оскалился, но, слава Богу, не застрелил его на месте. Коршун ловко скинул с бутылки крышку, развалился в своем кресле и сделал большой глоток.

Через несколько минут дверь в смежный номер распахнулась, и вошла Слай. Коршун слышал, как она разговаривала по телефону, но не разобрал ни слова. «Наверно, у нее плохие новости», — подумал он. Выглядела Слай скверно — сжатые губы, бледное лицо, запавшие глаза.

Модал сел и отставил в сторону свое пиво.

— Плохи дела? — проговорил он со своим странным акцентом.

Слай кивнула и устало села рядом с эльфом. Модал передал ей свою бутылку. Темноволосая женщина благодарно улыбнулась.

— Дело явно становится… как это говорится? Дело совсем швах, — ответила она. — Да, а что это означает?

— Полный провал, — объяснил эльф, — это на жаргоне здешних подростков. — Он сделал паузу. — Уже началось?

— Похоже на то, — неохотно призналась Слай, а потом стала что-то говорить о конвенции «Цюрих-Орбитал». Видимо, с этой конвенцией было связано гораздо больше, чем Ночной Бродяга

рассказал Коршуну, или даже больше, чем *знал* он сам. Коршун не понимал всех этих странных маневров и взаимных ударов корпораций, о которых рассказывала Слай, но быстро уловил *суть*. Это походило на отношения между бандами. До тех пор пока перемирие выгодно всем, существует мир. Но как только у кого-то появляется свой интерес, начинается свара. Наверное, мегакорпорации действовали по тому же принципу и теперь готовились к своей собственной войне. Коршун не понимал, почему грызня корпораций может повредить ему или этим двум раннерам, но кислое выражение их лиц говорило ему, что дело плохо. Он напомнил себе, что эти люди должны разбираться во всяких заумных делах лучше его.

— Так что же он предложил? — спросил эльф.

— Ничего конкретного, — ответила Слай. — Хорошие идеи, но никаких подсказок, что же нам *делать*.

— Если хочешь, у меня есть предложение, — сказал эльф. — Просто садись на мотоцикл и уезжай. Подайся в Карибскую Лигу или еще куда-нибудь — где больше понравится. — Он пожал плечами. — Ну хорошо, пусть у тебя не хватает денег, чтобы окончательно выйти из игры, но почему бы тебе не взять отпуск? Пусть корпорации уничтожают друг друга, так им и надо. А когда все утихнет, ты снова можешь заняться делом. Я совершенно серьезен, — заметил он, когда Слай покачала головой. — Просто скройся в сторону заката. Это лучше, чем быть убитой. А этим и кончится, если ты будешь здесь околачиваться; ты это сама понимаешь, Слай. Путешествуй налегке, избавься от всех хвостов, — эльф многозначительно взглянул на Коршуна, и тот прекрасно понял, к чему он клонит, — и *мотай* отсюда.

Слай задумалась. Коршун следил за выражением ее глаз и почти угадывал ход ее мыслей. Она обдумывала предложение Модала.

— Может быть… — тихо проговорила Слай. Кто-то постучал в дверь.

— Обслуживание, — послышался чей-то приглушенный голос.

В руках у Слай и Модала, как по волшебству, оказалось оружие, но, услышав за дверью спокойный голос, они оба расслабились.

— Наверное, за тарелками пришли, — сказал Модал.

Он вложил свой пистолет обратно в кобуру, плавно поднялся и направился к двери.

Опасность!

Кто это сказал? Коршун оглянулся, пытаясь понять, в чем дело. Он же четко слышал, как кто-то сказал: «Опасность!»

Но это не был голос женщины, и это не был голос эльфа. Больше похоже на…

Его собственный голос? По спине Коршуна пробежали ледяные мурашки.

Модал был уже почти у самой двери.

На какое-то мгновение Коршун услышал звуки выстрелов и крики. Но остальные никак не отреагировали, и он понял, что это — плод его фантазии.

Модал протянул руку к дверной ручке.

— *Нет.* — крикнул Коршун.

Эльф застыл и уставился на него.

— Нет, — повторил Коршун, — не открывай. Там засада.

И только после того, как он произнес это, Коршун понял, что так оно и есть.

— Да-а? — презрительно процедил эльф. — И как же ты об этом узнал, а?

Коршун не мог объяснить, просто он *знал,* и все. В дверь снова постучали, на этот раз резко и требовательно.

Но теперь вслед за стуком послышался и другой звук — резкий металлический щелчок. Сначала Коршун решил, что и это ему показалось, но увидел, как напрягся Модал.

— Дьявол! Похоже, он прав!

Массивный пистолет снова очутился в руке эльфа. Модал огляделся, очевидно оценивая ситуацию.

— Быстро в ту комнату! — тихо приказал он.

Коршун бросился к двери, соединяющей два номера, за ним скользнули Слай и Модал. Эльф прикрыл дверь, оставив крошечную щелку. Оба раннера держали оружие наизготове. Коршун почувствовал себя беззащитным и уязвимым, он мечтал о своем «фичетти» или даже о старом самопале. *Дайте мне что-нибудь!*

— Им известно, что у нас два номера? — спросила Слай.

Модал пожал плечами:

— Через минуту узнаем. — Он прислонился спиной к стене, разделяющей комнаты, чтобы наблюдать за входной дверью и одновременно видеть, что делается в соседнем номере. Послышались металлические щелчки — Слай и Модал сняли свои пистолеты с предохранителей и застыли в ожидании.

Ждать пришлось недолго. Еще один резкий стук в дверь. Несколько мгновений тишины.

И начался ад кромешный. Что-то вышибло дверь, сорвало ее с петель. Коршун слышал ослабленные глушителями выстрелы, а потом от взрыва посыпалась штукатурка. Господи! Граната!

Снова тишина. В соседнем номере нападавшие должны были

понять, что комната пуста и дичи в ней нет. Как они отреагируют?

Слай и Модал не дали им опомниться.

— Прикрой, — прошептала женщина и бросилась к двери, ведущей в коридор.

Модал кивнул и боком скользнул к двери в соседний номер. Коршун понял их план. Слай ударит по нападавшим с тыла, из коридора, а Модал спереди. Пусть они поплатятся за свою ошибку, за то, что не знали о двух номерах.

«Но что же, черт возьми, делать *мне?* — ошарашенно подумал Коршун. — У меня ведь даже ножа нет…»

Слай тем временем бесшумно открыла дверь и выскользнула в коридор. Мгновение спустя Коршун услышал грохот ее тяжелого пистолета.

В ту же секунду Модал ударил ногой в дверь, соединяющую оба номера, и с нечеловеческой быстротой бросился в проем. Пистолет в его руке уже стрелял напропалую. Коршун услышал предсмертный крик, который перешел в стон, а потом в бульканье. Один готов.

Автоматная очередь вгрызлась в дверную раму, однако Модала в проеме уже не было. Обостренные рефлексы заставили его броситься в сторону, под прикрытие тяжелого кресла. Модал снова выстрелил, и снова раздались крики. Потом эльф выскочил из комнаты и скрылся в коридоре.

Перестрелка продолжалась, но Коршун ничем не мог помочь раннерам. Шальная очередь прошила стенку между комнатами и разбила тридеоустановку. Коршун бросился на пол и пополз к двери в соседний номер. Не оставаться же в неведении, даже если это будет стоить ему жизни! Он осторожно заглянул в дверной проем.

Номер 1205 выглядел так, будто здесь снимали жуткий триллер о войне. Граната разворотила все, что было возможно. Там, где горячая шрапнель вгрызлась в горючий пластик, тлели маленькие огоньки, а Модал и остальные успешно расправились с вещами, уцелевшими после взрыва. Возле двери лежал один из нападавших. Мертвый, конечно. Наверное, его одежда — похоже, униформа корпорации высокого полета — была бронирована, но от этого оказалось мало проку. Пули Модала почти снесли бедолаге голову. Пальцы трупа еще сжимали крошечный автоматический пистолет. В номере валялись еще три тела, конечно изуродованные, — двое мужчин и одна женщина, все в той же униформе корпорации. Повсюду кровь, куски плоти, и запах, как на бойне. Коршун с трудом сглотнул, борясь с приступом тошноты.

Модал стоял в дверях и стрелял в коридор. «Наверное, добивает отставших», — решил Коршун.

Зубы эльфа оскалились в улыбке, выражавшей нечеловеческое удовольствие. «Сейчас он и меня прихлопнет, — испугался Коршун. — Он считает, что я — обуза, не раз об этом говорил. Хочет от меня избавиться. А сейчас — самый подходящий момент. Один выстрел — и все, а потом он скажет женщине, что я налетел на шальную пулю. И нет больше обузы. Нет больше никакого Денниса Корна».

Он увидел на полу автоматический пистолет. Кто-то выронил — за секунду до того, как стал трупом.

«А может, и наоборот, — мелькнула злобная мысль. — Я убью его раньше, чем он меня, и свалю вину на нападавших».

Да, но надо действовать *быстро.* Звуки перестрелки в коридоре затихали. Коршун поднял пистолет и прицелился в спину эльфа. Он почти уже нажал на курок, но застыл на середине рокового движения.

Что он делает? Он же не убийца! Конечно, ему пришлось убивать — сначала того типа в парке «Денни», а потом Слика на причале. Но они оба пытались убить *его.* Это было просто самозащитой — или он, или они. А теперь? Он не мог выстрелить Модалу в спину. Не мог.

Коршун опустил пистолет.

Модал обернулся — как будто что-то почувствовал.

Юноша все еще держал обеими руками автоматический пистолет, и ствол его был направлен в пол позади эльфа.

Их глаза на мгновение встретились.

Коршун не сомневался: Модал понял, чего он только что избежал. Секунду эльф стоял неподвижно, потом его губы сложились в ироническую полуулыбку:

— Уносим ноги. И захвати с собой эту игрушку.

ГЛАВА 15

14 ноября 2053 года, 05.31

— Дьявол, кто же это был? — спросила Слай.

Они ехали в очередной краденой машине, на этот раз позаимствованной в подземном гараже «Шератона». Пришлось бежать по пожарной лестнице с двенадцатого этажа, не дожидаясь, пока служба безопасности — вероятно, многочисленная, судя по учиненному разгрому, — прибудет на место происшествия. Модал хотел взять прежнюю машину (в багажнике остались его «ингрaм» и автомат), но Слай настояла на своем: связываться с охраной в гараже Вашингтонского атлетического клуба было слишком рискованно. Кроме того, «снять» машину на шератонской стоянке оказалось очень легко. На то, чтобы вломиться туда и завести лоснящийся «сааб динамит», им потребовалась всего лишь минута. Теперь они мчались на юг, прочь от делового центра города.

— Кто? — повторила Слай.

Модал что-то вытащил из кармана и швырнул ей на колени.

— Держи, — сказал он, — прежней хозяйке это уже не понадобится.

Слай щелкнула фонариком. Это оказался бумажник из искусственной кожи — когда-то светло-коричневый, а теперь темный, испачканный кровью. Она раскрыла его и взглянула на содержимое. Лощеная копия распечатки персональных данных, водительские права, контракт с «Док вэгон», разрешение на ношение оружия и прочее барахло — все на имя Лайзы Стейнберген. «Вероятно, имя вымышленное», — подумала Слай.

А может быть, и настоящее. Она посмотрела на удостоверение личности с небольшой голограммой — невысокая рыжеволосая женщина примерно ее возраста. (Слай узнала эту женщину, вспомнила, как та осела, когда одна из пуль Модала прошила ей горло навылет.) Если имя на удостоверении настоящее, то что это значит?

Она отбросила эту мысль, чтобы вернуться к ней позже. В левом верхнем углу удостоверения находился цветной объемный индекс корпорации — стилизованная буква «Я».

— «Яматецу», — решительно произнесла Слай.

— Так и знал, что они оттуда, — заметил Модал. — Видать, рассчитывали взять нас безо всяких проблем. Тепленькими.

Слай кивнула. Иначе зачем носить с собой удостоверение на работу?

Если только это не своего рода трюк, чтобы заставить их

считать: это дело рук «Яматецу», когда на самом деле это кто-то другой…

Но все вместе как-то не увязывалось. Боссы, пославшие команду, были уверены, что налетчики накроют Слай и ее дружков. Безусловно, ее, Модала и индейца должны были или убить, или схватить. Команда корпорации действовала грамотно. Хотя они, конечно, совершили крупную ошибку — не выяснили, что у Слай и ее компании два номера. Но все равно, петля почти затянулась. И если бы не малыш…

Слай оглянулась. Коршун устроился на заднем сиденье «динамита». Погруженный в свои мысли, он не произнес ни единого слова с тех пор, как они покинули гостиницу.

Ее удивило, что он рассеянно вертит в руках пистолет — наверное, взял у кого-нибудь из мертвых налетчиков. Слай не знала, зачем Модал позволил индейцу оставить оружие. Кроме того, появилось что-то новое в их отношениях, чего она еще не понимала.

— Как ты узнал? — спросила Слай.

Коршун в испуге поднял глаза:

— Что?

— Как ты узнал? — повторила Слай. — Мы бы открыли дверь, и нам пришлось бы худо. Считай, дешево отделались. А ты знал, что это засада. Откуда?

Юноша ответил не сразу. Слай увидела, как его взгляд стал растерянным, словно парень пытался что-то вспомнить.

— Не знаю, — ответил он наконец.

— Ты что-нибудь слышал? — настаивала она. — Видел?

Коршун покачал головой, затем застыл в нерешительности.

— Ты что-то слышал? — повторила Слай.

— Я слышал… — Он запнулся.

— Что?

— Ничего. — Проницательные карие глаза Слай смущали.

Она пожала плечами.

— Ты спас нам жизнь. Спасибо. — Она отвернулась и позволила ему снова погрузиться в молчаливые размышления.

Движение на улице пока не было оживленным. Но через полчаса ситуация изменится. Хотя, чтобы использовать это преимущество, нужно знать, куда едешь.

Модал заговорил, словно подслушал ее мысли:

— Ну, что теперь?

— Не знаю, — призналась она. — Но *что-то* надо делать.

— А почему бы не то, что я предложил? — сказал эльф. — Исчезнуть из поля зрения. Смыться за границу и лечь на дно, пока дерьмо не осядет.

Это была заманчивая идея, но… Слай покачала головой:

— Не могу.

— Почему, черт побери, не можешь? — спросил он. — Из-за этой проклятой войны корпораций? — Он громко и презрительно рассмеялся. — Кто поручил тебе отвечать за весь этот чертов мир? Во всяком случае, что хорошего в том, что тебя прихлопнут?

Слай вздохнула.

— Это правда, — согласилась она, — но только часть правды. Ты говоришь, я могла бы уйти в отпуск, так? Ну, и какой же отпуск я заработала? Тебе известно, что каждая сволочная корпорация в Сиэтле — как и во всем остальном мире — хочет вышибить мне мозги? Не важно, в какую щель я забьюсь и сколько у меня денег. Какая разница, протяну я еще месяц или два. Пусть даже год! Рано или поздно удача изменит мне. — Она покачала головой. — Мне останется только *ждать,* когда меня прихлопнут.

Слай видела, что Модалу все еще хочется поспорить, но у него не нашлось логичного возражения. Минуты две он ехал молча, затем спросил:

— Ну, а что сказал этот твой пижон? Аргибарги или как там его?

— Агарвал.

— Не все ли равно?

— Сказал, что у меня есть две возможности. Первая — уничтожить файл…

— Мне эта идея нравится, — одобрил Модал.

— …и попробовать всем доказать, что я его уничтожила, — закончила Слай. — Это уже не так приятно, а?

— Ну просто до смерти тоскливо, — сдался эльф. — Как же такое докажешь? А вторая идея?

— Распространить файл, постараться, чтобы каждый получил информацию. В таком случае никто не получает выгоды. Нет нужды воевать и предлагать вознаграждение за наши головы.

Модал кивнул, обдумывая ее слова.

— Это мне больше нравится, — пробормотал он. — А твой приятель говорил, как это сделать?

Слай покачала головой.

— Может, у тебя есть идея? — спросила она и вымученно улыбнулась.

— Гм-м… — На некоторое время Модал опять замолк. — Надо постараться сделать так, чтобы все получили эту информацию одновременно, — наконец сказал он, как бы рассуждая вслух. — Если ты скажешь корпорации А до того, как скажешь корпорации Б, то уж наверняка А постарается убрать

тебя до того, как ты успеешь поговорить с кем-нибудь еще. И вот что, — задумчиво добавил он, — относительно уничтожения файла: надо, чтобы все знали, что ты это сделала. Каждая корпорация должна знать, что у всех остальных — те же данные, что и у нее. Это единственный способ убедить их, что ты не припрятала кое-что на черный день.

— Значит, я не смогу это сделать частным образом, — заключила Слай. — У меня только один вариант — сделать это открыто, публично.

— Об этом я и говорю. — Модал сделал паузу. — Ведь это и есть ответ на твой вопрос, не так ли? Тебе следует объявить об информации. Осветить ее широко, скажем, через какую-нибудь электронную доску объявлений.

— Но через какую? — спросила Слай. — Все крупные рекламные агентства прямо или косвенно принадлежат той или иной мегакорпорации. Стоит мне только дать подобную информацию — допустим, я даже сумею ее поместить, — как оператор системы тут же сцапает этот материал и сотрет из памяти мой заказ.

— А как насчет «Шедоуленд»? — спросил Модал.

«Шедоуленд». Так назывался самый известный в Северной Америке концерн, специализировавшийся на распространении черной и теневой информации. У него имелись доски объявлений, на которых помещались сообщения о разных скандальных фактах, касающихся правительств, корпораций и отдельных лиц (случалось, даже правдивые); он проводил живые конференции, на которых декеры и прочие спорили обо всем; виртуальные собрания, где декеры могли спокойно, без опаски заключать коммерческие сделки, и так далее. Правящие круги стран Северной Америки — в частности, самые закрытые, такие, как Корпоративный Совет Пуэбло и Тир Таирнгир — люто ненавидели «Шедоуленд». Сходные чувства вызывал он и у мегакорпорации. Среди раннеров постоянно ходили слухи о попытках скомпрометировать или подорвать концерн. По здравом размышлении, единственной причиной, по которой «Шедоуленд» все еще существовал, была та, что его главный информационный центр — его сердце, известное как Денверский информационный центр, располагался где-то на центральной территории Денвера. Вражда всех правительств, поделивших город в соответствии с Денверским соглашением, была настолько сильна, что ни одно из них до сих пор не попыталось отыскать и ликвидировать службу «Шедоуленд». С этой точки зрения предложение Модала имело смысл. Но…

— Но какая корпорация управляет «Шедоуленд»? — спросила

она.

— Что? — возмутился Модал. — «Шедоуленд» независим — это всем известно.

— Порой вещи, о которых всем известно, вызывают у меня подозрение, — тихо сказала Слай. — Что такое «Шедоуленд»? Он охватывает весь континент, не правда ли? Штаб-квартира расположена в Денверском информационном центре (плевать, где это), но в каждом крупном городе у него есть местные «блуждающие» службы. Не так ли?

Модал кивнул.

— И все эти службы устанавливают непосредственную связь с Денверским центром, так?

— На что это ты намекаешь? — Несмотря на наркотики, подавляющие эмоции, голос Модала звучал жестко — вопросы Слай затрагивали его убеждения. «Наверное, как раз я этим и занимаюсь», — подумала Слай.

— Никто и никогда не вскрывал эти каналы данных. Все это знают. Никто и никогда не обнаруживал связи между подвижными службами и центром; никто не разрывал их. Ни одно правительство, ни одна корпорация. — Слай чувствовала, как ее голос дрожит от напряжения — мысли, которыми она была поглощена, беспокоили ее так же, как и Модала. — Надежные источники, которых много и которые надежны… Да это требует огромных средств, какие вряд ли найдутся у кучки раннеров!

Модал ответил не сразу. Когда он заговорил, его голос, как обычно, был совершенно бесстрастным:

— О чем это ты?

— Я спрашиваю: кто управляет «Шедоуленд»? Это ведь очень выгодно для какой-нибудь мегакорпорации — тайно руководить им. Полный контроль — подумать только — над одним из крупнейших средств информации в Северной Америке. И, как знать, возможно, и в остальных частях света. Такая корпорация может управлять *всем,* что находится в тени. Она может распространять любую информацию, — или дезинформацию, — какую только захочет. Может убирать высказывания, которые наносят вред ее интересам. Манипулировать любым раннером, который хоть как-то зависит от «Шедоуленд».

Модал тихо присвистнул.

— Лихо закручено, подружка, — произнес он наконец. — И ты действительно в это веришь?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Но ведь это похоже на правду?

— Даже *слишком,* — согласился Модал.

— И даже если я ошибаюсь, — снова заговорила Слай, доводя

до логического конца свои рассуждения, — то все равно не решусь доверить «Шедоуленд» эту информацию. Пока никто не прихлопнул этот концерн — наверное, потому что затраты того не стоили. Но теперь… Ты понимаешь, о чем я?

Модал нехотя кивнул.

— А сейчас, когда идет война корпораций, я за это не поручусь. Например, допустим, что «Мицугама» первой решит просмотреть файлы, присланные в «Шедоуленд», — продолжала Слай. — Они загружают очередной файл, и… тут у них возникает самая острая заинтересованность, чтобы никто больше его не получил — *любой ценой.* Они просто разрушат «Шедоуленд». Даже если для этого им придется задействовать почти всю свою армию и снести половину Денвера. Если они будут уверены, что окажутся единственными обладателями утерянной технологии.

— Это будет не так-то просто…

— Непросто? — переспросила Слай. — «Шедоуленд» располагает серьезными ресурсами, но они не идут ни в какое сравнение с возможностями «Мицугама». А плюс еще дочерние фирмы? И всякого рода другие компании, в которые они запустили свои щупальца? Так-то.

— Ладно-ладно, — сдался эльф после того, как колеса машины отмотали еще несколько километров. — Хватит о «Шедоуленд». А как насчет правительственной системы? «Мицугама» — серьезная корпорация, но хотел бы я видеть, как она потягается с правительством ЮКАС.

— Правительства тоже хотят получить утраченную технологию.

— Да? — изумленно воскликнул Модал — насколько ему вообще были доступны какие-то эмоции.

— А почему бы нет? — Слай повторила все, что ей рассказывал Агарвал о разбросанных повсюду федеральных отрядах.

Эльф вздохнул:

— Час от часу не легче!.. Итак, с правительством не выйдет. А как насчет структур, с которыми мегакорпорации не захотели бы связываться, исходя из своих собственных соображений?

— Каких соображений? — спросила Слай. — Назови хоть одно.

— «Цюрих-Орбитал». «Объединенный банк», — раздалось с заднего сиденья.

Она обернулась и уставилась на пацана, называвшего себя Коршуном. Он уже вышел из задумчивости и, по всей видимости, прислушивался к беседе и сделал некоторые выводы.

— Какой еще банк? — не поняла Слай.

— Такой, где корпорации хранят свои деньги, — пояснил юноша. — Какая корпорация станет уничтожать свои пачки банкнотов?

Слай задумалась. «Вероятно, малыш считает, что „Ц-О“ — всего-навсего погребок, набитый золотом, — подумала она, — но это совсем не так». Поставленное на высокий уровень банковское дело означает не банкноты как таковые или золото. Это — *информация.* Агарвал уже пытался объяснить ей эту прописную истину. «Ц-О» — это просто множество огромных компьютеров и грандиозная система обмена финансовой информацией.

«А в идее малыша что-то есть», — подумала Слай. Всякая финансовая сделка — это всего лишь обмен данными. И нужно, чтобы этот канал был достаточно безопасен. Именно поэтому «Объединенный цюрихский банк» столь важен. Коршун прав. Банк был слишком нужен корпорациям, чтобы им пренебрегать или даже угрожать ему. Все, что требовалось от Слай — это запустить данные шифрованного файла в информационную систему «Объединенного цюрихского банка».

Все. *Все?* «Цюрих-Орбитал» — это банк. И не просто банк, а банк мегакорпораций. Как он защищает свои файлы данных, каналы связи и узлы системы? Конечно, черным льдом. Убийственный черный лед — самый лучший, который можно купить лишь за баснословные деньги.

— Шерон Луиза, с тобой все в порядке? — Модал сбавил скорость и с беспокойством смотрел на нее.

Слай знобило, руки тряслись, по спине струился холодный пот.

— С тобой все в порядке? — переспросил эльф.

— Все нормально, — ответила она, стараясь придать голосу спокойствие и уверенность и подавить захлестнувшее ее чувство страха. — Просто думаю, вот и все.

Она сделала глубокий вдох и медленно выдохнула, представляя себе, как напряжение вместе с воздухом постепенно покидает ее тело. Ей стало *лучше.*

— С банком ничего не выйдет, — твердо заявила она. — Там слишком много защиты. Ни один декер не в силах взломать ее. — Она заметила, как Коршун съежился от досады. — Однако идея хороша.

Но тут ее осенила еще одна мысль.

— Нет, не банк, — пробормотала она, — а что-нибудь, связанное с ним. Что там еще есть в «Цюрих-Орбитал»?

— Ты же не имеешь в виду Корпоративный суд…

Она похлопала Модала по плечу.

— Ну-ка, *подумай,* — почти весело сказала она. — Во-первых,

какая корпорация сейчас решится выступить против Корпоративного суда?

— Судом уже пренебрегают, — решительно произнес эльф.

— Пренебрегать и открыто действовать против него — разные вещи, — напомнила Слай. — И он находится на той же орбитальной станции, что и «Объединенный банк». Как знать, может, они уже делят компьютерные ресурсы. Никто, наверное, не отважится убрать суд, потому что побоится разрушить банк.

— И там, наверное, защита послабее, — добавил Коршун.

— Значит, так и надо действовать, — подвела черту Слай. — Малыш прав. Пока суд еще не совсем развалился. Я не уверена, но очень может быть, что декер проникнет в банковскую систему… А пока хватит об этом.

У Модала был угрюмый вид.

— Ты думаешь, у Корпоративного суда есть своего рода доска объявлений? — спросил он.

— Вполне возможно, — ответила Слай.

— Тебе надо это проверить.

Слай кивнула и задумалась.

— Едем в Пуаллуп, — сказала она Модалу.

* * *

До сих пор Слай никогда не бывала у Терезы Смеланд, но она знала: Тереза снимает верхний этаж небольшого дома, на нижнем этаже которого находится магазин электронной аппаратуры.

Слай всегда представляла жилище Терезы чистым и опрятным: домишко, наверное, очень старый, архитектурная достопримечательность, особая гордость и забота даже такого коррумпированного муниципального совета, как совет Пуаллуп. Но когда они подъехали, ее иллюзии рассеялись.

Дом выглядел препаршиво. Псевдокаменный фасад местами дал трещины и осыпался. Кислотные дожди обесцветили стены и козырек над магазином и придали всему бледно-синюшный трупный оттенок. Что касается магазина на первом этаже, то он определенно знавал лучшие времена. Стекла на окнах потрескались, железные засовы покрылись ржавчиной и вылезли из стен. Возле запертой двери висела табличка: «Служебный звонок». Ниже виднелось пятно, где, по-видимому, и находился звонок — до тех пор, пока его не украли.

В дальнем левом крыле дома был еще один вход — узкий проем с дверью из тяжелого пуленепробиваемого металла. Должно быть, за этой дверью и находился вход в жилище

Смеланд.

Слай вышла из машины и нерешительно замерла. Модал вопросительно глянул на нее.

— Пойдем все, — сказала Слай.

Она подошла к металлической двери и взглядом поискала звонок — или колокольчик, или, может, телеком. Ничего. Но стоило ей сделать еще один шаг, как над дверью сразу же загорелась красная лампочка. «Встроенный датчик, включающий видеокамеру, — догадалась она, — и наверняка еще много чего накручено. Хорошо, что я позвонила заранее из машины. Конечно, это было рискованно, если о краже машины уже известно, но что делать?» — Слай улыбнулась — видеокамеру Тереза спрятала так надежно, что даже намека на нее заметно не было.

— Вижу, Модал все же тебя разыскал, — раздался откуда-то сверху голос Терезы Смеланд.

Обернувшись, Слай увидела у себя за спиной эльфа и индейца и снова улыбнулась.

— Это долгая история, Т.С., — сказала она. — Можно нам зайти всей компанией?

Смеланд помедлила, затем металлическая дверь щелкнула и распахнулась.

Перед гостями открылся лестничный пролет. Похоже, его покрыли пуленепробиваемым армированным материалом, а саму лестницу сделали настолько узкой, что плечи Слай задевали о стены. Крутые ступеньки привели к еще одной бронированной двери, перед которой не было лестничной площадки, чтобы тем, кто захотел бы вломиться к Терезе, негде было пристроиться. Конечно, минираната или реактивный гранатомет разнесли бы верхнюю дверь в щепки, но Слай была уверена, что лестница имела систему охраны от тех, кто попытается принести в дом оружие. (Детекторы оружия и газовые системы? Наверняка. Скрытое автоматическое оружие, предназначенное для отражения атаки на дверь? Вполне возможно.) Несомненно, Смеланд обезопасила свое жилище так, как могла.

Слай и Модал с Коршуном, не отставшие от нее ни на шаг, поднялись по лестнице. Добравшись до самого верха, они услышали щелчок, и дверь распахнулась. Слай вошла в крошечную прихожую и оказалась перед еще одной дверью. Потом открылась и она.

Их встретила Тереза Смеланд, на ней был надет светло-голубой, до самого пола, домашний халат. Вид у нее был усталый — вероятно, потому, решила Слай, что бар закрылся всего два часа назад, — и встревоженный. Улыбнувшись, Тереза отступила на шаг, пропуская всех в свои апартаменты.

«Не суди о вещи по упаковке», — пришло в голову Слай. По наружному состоянию дома она ожидала, что жилище Смеланд будет выглядеть достаточно прилично, но не настолько, чтобы скрыть дефекты здания.

Несомненная ошибка. Все: мебель, ковры, освещение, картины на стенах — было, безусловно, на высшем уровне. Убранство не соответствовало какому-то определенному стилю — ни новоиндустриальному, ни восточноафриканскому, ни полуготическому. Но все в доме идеально подходило друг другу, каждая вещь была на своем месте.

Смеланд расхохоталась.

— Ну как, Слай, нравится?

Та кивнула.

— Твой клуб приносит больше дохода, чем я представляла.

— Не в клубе дело, — пояснила Смеланд. — Тут личные дела. Я оказала любезность… товарищу одного старого знакомого, — осторожно сказала она, — и он кое-что для меня сделал.

— А снаружи дом смотрится прескверно, — вставил Модал.

— О, дом вполне прочный, лучше, чем соседние. Когда нужно, мне его ремонтируют, но я решила ничего не менять снаружи. — Смеланд пожала плечами. — К чему лишнее внимание? Грабителей не заинтересует дом, который наверняка рухнет, стоит кому-то из них чихнуть.

— Согласен, — сдался Модал. — Можно? — Он махнул рукой в сторону обитых шелком кресел. — Ночь выдалась слишком длинная и тяжелая.

Смеланд кивнула:

— Присаживайтесь.

Хозяйка грациозно устроилась в кресле, подобрав под себя ноги. Модал тяжело опустился в другое кресло и тут же расслабился, а Коршун уселся — весь в напряжении, взбудораженный — на тахте. Примостившись на другом краю тахты, Слай позволила себе с минуту насладиться окружавшей ее роскошью.

— Мне нужна твоя помощь, Т.С., — сказала она.

Смеланд кисло улыбнулась.

— Догадываюсь. В такой час мне крайне редко наносят светские визиты. В чем дело?

Слай глубоко вдохнула.

— Мне нужна кое-какая информация о Корпоративном суде.

Смеланд с изумлением взглянула на нее.

— В «Цюрих-Орбитал»? С каких это пор ты играешь по-крупному?

— Поверь, у меня нет другого выхода, — заверила подругу

Слай.

— Так что тебе нужно? — спросила Смеланд. — Встретиться лично с Верховным судьей? Получить распечатки балансовой ведомости «Ацтекнолоджи»? Или что-нибудь похлеще?

— Ничего особенного, — успокоила подругу Слай. — Мне надо только узнать, есть ли в суде какая-нибудь система для передачи информации всем мегакорпорациям.

— И это все? — рассмеялась Смеланд. — Так и думала, что будет нечто в этом роде. Но тебе же надо знать наверняка?

Слай кивнула:

— И еще я должна узнать, как получить к ней доступ.

Смеланд испуганно взглянула на нее.

— Получить информацию из файлов Корпоративного суда, ты это имеешь в виду?

— Я хочу туда кое-что *послать.*

— Вот как? И что же? — спросила Смеланд. — Анкетные данные для поступления на работу, свой похвальный лист? Ты ищешь работу, Слай?

Но та только покачала головой. Она видела, что подруга нервничает, но не сомневалась, что Тереза возьмет себя в руки.

На это ей хватило нескольких секунд. Смеланд чуть пристыженно улыбнулась.

— Прости, — тихо сказала она. — Не привыкла я работать на таком уровне — ну, ты понимаешь, о чем я. — С минуту помолчав, Тереза добавила: — Теоретически это может оказаться не так уж сложно.

— Теоретически, — повторила Слай.

Тереза кивнула.

— Все, связанное с Корпоративным судом, под силу только профи, тебе это известно, Слай. Но не думаю, что дело безнадежно. Что ты хочешь послать? — Она предостерегающе подняла руки. — Все, не говори, не хочу этого знать. Только одно — это текстовый файл? Или что-нибудь еще?

— Текстовый файл.

Она заметила, как Смеланд слегка расслабилась.

— Это проще, — призналась экс-раннер. — Система безопасности возьмется за тебя, если попытаешься загрузить их программы — ты можешь запустить компьютерные вирусы. С обычными текстовыми файлами это не так страшно.

Слай это было ясно.

— А как это делается? — спросила она, тщательно выбирая слова. — Как лучше разузнать, во-первых, есть ли в суде информационная система, и во-вторых, как взломать ее?

— Есть только один способ, — уверенно заявила Смеланд. —

Суд обладает системным узлом доступа в Матрицу. Ты просто проникаешь в него и попадаешь в систему «Цюрих-Орбитал». — Тереза мрачно улыбнулась. — Но не дай тебе Бог хоть краем затронуть что-то, даже отдаленно связанное с «Объединенным банком». Вот и все, и ты это знаешь.

— Мы это обсуждали, — сухо произнесла Слай. Она помолчала, приводя мысли и слова в порядок. Следующий вопрос был самым важным. — Т.С., — начала она, — я…

Но Смеланд прервала ее.

— Я знаю, о чем ты просишь, — резко сказала она. — Не хочу ли я поучаствовать, так?

— Не совсем. — Слай почувствовала, как все в ней похолодело и одеревенело. Она сжала кулаки, пытаясь справиться с дрожью. — Мне нужно твое прикрытие, Т.С., вот и все. Основное проникновение я выполню сама. Я только… — Она на миг замолчала, изо всех сил стараясь придать голосу спокойствие. — Мне нужно только прикрытие, — продолжала она, — чтобы кто-нибудь был за моей спиной. Боюсь, мне одной не справиться.

Смеланд пристально смотрела на нее.

— Меня поражает, как ты вообще на это решилась, — честно призналась она.

«Меня тоже», — подумала Слай.

— Так ты поможешь мне, Т.С.? — сказала она вслух.

Тереза встала и подошла к затемненному окну, которое выходило на улицу. Слай хотелось заинтересовать ее, привести побольше доводов, почему Смеланд должна ее выручить. Но, как ни трудно было держать язык за зубами, Слай понимала, что молчание — самое действенное средство убеждения. Она украдкой взглянула на Модала и Коршуна. Оба смотрели на Терезу, но ни один, похоже, не испытывал желания высказаться.

— Наверное, что-то очень серьезное? — тихо, почти беззвучно спросила Смеланд, не отворачиваясь от окна. — Иначе ты бы этим не занималась.

Она помолчала еще минуты две.

— Ладно, — наконец сказала она. — Я обеспечу тебе прикрытие до системного узла «Ц-О» и по главному каналу. Но не дальше, Слай. Я только затаюсь на поверхности главного канала. — Она пожала плечами. — Основная часть тяжелого льда, через который нужно будет пробиться, находится в системном узле на обоих концах верхнего канала, верно? Я проведу тебя через него. Дальше будет уже меньше льда… если ты не напорешься на защиту «Объединенного банка». А иначе… все, что я смогу сделать, — это погибнуть вместе с тобой.

Слай облегченно вздохнула и только теперь осознала, что

слушала Терезу, затаив дыхание.

— Больше мне ничего не нужно, Т.С., — успокоила она подругу.

— Когда ты хочешь этим заняться? — спросила Смеланд.

Слай чуть было не сказала, что ей вовсе не хочется этим заниматься, но спохватилась:

— Когда тебе удобно, Т.С.

Тереза отошла наконец от окна.

— А что, если прямо сейчас? — мрачно спросила она. — Полагаю, тебе понадобится кибердек.

Слай провела пальцами по кибердеку, который одолжила ей Смеланд. Она узнала корпус — с виду обычный, незамысловатый радиоприемник компании «Шак». Но начинка… В «Шак» не узнали бы своего детища. Сделано на заказ, сразу видно. И отлично сделано. Слай вдруг подумала: «А не сама ли Т.С. собрала этот кибердек?..»

Смеланд достала из бронированного сейфа свой личный кибердек и положила его на колени, усевшись на полу в позе лотоса. Слай отметила, что эта штуковина тоже сделана на заказ. Корпус был от «Фейрлайт экскалибр», но в расположение клавиш и конфигурацию порта на задней панели Смеланд внесла достаточно изменений, так что это был совсем другой аппарат.

Оба кибердека были подсоединены к разветвителю, а через него — к телекоммуникационной розетке в стене. Слай внимательно посмотрела на это соединение. Это был путь к Матрице. У нее в голове колоколом прозвенело: *«Матрица… Матрица… Матрица…»* Слай взяла головной штекер — небольшой соединитель для подключения к информационному гнезду, имплантированному в череп пользователя. Такой безобидный на вид — и такой опасный. Через этот крошечный соединитель декер мог проецировать свое сознание в кибер-пространство. И через него же любая опасность, исходящая от Матрицы, могла проникнуть прямо в его мозг. Слай снова бросило в озноб.

Внезапно она заметила, что Смеланд наблюдает за ней.

— Ты уверена, что хочешь в это ввязаться? — спросила Тереза.

Слай знала, что она имела в виду: ты справишься или собираешься все повесить мне на шею, если дело пойдет туго?

— Я готова, — ответила Слай.

Быстро, не рассуждая, она вставила штекер кибердека в свое информационное гнездо, услышала и почувствовала, как он плотно вошел в хромированное углубление.

Слай опустила пальцы на клавиши и включила дек. В ту же

секунду в висках у нее слегка заколoло, словно по проводам, соединявшим мозг и дек, пропускали ток. Связь еще не была активной — информации не поступало, но Слай знала, даже не глядя на небольшой дисплей кибердека, что связь уже была установлена. Она послала сигнал, запускающий самодиагностику, и перед ее глазами стали накладываться друг на друга столбцы данных. Несмотря на то что Слай была уже в Матрице, она все еще видела вокруг себя макромир. Однако выводимые данные тестирования казались ярче и воспринимались более непосредственно, чем реальность.

— Быстрый у тебя кибердек, — сказала она Терезе. — Хорошая реакция.

— Его собрал один из моих протеже, — ответила Смеланд. — Потом этот дек достался мне как плата за обучение.

Слай кивнула. Тереза Смеланд часто брала под свое крыло подающих надежды молодых декеров и обучала их уму-разуму. Она сделала большую карьеру, делясь с ними своим техническим мастерством и профессиональным видением мира. Кое-кто поговаривал, будто Смеланд связана с организованной преступностью и вербует своих самых многообещающих протеже в ряды мафии. Но Слай никогда не верила этим сплетням.

— Не хочешь потренироваться? — спросила Смеланд. — Восстановить рефлексы? У меня есть горяченькая имитация Матрицы, которую можно запустить на телекоме.

— Нет, — ответила Слай резче, чем собиралась. — Давай начнем. («Пока не сдали нервы», — чуть не добавила она, но, судя по выражению Терезы, этого можно было и не говорить.)

— Отлично, — подхватила Смеланд. — Начнем!

Слай глубоко вдохнула и нажала клавишу «старт».

И тотчас же перед ней открылся иллюзорный мир Матрицы.

«Я уж и забыла, до чего же это прекрасно! — было ее первой мыслью. — Так прекрасно и так пугающе».

Слай будто зависла в космическом пространстве, в сотнях метров над раскинувшимся внизу морем городских огней. Над нею был жуткий мрак — мрак космической бездны. То здесь, то там в небе висели странные звезды — системные узлы доступа в локальные телекоммуникационные сети — и другие конструкции, которые светились лазерными и неоновыми огнями. А на земле были линии передачи данных. — Похожие на ночные, забитые машинами автострады, превращенные в реки света, они разбивали на квадраты ландшафт, составленным из несметного числа ярко светящихся образов и конструкций. Некоторые из них были огромными, устрашающих размеров — неоново-зеленая пагода «Мицугамы», пирамида «Ацтекнолоджи», звезда «Фучи», —

а другие с этой кажущейся высоты выглядели лишь разноцветными пятнышками. Радужный сияющий ковер терялся вдали, уходя за электронный горизонт.

Значок, который представлял Терезу Смеланд в Матрице — большой человекоподобный броненосец с такими же темными проницательными глазами, как у Т.С, — мигнул вдалеке, позади Слай. Ей захотелось узнать, на что походил ее собственный значок. Явно не на привычного подвижного, как ртуть, дракона, образ которого она обычно принимала прежде, работая в Матрице. Теперь ее значок будет таким, какой ввел протеже Смеланд в главную персональную программу этого кибердека. Впрочем, какое это имеет значение? То, как выглядит значок декера, никак не сказывается на его действиях — ну, разве только психологически.

— Готова? — Это был голос Смеланд, но звучал он безжизненно, без оттенков. Слай знала, что Т.С. посылает ей слова прямо в мозг, а не произносит их вслух.

— Готова, — ответила она. — Где наш узел?

Броненосец поднял глаза вверх и вытянул лапу.

Вдали посверкивало ярко-красное кольцо, окружавшее крупную звезду.

— Вот этот, — пояснила Смеланд.

— Что ж, начнем!

Слай знала, что в действительности она сидит в квартире Терезы и стучит по клавиатуре кибердека. Но этого не ощущалось. Согласно ее сенсориуму — сумме сенсорных данных, получаемых мозгом, — она неслась в черном небе Матрицы быстрее баллистического реактивного снаряда. Грудь ее сдавило, сердце неровно билось, и его удары молотом отдавались в ушах.

Цель тем временем росла на глазах, превращаясь из крошечного пятнышка света в прямоугольную пластину, ширина которой в четыре раза, а длина в девять раз превосходили толщину. Две огромные плоские поверхности выглядели так, словно были сделаны из сверкающей вороненой стали. Грани поменьше светились ослепительно яркой лазерной желтизной. Массивная конструкция, в десятки раз большая, чем два изображения декеров, вертелась волчком в пространстве, сложный механизм вращался с разной скоростью вокруг трех своих осей. Пылающая желтизна на гранях конструкции меняла свою яркость, беспрестанно вспыхивая, что говорило о гигантских потоках информации, проносившихся через эти ворота телекоммуникационной системы.

Броненосец — значок Смеланд — мчался прямо на одну из громадных поверхностей системного узла локальной

телекоммуникационной сети, Слай следовала за ним по пятам. Не снижая скорости, они врезались в твердую на вид поверхность. Мир вокруг Слай перевернулся, вывернулся наизнанку. Она часто испытывала такое ощущение, но последний раз это было пять лет назад, и многое забылось. От страха все внутри Слай сжалось, из горла вырвался легкий стон. Потом они оказались в другой секции Матрицы.

Но лишь на какое-то мгновение. Еще один переход — и декеры вошли через другой системный узел в региональную телекоммуникационную сеть — в линии дальнего действия систем международной связи. Опять Вселенная перевернулась и закружилась.

И вот они уже снова стремительно летят над мрачной равниной. «Неужели в этой части Матрицы нет конструкций?» — удивилась Слай.

Но нет, конструкции были, только немногочисленные и в необычных местах. В Матрице Слай привыкла к тому, что земля покрыта системными конструкциями и линиями передачи информации. Однако в этом странном мире конструкции висели в небе. Возможно, две дюжины, не больше, и очень далеко, так что можно было различить только их цвет. По яркости свечения Слай догадалась о громадной производительности тамошних компьютеров.

Она посмотрела на горизонт, сначала не в силах увидеть хоть какую-нибудь разделяющую линию между небом и землей. Но потом Слай разобралась в представшей перед ней картине. Горизонт был — невидимый, но очерченный массивными, непостижимо далекими, частично заслонявшими его конструкциями. Они походили на крепости, гигантские нагромождения блоков, уродливые из-за простоты дизайна, но если бы это происходило в реальном мире и горизонт располагался бы на нормальном расстоянии, то эти конструкции превосходили бы самые высокие горы.

— Что это? — Слай вдруг поняла, что говорит вслух.

Голос Смеланд прямо у нее в голове звучал спокойно и ободряюще.

— Это главные военные системы, правительственные системы, космическое агентство ЮКАС… серьезные ребята.

— Мы же не собираемся лететь мимо них?

Смешок спутницы ясно отозвался в сознании Слай.

— Некогда. Наш курс — только вперед.

Слай с усилием отвела взгляд от массивных далеких конструкций. Вопреки ее первому впечатлению, несколько конструкций виднелось и на «земле» — слабо освещенных,

вероятно старательно скрытых от любопытных глаз. Броненосец Смеланд вел ее прямо к одной из них, с виду напоминавшей голубой радиотелескоп.

— Здесь? — спросила Слай.

Броненосец кивнул.

— Что, не очень похоже? Но это как раз и есть системный узел, ведущий в «Цюрих-Орбитал». — На мгновение Смеланд замолкла, так как они снова ринулись вперед. — Ты когда-нибудь занималась спутниковой связью? — спросила она.

Слай покачала головой и сразу же вспомнила, что Смеланд не сможет увидеть ее жеста.

— Нет, — ответила она. — А что, этого следует ожидать?

— Временное запаздывание — серьезная штука, — ответила Тереза. — Оно связано со скоростью света. Почти четверть секунды, если нам надо наладить прямую связь спутниковой станции с «Цюрих-Орбитал». И полсекунды — или чуть больше, — чтобы подключиться к другим спутникам.

Полсекунды? В Матрице это означало вечность.

— Это не так уж страшно, — успокоила Тереза. — В наших деках есть микропроцессоры, которые компенсируют запаздывание. И ты не заметишь его, пока не попадешь в какую-нибудь заварушку. В киберсражении твоя реакция сильно замедлится.

Они сбавили скорость и приблизились к конструкции, которая вблизи походила на глубокую тарелку. Теперь Слай рассмотрела ее. Элементы конструкции тускло отсвечивали темно-синим, почти черным цветом. Отдельные звенья вспыхивали, как только по системе проносилась информация.

Но там было и что-то еще. По элементам конструкции сновали туда-сюда маленькие темные сферы, похожие на костяшки счетов. Если следить за отдельной бусинкой, ее движение казалось совершенно беспорядочным. Но, наблюдая за всей картиной, Слай не смогла отделаться от ощущения, что в их движении была какая-то система.

— Что *это?* — спросила она.

— Лед, — спокойно ответила Смеланд.

Это слово, как холодный кинжал, пронзило Слай.

— Серый лед? — спросила она. — Или черный?

Броненосец пожал плечами:

— Отсюда не видно. — Смеланд помолчала. — Ну что, продолжим?

Черный лед. Лед-убийца. В сознании Слай пронеслись воспоминания: боязнь замкнутого пространства, заторможенность, спазматическая боль в голове…

«Последний раз, когда я столкнулась с черным льдом, я была на грани смерти. Из-за него перестало биться мое сердце, прекратилось дыхание… Если бы меня не отключили — тотчас, без секунды промедления, — я бы наверняка погибла».

Воспоминания были пятилетней давности, но настолько яркие, что казалось, будто все произошло только вчера. «Это испытала я, и еще Агарвал, — сказала себе Слай. — Мы оба столкнулись с эти ужасом и выжили… пока. Нам удалось спастись, но осталось стойкое убеждение, что мы живем взаймы. Что в следующий раз, стоит нам повстречаться с черным льдом, мы уж точно погибнем».

Слай почувствовала давление в затылке и на шее, как будто кто-то положил руку и стал потихоньку сжимать. Она узнала это ощущение: организм предупреждал ее о начале приступа — своего рода эпилептического припадка, когда мозг на время полностью отключается. Она заставила себя расслабиться, дышать медленнее, глубже, чтобы насытить мозг живительным кислородом. Мало-помалу неприятные ощущения утихли.

Броненосец Смеланд смотрел на нее.

— С тобой все в порядке?

— Мне холодно, — ответила Слай «мозг-в-мозг», зная, что голос совершенно ясно противоречит ее словам.

— Ты звала меня, — снова сказала Смеланд. Она повернулась к конструкции спутниковой связи. — Давай-ка подумаем, как нам проскользнуть мимо этих микробов.

Броненосец медленно развел лапы в стороны. Появились десятки крошечных зеркально-ярких сфер — значки, представляющие собой какую-то маскировку, поняла Слай, — и устремились к конструкции.

Движение бусин — это были программы, защищающие от вторжения, — ускорилось, так что они стали казаться размытыми. Зеркальные сферы подплыли ближе.

Постепенно ледяные шарики сбавили скорость и возобновили размеренное медленное движение. Слай почувствовала странную скованность в плечах, поняла, что все ее мускулы напряжены.

Похоже, маскировка сработала — в движении ледяных шариков не чувствовалось ничего необычного. Бок о бок два значка декеров приближались к конструкции, защищенные экраном из зеркальных сфер. Все еще никакой реакции. Они были настолько близко, что могли протянуть руку и коснуться мрачно-синей конструкции.

— Готова? — спросила Смеланд. Вдруг она сказала: — Ого!..

Не успела Слай ответить, как ледяные шарики снова ускорили свой темп, проносясь взад-вперед по элементам

конструкции. Они двигались все быстрее и быстрее. Электронный вой, все громче и выше, ледяной иглой вонзился в уши Слай.

Десяток ледяных шаров оторвался от конструкции; они устремились прямо на декеров.

Слай не успела даже вскрикнуть, как они ринулись на нее.

ГЛАВА 16

14 ноября 2053 года, 07.17 Коршуну надоело.

Сперва идея понаблюдать за двумя работающими декерами привела его в восторг. Как и каждый, когда-либо смотревший тридео, он *кое-что* знал о Матрице, но никогда не встречал человека, который сам нырял в нее. Он полагал, что это захватывающее и напряженное зрелище: декер, склонившийся над своим кибердеком, а рядом друзья наблюдают за его работой, всей душой желая помочь, но не имея такой возможности.

По крайней мере, так все это выглядело на тридео. И конечно, на тридео всегда было музыкальное сопровождение, подчеркивающее напряженность действия, а камера постоянно переключалась с потного лица декера на озабоченные лица его друзей.

В реальной жизни, без всяких кинотрюков, были просто две женщины, стучащие по клавиатуре. «Не намного интереснее, чем смотреть на двух машинисток», — в конце концов решил Коршун.

Ну, может, все это и не *настолько* опасно, как кажется. Время от времени одна из женщин начинала что-то бормотать про себя. Но ничего захватывающего в этом не было.

Похоже, Модал лучше его знал, что следует делать. Высокий эльф свалился в кресло, перекинув одну ногу через подлокотник, и быстро заснул.

«И мне бы так поступить», — сказал себе Коршун. Он был измучен: мышцы болели, кожа зудела, а глаза, казалось, полны песка.

«Сколько же времени я уже не сплю?» — пытался сообразить Коршун. Выходило — не слишком много. Он вышел из заведения доктора Дайсер вчера вечером в двадцать один ноль-ноль. Значит, он проснулся — юноша посмотрел на часы — чуть больше девяти часов назад. Весьма напряженных девяти часов, и это хоть отчасти объясняло, почему он так хреново себя чувствует.

Он снова взглянул на двух декеров. Сколько времени это еще протянется?

Вдруг обе женщины резко дернулись, как будто их ударили в солнечное сплетение. Слай открыла рот и откинулась в кресле. Ее глаза закатились так, что Коршун видел только белки.

Смеланд перевалилась через ручку кресла и боком упала на пол, ее дек отлетел в сторону, на толстый ковер. Женщина шевельнулась. Ее глаза тоже были открыты, но она ничего не видела. Смеланд захрипела.

В то же мгновение — Коршун даже не уловил его движения

— Модал оказался около кресла Слай, мягко держа ее голову своими руками. Коршун вскочил с дивана и встал на колени рядом со Смеланд.

К Терезе начинало возвращаться сознание. Ее глаза все еще смотрели бессмысленно, но было ясно, что она приходит в себя. Но Слай не шевелилась. Неужели она мертва?

Смеланд закрыла лицо руками, потерла глаза. Потом, с видимым усилием, села на ковре. Выглядела она ужасно — бледное лицо, блестящее от пота, налитые кровью глаза; грудь тяжело вздымалась.

— Что за чертовщина с вами случилась? — спросил Модал. В его голосе чувствовалось напряжение.

— Лед, — пробормотала Смеланд. Затем, пытаясь говорить яснее, повторила: — Лед. Серый или черный, не знаю. Нас выбросило. — Она отсоединила шнур от своего разъема на виске с таким отвратительным металлическим скрежетом, что у Коршуна по спине мурашки побежали.

Он увидел, как Модал приподнял веко Слай.

— Ее не выбросило, — резко сказал он.

— Да? — Смеланд заставила себя встать на ноги, но не смогла удержаться. Коршун протянул ей руку. Тереза с усилием оперлась на нее. — Не выбросило?

— Да, говорю тебе. Она ведет себя так, будто все еще в Матрице.

Пошатываясь, Смеланд подошла к Слай, взглянула ей в лицо, затем посмотрела на дек.

— Этого не может быть! — пробормотала она.

— Как видишь, может, — возразил Модал. Он взялся за шнур, подсоединенный к голове Слай. — Я ее отключаю?

— Подожди минуту, — резко сказала Смеланд.

Она ввела несколько команд в кибердек Слай и глянула на дисплей. Коршун смотрел через ее плечо, но пробегающие по экрану цифры и символы ни о чем ему не говорили.

Но, очевидно, они что-то значили для Смеланд, и, похоже, это ей не нравилось. Она нахмурила лоб и прикусила нижнюю губу.

— Я отключаю ее? — повторил Модал.

— *Ни в коем случае.* — Смеланд схватила его за руку.

— Почему?

— Она попала в петлю обратной биосвязи с деком, — объяснила Смеланд. Ее голос задрожал, и Коршун испугался.

— Это значит, ее поймал черный лед, — сказал Модал. — И я должен отключить ее.

— Нет, — повторила Смеланд. — Так обычно и делают, да.

Но не на этот раз. Именно обратная биосвязь поддерживает ее жизнь, — пояснила она. — Лед — в общем, то, на что мы нарвались, — отключил ей дыхание и сердце.

Модал покачал головой:

— Не понимаю…

— Это как если бы она попала в больницу и на нее надели кислородную маску, — объяснила Смеланд. — Отключить ее сейчас — это значит снять маску. Она умрет.

— Тогда что же нам делать? — не выдержал Коршун.

— Ничего, — угрюмо сказала Смеланд. — Что бы мы ни сделали, это просто убьет ее. Что-то держит Слай, и есть на это своя причина. Когда это закончится, возможно, ее отпустят.

— А если нет?

В ответ Смеланд пожала плечами.

«Просто черт знает что!» — подумал Коршун, глядя на лицо Слай.

Ее глаза все еще были полуоткрыты, веки подергивались. Бледная кожа сильно натянулась на высоких скулах. Она выглядела полумертвой.

Снаружи раздался визг тормозов. С нечеловеческой быстротой Модал подбежал к окну и выглянул на улицу.

— Дьявол! — пробормотал он.

Коршун тоже подошел к окну. Возле украденного ими автомобиля остановилась большая машина. Оттуда выскочили несколько человек, увешанных оружием. Четверо, и среди них два тролля. «И возможно, еще четверо за углом, — подумал Коршун. — Похоже, нас будут атаковать…»

— Т.С., — быстро сказал Модал, — у тебя хорошая система безопасности?

— Достаточно хорошая, чтобы остановить небольшую армию, — ответила она. — А что?

— Надеюсь, этого будет достаточно, — спокойно ответил эльф.

ГЛАВА 17

14 ноября 2053 года, 07.19

Слай закричала от страха, когда бусины льда ударили ее. Но крик показался ей странным, как будто он звучал только в ее голове. Матрица вокруг нее исчезла, и Слай оказалась в полной темноте. В груди разлилась щемящая боль, а тело словно оцепенело. «Нет!» — снова закричала она.

На мгновение Слай потеряла ориентацию, ей казалось, что она летит сквозь космос. Ее все еще окружала темнота — нет, не темнота, а ничто — все остальные чувства также изменили ей вслед за зрением. Тело не посылало никаких сигналов. Боль в груди прошла, как будто ее и в помине не было, и Слай не слышала и не чувствовала ни сердцебиения, ни дыхания. Непонятно, как долго она летела в пустоте. Или, может быть, на самом деле она не перемещалась, а ее мозг, изголодавшийся по ощущениям, чувствовал то, чего на самом деле не было.

«Я могу отсоединиться…» Она попыталась разорвать связь между ней и киберпространством. Но ничего не вышло.

Слай охватила паника. «Я *не могу* отсоединиться!» А потом появилась леденящая мысль: — «Никто не может отсоединиться от смерти…»

Вдруг, так же внезапно, как исчезло, зрение вернулось.

Сперва она подумала, что каким-то волшебным образом оказалась вне Матрицы. Она стояла в обычном кабинете. Дорогой ковер нейтральных тонов на полу, рассеянный свет, освещавший картины, стены без окон. В центре комнаты возвышался большой стол из темного дерева, на нем не было ничего, кроме ручки, карандаша и чего-то похожего на часы с калькулятором. Позади стола — удобное кожаное кресло. Это был самый обычный офис, какой можно увидеть в любой корпорации или правительственном учреждении.

Дверь в кабинет должна быть у нее за спиной. Слай повернулась. Двери не было.

И тут наконец Слай поняла, где она находится. Стоило ей отвести глаза, и реальность вокруг нее распадалась — мгновенно, почти сразу — на отдельные элементы, как мозаика. Так это всего лишь иллюзия…

Только если Слай пристально смотрела на что-нибудь — на стену, картину, кресло — мозаика складывалась в конкретный образ.

И то не совсем. Теперь, когда она знала, что искать, Слай могла различить отдельные элементики, из которых составлялся

каждый окружавший ее предмет. Разрешение было невероятным, намного лучше, чем она когда-либо видела в киберпространстве, но все это было построено какой-то программой. И значит, она все еще находилась в Матрице.

Но почему? Все происходило не так, как должно. Когда ты сталкиваешься с черным льдом, то либо пробиваешь его кибероружием, либо он выкидывает тебя из киберпространства в реальный мир, либо убивает тебя. Так должно было быть. Но, оказывается, есть и *четвертый* вариант.

Т.С. тоже здесь? Или она отключилась, а возможно, умерла?

И что, черт побери, происходит?

Она услышала звук, будто кто-то рядом откашлялся. Странный, глухой звук. Это значило, что он был направлен прямо в ее разъем данных. Она повернулась к столу.

Вращающееся кресло с высокой спинкой больше не было пустым. В нем сидел мужчина среднего роста с коротко стриженными седыми волосами и холодными серыми глазами. Какое-то время Слай пыталась определить его возраст, озадаченная несоответствием сочетания седины и отсутствия морщин вокруг глаз, затем бросила это занятие как бессмысленное.

Это не был реальный человек, поняла Слай, заметив, что, несмотря на невероятное по четкости разрешение в этой части Матрицы, различить отдельные волоски на его голове невозможно. Еще одна программная конструкция. Значок декера.

Слай вспомнила время и труд, затраченные на создание своего собственного значка декера. Вспомнила сложнейшее программирование и компьютер огромной мощности, потребовавшийся, чтобы оживить картинку с разрешением гораздо хуже, чем у той, на которую она сейчас смотрела. Такая анимация требовала громадного количества программных и вычислительных ресурсов. «Где я?» — в отчаянии подумала Слай.

Человек — «программная конструкция», напомнила она себе — пристально смотрел на нее. Казалось, он ждет, чтобы она начала разговор. Но она не окажет ему такой любезности.

Наконец он кивнул и сказал:

— Вы Шерон Луиза Янг. — Голос его был сильным — голос молодого человека.

Но, напомнила себе Слай, ничто здесь на самом деле нереально.

Человек молча ждал ее ответа.

— Да, — наконец сказала Слай. — А вы?..

— Юргенсен, Тор. Лейтенант ОСК, Вооруженные силы ЮКАС. — Он улыбнулся. — Думаю, мы можем обойтись без порядкового

номера.

Вооруженные силы ЮКАС. Слай вспомнила массивные конструкции на горизонте киберпространства. Крепости данных — выше, чем самые большие горы. Ей почудилось, что холодный ветер продул ее насквозь.

— ОСК — это что? — спросила Слай, хотя ей казалось, что она уже догадывается.

— Особые силы киберпространства, — ответил Юргенсен, подтвердив ее предположение. Он наклонился вперед и уперся пальцами в стол. — У вас есть кое-какая информация, мисс Янг, — спокойно сказал он. — Мы хотим, чтобы вы передали ее нам.

— Какая информация?

Юргенсен покачал головой.

— Не принимайте меня за дурака, — сказал он. — Уверяю, что я вас дурочкой не считаю. Вы точно знаете, что я имею в виду файл данных, который вы… *получили* у «Яматецу» в Сиэтле. Файл данных, описывающий исследования корпорации по перехвату и обработке данных, передаваемых по оптоволокну, или, проще говоря, утерянная технология. Мы знаем, что этот файл у вас. Мы также знаем, что различные… м-м… фракции… пытались избавить вас от него.

— А теперь *ваша* очередь, не так ли?

Значок декера сухо усмехнулся.

— Если вам так больше нравится, — ответил он. — Хотя есть некоторая разница. Мои коллеги и я хотим дать вам шанс добровольно передать нам информацию.

— С чего бы это? — недоверчиво спросила Слай.

Юргенсен пожал плечами.

— Причин много, — спокойно сказал он и начал загибать пальцы. — Во-первых, личная заинтересованность. Кто лучше военных сможет защитить вас от других фракций?

Во-вторых, это вернет мегакорпорации под контроль гражданского правительства. Вы работали и на них, и против них, мисс Янг. Вы знаете, как далеко могут зайти корпорации и что могут натворить, не боясь при этом правительственных санкций. С вашей информацией мы смогли бы… хм… прижать корпорации, по крайней мере хоть как-то, и вернуть избирателям какое-то подобие возможности управлять своей жизнью.

И в-третьих, патриотизм. — Юргенсен криво усмехнулся. — Я знаю, этот термин вышел из моды. Но о нем тоже стоит подумать. Страны на этом континенте и по всему миру находятся в состоянии борьбы — за ресурсы и за рынки. Они борются с помощью тарифов и торговых соглашений, технологической и

промышленной эффективности, а также с помощью некоторых… *менее известных*… приемов. Никто не думает, что вы купитесь на старые лозунги вроде «хорошая или плохая, но это моя страна», но мы надеемся, мисс Янг, что вас заинтересуют преимущества гражданина страны, побеждающей в этом соревновании.

Слай помолчала, потом тихо произнесла:

— Так вот оно что. Это и есть ваше предложение?

— Да, — подтвердил Юргенсен. — Обдумайте его, пожалуйста.

— Прямо сейчас?

Лейтенант повернул руки вверх ладонями.

— Почему бы и нет? — резонно спросил он. — Я гарантирую, что нас никто не прервет и никто не помешает нам.

«Другими словами, вы не позволите мне уйти до тех пор, пока не получите то, что хотите», — подумала Слай. Вслух же она сказала:

— У меня нет при себе того, что вам нужно.

Юргенсен пожал плечами.

— Укажите мне, где именно в Матрице находится ваш файл, и я достану его.

Слай поняла: ее не собираются отпускать, даже если раздобудут этот проклятый файл.

«Так что же, — неожиданно спросила себя Слай, — может быть, Юргенсен прав? Он дал разумное обоснование и указал выход, о котором я раньше и не подозревала. Если я не могу уничтожить файл и не могу быть уверена, что все получат его одновременно, то теперь есть человек, которому его можно вручить, — и это, похоже, наименьшее из всех зол. А потом я буду полностью зависеть от фракции, которую выбрала, доверив ей защищать меня от остальных».

Насколько для этой цели подходит правительство ЮКАС? Идея подчинить корпорации некоторому контролю весьма привлекательна. С тех пор, как в 2001 году Шиавайзское соглашение дало право экстерриториальности многонациональным корпорациям, гражданское правительство потеряло большую часть своего влияния. Оно только выполняло ту грязную работу, которую не хотели делать корпорации, не больше.

А как насчет этого чертова патриотизма? Полная чушь…

А может, и нет. Слай никогда не интересовалась политикой — конечно, кроме тех случаев, когда события касались непосредственно ее самой или ее работы, — но время от времени слышала о том, что происходит на международной арене. Так, была продолжительная перепалка между ЮКАС и государством

Сейлиш-Шайд о статусе Сиэтла. Некоторые горячие головы из племенного совета хотели узурпировать власть над городом. И так как это лишило бы ЮКАС последнего порта на Тихом океане и единственного выхода в Японию и Корею, ребята из округа Колумбия постарались не допустить этого.

Еще были продолжительные пограничные дебаты ЮКАС с Народом Сиу и Конфедерацией Американских Штатов. Несмотря на громкие опровержения, федеральное правительство явно пыталось удовлетворить свои территориальные амбиции. Положение вещей в настоящий момент почти не изменилось. Противники обладали равными силами.

Но все может быстро измениться, получи ЮКАС утерянную технологию. Имея такое преимущество, разве не рискнет федеральное правительство прибегнуть к *этим*… — как их назвал Юргенсен? — к менее известным способам соревнования между нациями? И насколько это дестабилизирует политическую ситуацию в Северной Америке?

Война корпораций или обычная война? Этого ли хотела Слай?

Юргенсен пристально смотрел на нее.

— Где находится информация, мисс Янг? — спокойно спросил он.

Может быть, лучшее, что она могла сейчас сделать, это подумать об исходе каждого возможного варианта.

— А что, если я не собираюсь сообщать вам об этом? Вы будете угрожать мне? — спросила Слай.

— Угрожать? — Значок декера так широко раскрыл глаза, как будто эта мысль не приходила ему в голову. — Вы имеете в виду вот так?

Неожиданно справа и слева от Юргенсена выросли две фигуры из ночных кошмаров. Слай тревожно вскрикнула и отпрыгнула назад.

Твари были трехметровой высоты, — если рост что-нибудь здесь значил, — и их уродливые головы подпирали потолок. Человекоподобные тела явно были не из плоти и крови. Они казались темнотой, принявшей некие очертания. Они были ничем, не существовали — четко обрисованные, но не имеющие ни поверхности, ни тел. У них не было глаз, но Слай чувствовала, что они знают о ее присутствии, изучают и рассматривают ее, расценивая как соперника или как добычу.

— *Что* это? — спросила она. В своем голосе она услышала страх. *Зачем ты спросила, Слай? Ты знаешь, что это.*

Юргенсен посмотрел на массивные фигуры:

— Лед, конечно, что же еще? Последняя разработка класса

«голем» — черный лед, управляемый экспертной системой высокого уровня. — Он холодно улыбнулся. — Так что, вы видите, я *мог бы* угрожать вам. Големы могут нанести вам серьезные повреждения — не убивая вас, конечно, — и у вас не будет возможности отключиться, чтобы избежать встречи с ними.

Он помолчал.

— Но это будет слишком жестоко, — продолжал он уже мягче. — Я предпочел бы, чтоб вы не принуждали меня действовать таким образом. — Он снова посмотрел на две конструкции изо льда. — Как вы думаете, они нам потребуются?

Слай не могла выдавить из себя ни слова, только покачала головой. Юргенсен улыбнулся, и две кошмарные фигуры исчезли. Казалось, мужество Слай уменьшилось до бесконечно малых размеров.

— Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос, — продолжал Юргенсен. — Где в Матрице хранится ваша информация?

— Она *не* в Матрице, — легко соврала Слай. — Она в изолированной, полностью закрытой системе.

— В системе высшей защиты? — спросил Юргенсен, употребив военный термин — название системы, полностью изолированной от любого электромагнитного вмешательства.

Слай кивнула.

— И ключом является сетчатка моего глаза, — добавила она. — Если кто-нибудь другой попытается подключиться, данные будут стерты.

Военный декер с минуту помолчал.

— И почему же я вам не верю? — спросил он наконец.

Слай пожала плечами.

— Если файл в Матрице, я могу найти его.

«Ты блефуешь, — подумала Слай. — Схема оптической памяти, содержащая файл данных, установлена в разъем для схем на кибердеке, который одолжила мне Смеланд. Если бы ты мог найти, если бы ты мог выследить мой дек, где бы я ни была, ты бы уже сделал это». Она постаралась согнать с лица ликующую улыбку, радуясь тому, что разрешение ее значка не столь высоко и Юргенсен не может увидеть, что она улыбается.

Юргенсен постукивал пальцами по крышке стола. Слай поняла, что он думает о том, перед каким выбором оказался. *У тебя есть весьма четкие инструкции, не так ли? Ты можешь удерживать меня здесь, не позволяя отключиться. Но тогда я не достану то, что ты хочешь.*

Пока Юргенсен не мог определить ее физическое местоположение и захватить ее материальное тело, как он захватил ее сознание. Но мог ли он вообще это сделать? Если мог,

то почему он еще не сделал этого?

— Слушайте, — сказала Слай, — у меня есть предложение. Вы получаете данные, я получаю защиту. Физически я нахожусь в Эверетт, данные — в Форт Левис. Я доставлю их. Это значит, что вы должны разрешить мне уйти. — Она затаила дыхание. «Я в Пуаллуп, а не в Эверетт — мое физическое тело, по крайней мере. Уличит ли он меня во лжи?»

Юргенсен молчал почти целую минуту, как будто пытался сбросить напряжение. Потом кивнул.

— Как я могу вернуться… сюда? — спросила она.

— Самый простой способ — попробовать добраться до «Цюрих-Орбитал», — ответил военный декер. — Мы следим за всеми каналами доступа. Вас автоматически втянет сюда.

— Я вернусь, — соврала она. — Теперь я могу?..

— Можете отключиться.

Слай снова попыталась отсоединиться. На этот раз ей это удалось. На мгновение она потеряла ориентацию, когда ее настоящие ощущения заменили оставленные в киберпространстве.

Неожиданно она оказалась в мире, который, казалось, разрывался на части.

ГЛАВА 18

14 ноября 2053 года, 07.27

Коршун едва успел пригнуться, как очередной орудийный выстрел смел остатки оконной рамы. Больше всего на свете ему сейчас хотелось убежать, выбраться из этой ловушки. Но как?..

В доме этой женщины, Смеланд, наверняка имелся запасный выход — Коршун знал бы где, живи он тут, но она ничего об этом не сказала.

Если верить Терезе, они не могли увести Слай, хотя Коршун не совсем понял почему. Вроде бы она подключена к Матрице и погибнет, если ее отсоединить. Значит, выбора у них не было. Если они не хотят, чтобы атакующие заполучили Слай, то должны защищать ее здесь. Как могли, они постарались спасти ее от шальных пуль, устроив на полу между стеной и тяжелой тахтой, но мешал короткий кабель. Коршун поинтересовался, нельзя ли отсоединить от стены блок, не отключая от него Слай, но Модал и Смеланд уставились на него как на идиота. «Уж и спросить нельзя!» — с огорчением подумал парень.

Не мог он понять и того, зачем, черт побери, все эти приключения Смеланд и Модала. С Модалом хоть яснее: у него со Слай было что-то вроде общего прошлого, хотя и трудно представить, как эмоциональная Слай могла питать нежные чувства к холодному и бесчувственному черному эльфу. И наоборот.

Что касается Смеланд, то, конечно, они со Слай были подружками. Но вряд ли вы поставите свою жизнь на карту ради какого-то дружка, не так ли?

И он туда же… Но сейчас он ничего *не мог* изменить, и особого выбора не было. Если и был путь к отступлению, то Коршун о нем не знал, а через переднюю дверь не выйти. Юноша поймал себя на мысли, что если бы он и знал о запасном выходе, еще неизвестно, воспользовался ли бы им.

Коршун опустился на пол возле Слай, вглядываясь в ее бледное неподвижное лицо. Если бы не дыхание, можно было подумать, что она уже на том свете.

Юноша непроизвольно вздрогнул, когда Модал выдал еще один «подарок» бандитам на улице. Эльф двигался, словно деревянная игрушка на ниточках, внезапно появлялся в одном окне, стрелял, тут же нырял вниз, прежде чем кто-либо успевал открыть ответный огонь, затем то же самое повторялось у другого окна. Коршуна как-то не тянуло поднимать голову от пола — это казалось ему вредным для здоровья, — так что он не знал, ведет

ли эльф в счете. По крайней мере, выстрелы Модала заставляли атакующих опасаться за собственное благополучие.

Все стекла в окнах были уже разбиты; такие окна отличная мишень для гранат. Сначала Коршун не мог понять, почему этим никто не воспользовался. Одна осколочная граната — и всех размазало бы по стенам безо всякого риска для атакующих.

Но тут же он сообразил, что нападающим, кто бы они ни были, это совсем ни к чему. Им нужна была *живая* Слай, и ей придется прожить еще достаточно долго, пока из нее не вытянут файл с утерянной технологией. А значит, никаких гранат. И еще: когда атакующие наконец одолеют лестницу и парадную дверь, то перед тем, как открыть огонь, они будут вынуждены помешкать, выбирая цель. Это могло оказаться решающим для Коршуна, Модала и Смеланд — у них-то не будет проблем с выбором цели, и задержка недешево обойдется нападающим.

Однако по ступеням пока еще никто не поднимался. Смеланд, скрестив ноги, сидела в углу, подключенная к своему киберпульту, контролируя системы безопасности дома. В начале штурма, когда атакующие выбили дверь на первом этаже, Коршун услышал приглушенный гул. Губы Смеланд, уже подключившейся к киберпульту, растянулись в гримасе, которую можно было принять и за оскал, и за улыбку…

Когда началась перестрелка, с лестницы послышался дьявольский треск ультраскорострельного автоматического орудия. Он продолжался по меньшей мере пять секунд — значительно дольше, чем потребовалось бы для опустошения магазина обычного оружия. Громовой шум от затянувшихся разрывов почти заглушил ужасные вопли на лестнице. Почти.

— Черт возьми, — пробормотал Модал, — огневая засада?

Смеланд промолчала.

Автоматическое оружие, которым она, видимо, могла управлять, вступало в дело еще дважды, очищая лестницу от тех, кто пытался добраться до верхней двери. Коршун видел, как Модал опять выпрыгнул, несколько раз выстрелил из своего тяжелого пистолета и снова спрятался в укрытие. Автоматный огонь с улицы прошил оконный проем и противоположную стену.

— Где этот чертов патруль? — спросил эльф, ни к кому конкретно не обращаясь. — Они уже давно должны быть здесь.

Коршуну казалось, что эта странная, как будто вслепую, перестрелка идет уже несколько часов. Взглянув на часы, он с удивлением обнаружил, что прошло лишь восемь минут.

Но и восемь минут могут тянуться дьявольски долго. Эльф попал в самую точку: где патрульные? Обычно патрульный автомобиль появляется на месте перестрелки через две минуты,

да еще и в сопровождении броневика или вооруженного вертолета. Куда же он подевался? Может быть, эти слизняки уговорили патрульных держаться подальше? Но тогда у них должны быть и другие возможности для нападения. Например, магия или шаман по вызову. Коршуну пришло в голову: если их с Модалом еще не сожрала какая-нибудь колдовская гадина, то единственно потому, что, предпринимая штурм, атакующие знали: у Слай с компанией нет магических возможностей. Но теперь, когда штурм захлебнулся, он мог представить, как некто вопит по радио, отдавая приказы и срочно исправляя эту оплошность. И когда эта гадина появится, мало им не покажется.

Смеланд смачно выругалась и выдернула из разъема провод, соединяющий ее с пультом.

— Что случилось? — спросил Коршун.

— Они обнаружили последний из моих сенсоров и вынули его, — в отчаянии проговорила Тереза. — Я ослепла.

Модал взглянул на нее:

— Значит, сейчас они будут здесь.

Смеланд кивнула.

— У меня есть еще один, последний сюрприз, но нужно подгадать по времени. — Она пожала плечами. — И кто знает, будет ли этого достаточно.

— Взрывчатка на лестнице? — догадался эльф.

— Подвесные фанаты на потолке.

Модал охнул.

— Я их попробую взорвать, когда там в самом деле кто-то будет. А потом… — Смеланд выразительно повела плечами.

Что-то гулко стукнуло в верхнюю дверь. Коршун увидел, как тяжелый металл затрясся от удара, и дверь чуть было не сорвалась с петель. Он вопросительно взглянул на Смеланд.

В руках у женщины откуда-то взялся небольшой пистолет. Но она не собиралась им пользоваться. Все ее внимание было занято дверью, а пальцы зависли над ключом на кибердеке.

Коршуну хотелось закричать: «Давай!..»

— Еще рано, — пробормотала она.

Град пуль застучал по двери, но насквозь не прошла ни одна. Коршун знал: чтобы пробить такую толщу металла, необходимо куда более серьезное оружие. Но, конечно, это была лишь прелюдия к возобновлению штурма. Юноша проверил, заряжен ли пистолет, который он украл у мертвеца в номере «Шератона». Четырнадцать патронов. И все. Ни одной запасной обоймы…

Еще один залп по двери, и тут же огненный шквал по окнам. Коршун пригнулся, когда вокруг рикошетом засвистели пули.

— Чертово дерьмо… — Это был голос Слай.

Ее глаза были открыты, но взгляд еще мутный. Слай протянула трясущуюся руку и из последних сил выдернула разъем из пульта данных. Она начала было приподниматься, пытаясь сесть, но Модал уже подскочил и вовремя толкнул ее на пол.

— Опусти свою чертову голову, если не хочешь, чтобы ее отстрелили! — прорычал он.

— Что происходит?

— Потом, — ответил эльф, — если живы будем. — Он повернулся к Смеланд: — Где черный ход?

Удерживая пульт на коленях, та набрала на кибердеке короткую команду. Что-то щелкнуло, зашумело, и стена в дальнем углу комнаты распахнулась, словно дверь.

— Там лестница и выход на улицу.

— Ты пойдешь первая, Т.С., — приказал Модал. — Давай, и ни в коем случае не останавливайся. Ты, Шерон Луиза, следующая. А ты, — он ткнул пальцем в Коршуна, — поможешь ей спуститься и уйти как можно быстрее. Я прикрою.

Коршун видел, что Слай хочет возразить, но схватил ее за плечи и потянул, пытаясь поднять на ноги.

— Двигай! — отрывисто скомандовал он. Почти бессознательно парень подхватил кибердек и сунул себе под мышку.

Палец Смеланд опустился на клавишу, и комната заполнилась гулом множества взрывов. Послышались вопли. Осколки дождем забарабанили по металлической двери. Коршун поежился, представив, как взрыв сдирает мясо с костей…

Ударная волна от гранат еще эхом грохотала в стенах, а Смеланд уже проскочила через потайную дверь. Коршун бросился за ней и протащил через дверь Слай.

Они очутились в небольшой прихожей. Смеланд уже открыла люк и спустилась по металлической лестнице на первый этаж. Она сделала знак, чтобы они поторопились.

— Давай, — приказал Коршун Слай, — двигай! Ну быстрее же!..

Слай все еще выглядела ошеломленной — была в глубоком шоке, так называли это состояние декеры, — но быстро сообразила, что от нее требовалось. Она прыгнула сразу на середину лестницы, а с последних полутора метров соскочила на пол.

Настала очередь Коршуна.

— Лови. — Он бросил кибердек вниз и не стал смотреть, успеет ли Слай его поймать.

Обхватив лестницу, Коршун уперся ногами во внешние

стороны вертикальных опор и соскользнул вниз. Тотчас же он услышал еще один взрыв и треск оружейного огня в комнате наверху. В следующее мгновение в отверстии люка появился Модал.

Коршун едва успел отклониться, чтобы Модал его не задел. Эльф решил спрыгнуть вниз, чтобы не возиться с лестницей.

— Убираемся отсюда ко всем чертям! — завопил он. В подкрепление своих слов он поднял пистолет и расстрелял всю обойму. Наверху раздался визг.

Смеланд уже открывала наружную дверь, Слай стояла рядом с ней. Коршун оглянулся на Модала. В сером утреннем свете он увидел кровь, текущую из раны, на шее эльфа.

Смеланд выскочила наружу, Слай — за ней. Коршун замешкался. Модал вынул из пистолета пустую обойму и пытался выудить из кармана запасную. Но его левая рука фактически не действовала. Она, казалось, не повиновалась приказам, которые ей посылал мозг. «Он умирает, — понял Коршун. — Теперь и он умирает».

— Модал! — закричал он.

Эльф повернулся, и Коршун бросил ему свой пистолет. Модал на лету здоровой правой рукой поймал его. Повернувшись, он прошелся короткой очередью по лестнице. На этот раз криков не было, но Коршун услышал чавкающие звуки — это пули ударяли в живую плоть.

— Скорей! — донесся снаружи голос Смеланд. Коршун повернулся и побежал. За ним бросился и Модал.

Выскочив на улицу, Коршун с удивлением увидел там большой старый «форд», модель двадцатых — тридцатых годов. Двигатель машины уже работал. Смеланд сидела за рулем, Слай рядом с ней. Задняя дверца была открыта.

Коршун бросился на широкое заднее сиденье и протянул руку, чтобы помочь забраться внутрь раненому Модалу.

Но тот поднял пистолет и обернулся.

Инстинкт не подвел эльфа. В дверях появилась фигура с тяжелой винтовкой у бедра.

Модал открыл огонь первым — это была длинная очередь, которая разворотила человеку горло и превратило его лицо в месиво. В последних судорогах пальцы мертвеца нажали спусковой крючок. Ружье громыхнуло.

Заряд попал Модалу прямо в грудь и отбросил его на автомобиль. Мгновение эльф оставался на ногах, затем рухнул на землю.

— Дьявол!

Коршун упал на сиденье, выполз наружу и, подхватив эльфа

под руки, втянул его в машину. Он не смог закрыть дверцу, но было не до того.

— Давай! — закричал он Смеланд.

Автомобиль сорвался с места. Завизжали колеса. Коршуна отбросило на сиденье.

Позади раздался пронзительный крик — слов было не различить. Впереди послышались выстрелы. Что-то стукнуло в металлическую обшивку автомобиля, но Коршун не понял: это пуля или бандит, не успевший убраться с дороги. Слай выстрелила в ответ, от грохота ее большого револьвера у юноши зазвенело в ушах. Но, похоже, непосредственная опасность осталась позади. Коршун ругался, пытаясь что-нибудь сделать с дверцей. Смеланд бросила автомобиль в крутой до визга колес левый поворот, и дверца захлопнулась сама собой.

— Как он? — Слай обернулась и протянула руку через спинку сиденья.

Коршун мог бы и не отвечать. Вся грудь эльфа представляла собой массу разорванной окровавленной плоти. На нем был бронежилет — наверное, неплохая защита от легкого оружия. Но против выстрела штурмовой винтовки, почти в упор, с расстояния меньше десяти метров? С таким же успехом эльф мог носить майку. «Он уже покойник, — понимал Коршун, — или умрет через минуту. И жизнь, сколько бы ее ни осталось, не будет для него блаженством».

Оказалось, Модал был все еще жив. Он попробовал вздохнуть и закашлялся, пуская изо рта розовые пузыри. Коршуну хотелось отвернуться, но он усилием воли взял себя в руки.

Слай *знала.* Парень прочел это на ее лице. Наклонившись, она взяла эльфа за руки и крепко их сжала. Глаза у Модала открылись, он посмотрел на Слай.

— Ну как, Шерон Луиза? — спросил эльф. Он опять закашлялся, алая артериальная кровь струйкой побежала у него изо рта.

Коршун заметил, что глаза Слай полны слез.

— Господи, — печально промолвила она, — Господи…

— Я не боюсь, Шерон Луиза, — проговорил Модал сквозь жуткое бульканье, — я не боюсь и не жалею. А следовало бы, тебе не кажется? В конце концов, это ведь часть всего?..

Он вдохнул, как будто хотел сказать что-то еще, но тело резко дернулось в конвульсиях, и воздух беззвучно вышел из легких.

Это уже второй. Этой мысли было достаточно, чтобы холод и ужас пронизали Коршуна до мозга костей. «Уже два человека погибли, умерли на моих руках. А сколько их еще будет, прежде

чем это дерьмо закончится?»

Часть третья
ИЗ КАПКАНА

ГЛАВА 19

14 ноября 2053 года, 08.50

Теперь они остались одни: Слай и подросток Коршун. Смеланд предложила свою помощь, но скорее из вежливости и в память прошлой дружбы. Хоть Тереза и старалась не показывать вида, она явно испытала облегчение, когда Слай отказалась от ее предложения.

Смеланд отвезла их в пригород, точнее — в какие-то трущобы. По ее словам, это было самое подходящее место, чтобы спрятаться и переждать, пока все не утихнет… если все это когда-нибудь утихнет. Когда Тереза остановила машину, Слай открыла рот, чтобы попросить подругу еще об одном одолжении, но та ее опередила.

— Можешь взять машину, — спокойно сказала Тереза. — Тебе она нужна. Кто бы ни были эти бандиты, они в конце концов нападут на твой след. Машина, по крайней мере, позволит тебе уйти. И еще… Я могу тебе помочь… с ним, — добавила Смеланд, кивком указывая на Модала. — У меня есть друзья, которые позаботятся об этом.

Слай молча кивнула. Сама она не знала, что делать с телом. Ей не хотелось так просто взять и бросить где-нибудь безжизненную оболочку Модала, но другого выхода не было. Она облегченно вздохнула, когда Смеланд решила за нее эту проблему.

Дом, куда их привезла Смеланд, оказался местом сборища орков. Это был старый магазин, превращенный во что-то вроде общежития. Тереза зашла внутрь и минуту спустя появилась в сопровождении трех дюжих молодцов. Они были одеты в кожаные куртки, но Слай не смогла определить, к какой банде эти орки принадлежат. «Мальчишка наверняка знает», — подумала она и взглянула на Коршуна, но не стала у него спрашивать.

Орки открыли заднюю дверь и вытащили тело Модала. Не обращая внимания на прохожих, по большей части тоже орков, самый сильный из троицы перебросил окровавленное тело эльфа через плечо и понес внутрь здания. Слай нервно оглядывалась: она со страхом ожидала, что кто-нибудь из прохожих вмешается или даже вызовет патруль. Но вокруг царило спокойствие, если не полная скука, и это показалось ей страшнее всего.

Второй орк подошел к заднему сиденью и вытер полотенцем следы крови. Выбросив промокшую ткань на мостовую, он постелил другой кусок материи — почти тряпку — поверх пятен.

И все. Орк усмехнулся, выставив наружу щербатые клыки,

повернулся и ушел.

К разочарованию, но и к невольному облегчению Слай, Тереза больше не появилась. Не надо было прощаться, раскисать, вытирать слезы, говорить Т.С., как Слай благодарна ей за помощь. Она махнула рукой, указывая Коршуну место на переднем сиденье, села за руль и отъехала. Слай опустила стекло, надеясь, что ветер унесет густой запах крови и смерти.

Перво-наперво следовало избавиться от машины — бросить эту и угнать другую. Но что потом? У Слай не было ответа. Забиться в щель и ждать, пока все затихнет?

Но эта заваруха *сама по себе* не кончится, не так ли? Начнется война корпораций. В конце концов кто-нибудь выследит Шерон Луизу Янг, будет пытать ее, пока все не узнает, а потом убьет. Рано или поздно это случится, ее выследят, где бы она ни спряталась. Раньше или позже кому-то повезет… и скорее раньше, чем позже. Так что теперь делать прикажете?

Слай взглянула на кибердек, который лежал под ногами у Коршуна. Мальчишка утащил его из дома Смеланд, фактически спас. Ну надо же, до чего кстати!

«Возможно, стоит пойти на сделку с Юргенсеном, — подумала Слай. — Он ведь и кое-что дельное говорил. Силы ЮКАС наверняка смогли бы защитить меня от корпораций. Если будут соблюдать условия соглашения, — мысленно поправила себя она. — И если они сами меня не прикончат, как только получат технологический секрет».

Доверие. Все упирается в доверие. Насколько можно доверять Юргенсену? Уверена ли она, что он сдержит обещание сохранить ей жизнь, а главное — использовать технологию так, чтобы не дестабилизировать весь этот проклятый континент?

«Нет, — подумала она и почувствовала почти физическую боль. — Я не верю ему. Как я могу ему верить?»

Так что же остается? Разве она только что не отбросила все возможные варианты?

Слай слегка покачала головой и с трудом сбросила с себя оцепенение отчаяния. «Думай о настоящем, — приказала она себе, — о будущем позаботишься позже. Сейчас самое важное — раздобыть другую машину. И еще этот мальчишка».

Она повернулась к индейцу:

— Где тебя высадить?

— А? — Коршун задумался и не понял, что она сказала.

— Я где-нибудь высажу тебя, — терпеливо повторила Слай. — Где?

Он ответил не сразу, и Слай почувствовала его смятение.

— Нет, — сказал наконец Коршун, он почти шептал. Страх

стоял в его глазах, когда он посмотрел на Слай, но выражение лица было решительным. — Нигде.

Слай чуть было не наорала на него, но заставила себя говорить спокойно:

— Это не твоя игра.

— Может, и моя.

— *Почему?*

Слай в упор посмотрела в лицо индейца и увидела, что у того есть ответ. Коршун мучительно пытался найти нужные слова, чтобы ясно объяснить ей то, что он чувствует. Слай не торопила его. И не подсказывала. «Пусть подумает», — сказала она про себя.

Через минуту юноша наконец пожал плечами.

— Это мой выбор, — сказал он тихо, ровно. — Это моя жизнь, я могу делать с ней все, что хочу.

— Но это и моя жизнь, дружок.

Он кивнул.

— Если ты хочешь избавиться от меня, то так и скажи. Но если у тебя нет на это веской причины, я хочу остаться в игре.

Теперь настал ее черед подумать. Она съехала к обочине и остановила машину. Слай всматривалась в лицо юного индейца, видела его страх, надежду и отчаянное выражение решимости.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

— В этом весь вопрос, верно? Еще не знаю, — призналась Слай. — А как считаешь ты?

— Надо выбираться из города, — тут же ответил он. — Корпорации охотятся за тобой только в Сиэтле и в ЮКАС, так ведь?

— Пока — да.

— Так выбирайся, — повторил он. — Проскользни через границу, поезжай в какое-нибудь тихое место. Дай себе время — дай нам время — обдумать следующий шаг. Если хочешь использовать эту штуку, — он похлопал по кибердеку, — то это можно сделать где угодно, правильно? Чем быть сардиной в банке, лучше из этой вонючей банки выбраться, как считаешь?

По выражению лица мальчишки, по его легкому смущению она поняла, что аналогию он придумал не сам, скорее всего, услышал ее по тридео. Но смысл от этого не менялся.

Действительно, почему бы не выбраться из банки?

— И куда бы ты сам отправился? — медленно спросила она.

— В земли сиу. — Он ответил моментально, как будто давно думал над этим. — Меньше корпов, меньше закулисной возни. Совет старейшин держит такие вопросы под строгим контролем.

«Я слышала совсем другое, — подумала Слай. — Но…»

— Так ты там бывал?

Снова тень смущения легла на лицо парня.

— Нет, — неохотно признался он, — но я знаю. Это хорошее место.

Возможно. Слай трудно было определить, насколько энтузиазм индейца опирался на факты, а насколько — на сентиментальные фантазии.

Но в его предложении все же что-то было. Выбраться из мегаполиса — из банки — действительно было необходимо. Земли сиу… Что ж, логично. Придется пересечь только одну границу. Разве отказ от ненужных сложностей — не одно из первых правил в любой операции?

И все же это может оказаться не лучшим выбором. Как это ни отрицает межплеменной совет, события в Сиэтле сильно влияют на события в Сейлиш-Шайд. Если война корпораций будет разгораться, то новости прежде всего просочатся именно сюда. Весьма вероятно, что все мегакорпорации, имеющие своих представителей в Сейлиш-Шайд, уже действуют так же активно, как и в Сиэтле.

Так куда же еще бежать? В Тир Таирнгир? Невозможно, у эльфов практически еще нет представителей корпораций; эльфы их не пускают, вот и все. Но те же территориальная паранойя и изоляционизм, которые сдерживали нашествие мегакорпорации, означали, что пересечь границы Тира будет еще тяжелее, чем границы Корпоративного Совета Пуэбло, — а это тоже ни к чему. Какая разница, прихлопнет тебя поисковый отряд корпорации или пограничный патруль Тира? Смерть есть смерть.

Цимшайэн? Там происходят странные вещи. Об этом государстве ходят слухи, и сплетни передают даже в сводках новостей. Не то Армия Национального Освобождения Хайды, не то еще какие-нибудь проходимцы пытаются сбросить правительство — в очередной раз. Прыгать в гущу революций, путчей, общественных беспорядков и бесконечных казней было бы совсем неразумно.

Так что оставались земли племен сиу и юта, объединенные общим названием Сейлиш-Шайд, — если выбирать по минимальному числу нелегального пересечения границ. По правде говоря, об этих странах Слай знала недостаточно, чтобы сделать осознанный выбор. Так почему бы не положиться на интуицию мальчишки?

— Куда ты бы отправился в Сиу? — спросила Слай.

— Думаю, в Чиенн. Это столица, самый большой город. — Он улыбнулся. Это была настоящая улыбка, без всякой тени притворства, а главное — без страха. — Больше теней, среди

которых можно затеряться, так?

А какая, к дьяволу, разница?

— Почему бы и нет, — сказала Слай, скорее утверждая, чем спрашивая.

— Я еду с тобой, да? — нетерпеливо спросил парень.

К кому еще она могла обратиться за помощью? Ни к кому.

Слай кивнула. Действительно, почему бы и нет?

* * *

Слай припарковала машину в аллее, позади дома Агарвала, у широкого спуска, ведущего к гаражу бывшего декера. Она заглушила двигатель.

— Почему мы остановились здесь? — недоуменно спросил Коршун. — Почему не у парадного входа?

— Нам нужна другая машина, — объяснила Слай. — На этой дальше не поедем.

— И что, нам тут ее подарят? Или сами возьмем?

Слай улыбнулась.

— Не беспокойся, — сказала она. — Если повезет, раздобудем тут и поддельные документы: они нам понадобятся на контрольных пунктах на границе. — Она выбралась из машины. — Жди меня здесь, я скоро вернусь. — Голос ее внезапно дрогнул. — Что такое?

Слай смотрела на старую церковь. Дверь черного входа была взломана. У Слай внутри все похолодело. Она сунула руку под куртку и погладила рукоять револьвера.

— Оставайся здесь, — приказала она.

— К черту! — Индеец выкарабкался из машины и снял свой автоматический пистолет с предохранителя. Потом перебросил через плечо ремень, к которому крепился кибердек Смеланд.

Секунду Слай раздумывала, стоит ли брать мальчишку с собой. Но как заставить его оставаться в машине? Он подчинится только тем приказам, которые сочтет разумными. Не драться же с ним, в самом деле… В любом случае лишний ствол не помешает.

Слай поднялась по ступенькам к двери и на секунду остановилась, прислушиваясь.

Изнутри не доносилось ни звука. Носком ботинка Слай медленно отвела в сторону дверь, пока та не ударилась о стену. Потом вытащила пистолет и шагнула внутрь дома.

Слай знала систему безопасности в доме Агарвала. Сигнализация должна была сработать просто под действием ее веса. Но не сработала. Это означает, что либо Агар вал отключил

ее сам, либо тот, кто оставил дверь открытой, сумел перехитрить одну из самых мощных систем безопасности в Сиэтле. Не самая приятная мысль.

Слай опять остановилась и прислушалась. И снова — тишина.

Чувствовалось, что дом пустой, безжизненный. К горлу Слай подступил комок. Она махнула рукой Коршуну — мол, следуй за мной — и двинулась по дому в поисках Агарвала.

Она нашла его в кабинете и сразу поняла, что Агарвал мертв. Он сидел в своем кресле с высокой спинкой, и длинные ремни удерживали его в этом положении. Один ремень — вокруг талии, другой — вокруг шеи, так, чтобы Агарвал не мог упасть вперед. Ремни, примотанные к ручкам кресла, охватывали запястья. Другие обвивались вокруг ног, оттягивая их назад, под кресло. Кто-то разрезал одежду Агарвала, а потом начал резать его самого. Лицо Агарвала было белым, как пергамент. Глаза его были открыты, потому что кто-то отрезал Агарвалу веки. Пальцы его, похожие на скрюченные когти, сжимали подлокотники, и косточки пальцев были белыми, как слоновая кость. Под стулом лежал пластиковый коврик. Кто-то расстелил его, чтобы собирать кровь (и не только кровь), — результаты, отходы… Это был знак бессмысленной, изуверской аккуратности.

Агарвал умирал долго. Слай не смогла бы объяснить, почему она в этом уверена, но это было так. Агарвала убили профессионалы, искушенные в своем мастерстве. Ему не дали умереть легко.

Слай отвернулась и закрыла глаза.

Вдруг за ее спиной раздался шорох. Слай резко обернулась и выхватила револьвер.

Конечно, это был Коршун. От ужаса глаза его вылезли из орбит, а лицо стало почти таким же белым, как у Агарвала. Он выронил свой пистолет и отвернулся.

Слай судорожно вздохнула. «Прости, — мысленно сказала она Агарвалу. — Прости меня. *Я* сделала это. Не я орудовала ножом, щипцами, зондами. Но все же я сделала это. Потому что я позвала тебя на помощь до того, как осознала всю опасность игры, в которую ввязалась».

— Кто это сделал? — прошептал Коршун.

— Не знаю.

Мальчишка внезапно схватил пистолет и втянул голову в плечи.

— Они не оставили наблюдения за домом, — сказала Слай. — Иначе мы уже были бы мертвы. Или еще хуже.

— Нас разве тут не ждали? — недоверчиво спросил Коршун.

— Видимо, нет.

Коршун подскочил к двери:

— Тогда нам нужно уходить. Эти сволочи могут вернуться.

— Да.

Но она не двинулась. Она не могла покинуть Агарвала. Она должна была что-нибудь сделать…

— Нам пора, — торопил Коршун.

Конечно, он был прав. Слай все равно ничего не могла сделать для своего друга. Не устраивать же пышных похорон…

— Вниз, — заставила она себя выговорить. — Мы возьмем одну из его машин.

Коршун колебался. Ему не хотелось ни секунды оставаться в этом доме.

— Пойдем, — сказала Слай и потянула его за руку. — Агарвалу машины больше не понадобятся.

ГЛАВА 20

14 ноября 2053 года, 09.42

Изумленный Коршун смотрел на множество великолепных машин. Ему ни разу не приходилось видеть ничего подобного. Он осторожно, почти нежно, провел рукой по капоту одной из них. Автомобилю было тридцать лет — вдвое старше Коршуна, — а он выглядел так, как будто только что выкатился с конвейера. Любая из этих машин стоила больше, чем его семья потратила бы за всю жизнь. А сколько их тут было — дюжина? Коршун в благоговении склонил голову перед всей этой высокоскоростной техникой, собранной в одном месте.

Но они не сохранили своего владельца, так ведь?

Он скорее почувствовал, чем услышал, как Слай подошла к нему.

Она приняла смерть старого друга слишком близко к сердцу. Что, конечно, не удивительно. Это и Коршуна выбило из колеи, а он даже не знал беднягу. Ну и жуткая же смерть!..

Но несмотря на то что Слай была потрясена, соображала она все-таки неплохо. Лицо ее было бледно, глаза блуждали, но, похоже, она овладела собой. В руке у нее была связка ключей от машин, а под мышкой увесистый портативный компьютер.

— Зачем он тебе? — спросил Коршун, указывая на компьютер. — У нас есть вот это. — Он похлопал по кибердеку, висящему у него на плече.

— Нам же нужны пропуска, чтобы перебраться через границу. — Голос Слай звучал ровно, безжизненно. — Думаю, с помощью этой штуки я смогу что-нибудь сделать.

Коршун кивнул. Он всерьез не задумывался над тем, как они пересекут границу. Когда он представлял, как он выберется из города и направится на юго-восток в земли сиу, в мечтах никогда не представлял себе ни пограничных постов, ни проверки документов и тому подобной муры. Он просто оказывался там — и все. Но сейчас предстояла встреча с реальностью, а не с мечтой.

— Неплохая идея, — сказал он.

Слай прошла вдоль выстроившихся длинными рядами машин, направляясь к одной из них. Подошла, открыла дверцу.

Пока она пристраивала компьютер в багажный отсек за передним сиденьем, Коршун осмотрел машину. От бампера до бампера было почти пять метров, и не более метра в высоту: верх крыши доходил юноше лишь до уровня живота. Необычно очерченный капот говорил о мощном моторе. Машина выглядела ошеломляюще быстрой, даже когда стояла на месте. Коршун пнул

ногой одну из толстых шин.

— Что это? — спросил он.

— Это «коллоуэй». — Голос Слай казался глухим и тусклым. — Усовершенствованный «корвет», выпущен в 1991 году. Он… — Слай поколебалась, и Коршун услышал, как она с трудом сглотнула. — Он рассказывал мне о ней, но я не помню, что он говорил. Садись.

Коршун кивнул. Он обошел машину и открыл дверцу. Сиденья были низкими, почти как в истребителе, — Коршун раз видел истребитель по тридео. Заднего сиденья не было — просто небольшое, застланное ковром пространство позади передних сидений. Парень запихнул туда кибердек Смеланд так, чтобы он не пострадал от тряски. Затем проскользнул внутрь и почти утонул в мягком сиденье. Наконец Коршун захлопнул дверь.

Слай регулировала высоту своего сиденья и устраивала свои длинные ноги под рулем.

Коршун оглядел машину изнутри и с нескрываемым изумлением уставился на выпуклую приборную панель — сложную стереосистему, установленную над коробкой передач. «Неужели ее сделали в 1991 году?» — удивился Коршун. Нет, техника шестьдесят лет назад не была еще так развита, этого не может быть. *Или может?* Он вспомнил, как Ночной Бродяга говорил о том, что технический прогресс был замедлен крахом двадцать девятого года. Может, все так и было…

Юноша увидел, что Слай озадаченно смотрит на приборы, на руль, на рычаг передач. Он вытянул шею, чтобы взглянуть вниз, на педали.

— Что случилось? — спросил он.

— Нет проводов управления, — пробормотала она себе под нос.

Ну конечно же нет — какие провода управления в 1991 году?

— Ну и что? — спросил юноша.

Потом он глянул на разъем на лбу Слай и понял. Она не могла управлять чем-то, что управлялось вручную.

— Хочешь, я займусь этим?

В быстром взгляде Слай сквозило сомнение. На мгновение Коршуна охватил гнев. «Она все еще думает, что я мальчишка, просто пацан!..»

— Ты умеешь управлять такой штукой? — Вопрос Слай прозвучал скептически.

— Этой? Запросто! — Гнев придал голосу Коршуна оттенок презрения.

Слай колебалась.

— Или я, или никто, так ведь? — уже спокойнее добавил он.

Слай колебалась еще мгновение, затем кивнула:

— Давай.

Они поменялись местами. Сиденье водителя было еще ниже, чем у пассажира, педали далеко впереди. Коршун пошарил в поисках ручки регулирования сиденья, нашел небольшую панель с кнопками. Немного помучившись, он наклонил руль вниз, так что тот почти касался его бедер. Потом, улыбнувшись Слай, потянулся вперед и повернул ключ.

Двигатель завелся сразу. Послышалось низкое, ровное урчание. Приборы ожили, стрелка указателя топлива поползла вверх. Так, бак полон бензина. *«По крайней мере, об этом мне не надо беспокоиться»,* — подумал Коршун.

Он нажал на педаль газа. Выжал педаль сцепления и проверил ход рычага передач. Коробка была тугая, точная, намного лучше тех, которыми ему доводилось пользоваться прежде. Коршун стал сомневаться, действительно ли он сможет управлять этой штукой.

Но потом он отбросил все сомнения. Он же сам сказал: либо он, либо никто.

— Как насчет двери? — спросил он.

Слай дотянулась до маленькой коробочки, прикрепленной к щитку, и нажала кнопку. Большая дверь в стене бесшумно поднялась.

В последний раз проверив схему переключения передач на рукоятке рычага, Коршун включил первую скорость, затем осторожно, почти робко, начал отпускать сцепление. Большая машина плавно выкатилась наружу.

Управлять автомобилем оказалось просто удовольствие. Теперь, когда Коршун почувствовал педали, его страх перед мощным двигателем перешел в неподдельное восхищение. Мощность была невероятной. Машина двигалась достаточно плавно, так что Коршун ни разу не почувствовал, что она может выйти из-под контроля. Постепенно юноша стал ощущать Машину, как собственное тело.

Он посмотрел на Слай, радуясь, что ее побелевшие пальцы отпустили ручку двери.

— Куда? — спросил он небрежно.

— Восточный выезд, — ответила она. — Магистраль 90. Но подальше от Центра, — добавила она торопливо.

Он фыркнул:

— Это я и сам знаю.

Слай повернулась, протянула руку и достала компьютер, который она вынесла из дома погибшего Агарвала. Примостила его на коленях, открыла клавиатуру. Потом, будто какая-то мысль

пришла ей в голову, с сомнением взглянула на Коршуна.

Он широко усмехнулся.

— Успокойся, Слай, — сказал он ей. — Занимайся своими делами. С колесами проблем не будет.

Она почувствовала искреннюю уверенность в его голосе и кивнула, слегка улыбнувшись. Потом принялась настраивать компьютер и разматывать волоконно-оптические провода.

«Пусть повозится со своей игрушкой, — подумал Коршун, — а я поиграю со своей».

Магистраль 90, но с объездом центра города. «Ничего, что-нибудь придумаем, — подумал Коршун. — Главное, все дороги — скоростные, а это меня вполне устраивает».

Он повел машину на юг, потом свернул направо. Подъезжая к шоссе, он заметил, что машин на дороге относительно немного. Коршун улыбнулся и нажал педаль газа.

Машина рванулась вперед, вжимая Коршуна и Слай в сиденья. Слай взвизгнула.

— Все в порядке, подруга, — успокоил Коршун. — Эта малышка на многое способна. — Он почувствовал на себе взгляд Слай, но не отрывал глаз от дороги. — Я могу с ней *освоиться.*

Он разогнал машину до 115 миль в час — более 180 километров! — прежде чем сбавил скорость. Машина шла так же ровно и уверенно и была так же послушна, как и на скорости в пятьдесят километров в час.

Да-а, он действительно смог с ней освоиться.

ГЛАВА 21

14 ноября 2053 года, 14.00

«Ну и погано же я себя чувствую, — подумала Слай. — Мне нужно выспаться».

Она потянулась к кнопкам управления сиденьем и еще дальше откинула спинку.

Сиденье было удобное, насколько оно может быть удобным после шести часов непрерывной езды. Низкий гул двигателя и шелест шин по дороге уже должны были усыпить ее, но Слай не могла заснуть, хотя была на грани нервного истощения.

Несколько раз ей это почти удалось, но даже и в полудреме мысли ее все время возвращались к пережитым кошмарам. Модал, выплевывающий с последними вздохами кровавую пену. Изуродованное тело Агарвала. Она просыпалась, не успев заснуть.

Они наконец-то выбрались и из Сиэтла, и вообще из ЮКАС. Пришлось пережить пару тяжелых минут, когда пересекали границу. Слай была совершенно уверена, что данные, которые она нашла в компьютере Агарвала и потом записала в оптические схемы двух кредиток, пройдут любой досмотр. Но быть совершенно уверенной и знать — разные вещи. Когда Коршун — теперь Дэвид Корнуэл — передавал пограничникам кредитки, Слай всю скрутило от страха. Если пограничники не поверят поддельным идентификаторам и паспортам Дэвида Корнуэла и Синтии Югоровски, то не отпустят Слай и Коршуна, пока не узнают их настоящие имена. А когда эти имена попадут в Матрицу, кое-кто может ими заинтересоваться.

Но все прошло гладко. Патрульный офицер вставил их кредитки одну за другой в машинку, укрепленную у него на поясе, сканировал через разъем их данные. Задал пару стандартных вопросов: цель поездки (хотя она и была записана в разрешении на проезд), домашний адрес — Коршун отвечал довольно уверенно. (Еще бы он не ответил, после того как Слай как следует натаскала его!) И только она подумала, что их уже пропускают, как чертов патрульный решил поболтать о машине.

Слай заставила себя расслабиться. Все это бывало и раньше. Задав пару вопросов о литраже и лошадиных силах — Коршун тут же придумал что-то в ответ, — патрульный махнул им и перешел к следующей машине.

На шоссе почти не было транспорта. Коршун и Слай ехали к одному из перевалов Каскадных гор через местность, которая называлась раньше Сноквилмским Национальным парком. Небо было затянуто тяжелыми черными тучами, но дождь пока не

начинался.

Хотя дорога была мокрой, унылые пятна снега лежали только на траве у обочины. Слай знала, что для середины ноября в Каскадных горах это необычно. В Сиэтле снега уже давно не видели — спасибо индустриальному микроклимату и локальному парниковому эффекту, — но в горах сугробы достигали нескольких метров в высоту. Дороги через перевалы вроде Сноквилми часто оказывались непроходимыми, особенно с тех пор, как совет Сейлиш-Шайд решил, что снегоочистители — это неподобающая технология. Вот почему Слай радовалась, что снега нет. Такая легкая машина, как их «коллоуэй», не прошла бы через сугробы.

Вокруг возвышались покрытые лесом горы Каскадной гряды. Из-за ограниченного обзора можно было не заметить, что перевал Сноквилми на километр выше окружающих его равнин, а вершины рядом возвышаются еще на километр. Слай заметила вдали вулкан Рейнир, нависавший над соседними вершинами.

Рейнир потерял свою верхушку в 2014 году, во время войны, когда один из индейских вождей, Даниэль Воющий Койот, начал операцию под кодовым названием «Великий танец теней», но все равно вулкан был высотой более четырех тысяч футов. Кроме коротких деловых поездок, вроде той, когда она посетила Токио, Слай никогда не покидала Сиэтла. До этого она ни разу не была в Каскадах, хотя до них было всего два часа езды.

Слай всегда думала, что они похожи на Скалистые горы, которые она видела, когда ездила по делам на Аляску. (Там было логово великого дракона Дункелзана, но к ее работе это не относилось — и слава всем богам, какие там были!) Скалистые горы ей понравились. Они были такие красивые, величественные и даже немного пугающие. Слай вспомнила, как слева от шоссе возвышались вершины, вонзающиеся в низкие облака. Одну она запомнила особенно хорошо — массивный скальный выступ с совершенно плоской вершиной. Эта гора показалась ей ступенькой лестницы богов. С южной стороны она обрывалась зазубренным уступом, откуда ветер сдувал длинный шлейф снега. Слай тогда еще подумала, что это обрывки облака, зацепившегося за острую скалу.

Каскадные горы казались старше Скалистых и были закутаны в покрывало из деревьев.

Она взглянула на Коршуна. Если он и устал от дороги, то этого не было заметно. Он выглядел вполне спокойным и даже улыбался, когда мощная машина проходила особенно крутые повороты.

— Как устанешь, скажи, и мы остановимся, — предложила

Слай.

Коршун кивнул в ответ.

Слай наконец нашла удобную позу, закрыла глаза и попыталась уснуть.

Удивительно, но ей это наконец удалось.

Прибрежные горы давно остались за спиной, их сменила сухая полупустыня на юго-востоке Сейлиш-Шайд. Тучи тоже остались за горами, и теперь раннее вечернее небо было чистым и ярко-голубым. Здесь тоже не было и следов снега, а это значило, что нарушения климата не ограничивались Сиэтлом. Когда Слай была ребенком, снег в ноябре выпадал всегда. В это время земля уже должна была промерзнуть и сделаться как каменная.

Был уже шестой час вечера, солнце садилось, а температура все еще оставалась выше нуля. Наверное, градусов десять по Цельсию. Слай лениво размышляла, придерживаются ли еще в Сейлиш-Шайд древней системы Фаренгейта. Погода была явно необычной. Температура, вероятно, очень быстро упадет с приходом темноты, но вряд ли их ожидает снегопад.

Им необходимо будет заправиться вскоре после выезда на равнины, и Слай слегка забеспокоилась. На многих станциях машины заправлялись метанолом или природным газом — бензиновые автомобили теперь встречались редко. И что еще хуже — Коршун был в этом уверен, — им нужен высокооктановый бензин без свинца, очень редкий вид топлива.

Однако беспокоиться было практически не о чем. Они находились на 90-м шоссе — главной магистрали между Сейлиш-Шайд и Алгонкин-Маниту.[14] Видимо, поэтому на дороге было много транспорта, в том числе и «дальнобойных» бензиновых машин. На первой же заправке они нашли топливо для своего автомобиля. (Разумеется, по сумасшедшей цене, но выбирать не приходилось.)

Вскоре они свернули на юг. Карта, которую Слай купила на заправке (она была напечатана на настоящей бумаге), помогла им уточнить маршрут. Главная проблема — сохранить скорость, а для этого надо как можно дольше оставаться на старых шоссе с хорошими покрытиями. И при этом не соваться на территорию Алгонкин-Маниту или Тир Таирнгир. (Чем меньше чертовых пограничников, тем лучше.)

Но единственная крупная дорога проходила через Юту, поэтому пришлось перейти на голубые шоссе — второстепенные дороги, пока Слай и Коршун не доехали до Рок-Спурс. Оттуда уже был прямой путь на восток, прямо в Чиенн.

«И что потом?» — думала Слай. Пришла ли она к какому-нибудь решению или поездка была только способом оттянуть

время?

«Нет! — резко оборвала она себя. — Ты не должна так думать».

Она взглянула на Коршуна.

— Мы можем ехать быстрее?

В ответ он только ухмыльнулся и еще сильней нажал на акселератор.

ГЛАВА 22

15 ноября 2053 года, 00.10

Этот чертов мотель был слишком близко к чертову шоссе, а его, Коршуна, чертова кровать стояла слишком близко к чертову окну!

Каждый раз, когда один из длинных грузовых трейлеров громыхал рядом, юноше казалось, что от грохота у него повыпадают зубы. А когда все эти тонны металла проносились мимо, ударная волна била по окнам и стенам, сотрясая их, как будто за окном взорвалась фаната. «И считается, что мы в это время спим?» — ворчал про себя Коршун.

Он посмотрел на соседнюю кровать, где, свернувшись, как маленький ребенок, лежала Слай. На мгновение он так разозлился, что ему захотелось со всей силы пнуть ее ногой. Какого черта она смеет спать, если он глаз не сомкнул? Они кидали монетку, чтобы определить, на какой кровати кто спит, но эта чертова монета была ее и это она ее подбрасывала!

Но злость прошла. Неужели он бы заснул на несколько шагов дальше от шоссе? «Не будь идиотом», — сказал он сам себе.

Может быть, им вообще не стоило останавливаться. Когда Слай показала на мотель, Коршун уже очень устал и решил, что это неплохая идея. А теперь ему казалось, что это была величайшая глупость в его жизни.

«Курорт „Чистые Ключи“». Он фыркнул. Курорт? Черта с два! Старикан при входе даже не взглянул на экран компьютера с личными данными, когда Слай вставила кредитки для оплаты. (Они сохранили свои новые имена — Дэвид Корнуэл и Синтия Югоровски, но Слай поменяла легенду: теперь они оба были из Биллингема.) Коршун благодарил Бога за то, что они оба похожи на индейцев. Им задают меньше вопросов. Например, служащие мотеля.

Но по косому взгляду старикана Коршун сразу понял, о чем тот подумал. Женщина снимает комнату вместе с парнем, который вдвое моложе ее. Коршуну хотелось сразу вышибить мозги у этого типа, однако в глубине души он почему-то желал, чтобы тот оказался прав.

Но, конечно, он был не прав. Слай и Коршун поделили между собой кровати и легли спать — хоть на несколько часов.

Тут-то и проехал первый трейлер.

Рассуждая здраво, Коршун должен был радоваться, что они решили остановиться. Первое знакомство с огромным мультитрейлером, эдаким дорожным поездом, перепугало его

так, что он почти лишился способности здраво мыслить. Коршун вел машину все быстрей — почти двести километров в час, и впереди дорога казалась абсолютно пустой. Встречные автомобили ехали с выключенными передними фарами: на скорости двести в час шофер вряд ли успел бы отреагировать на машину с включенными фарами, он просто врезался бы в нее прежде, чем осознал, что происходит. Так, заметив впереди созвездие крошечных огоньков, Коршун не обратил на это внимания, посчитав зрительной галлюцинацией. Потом вдруг рядом возникла огромная ревущая масса металла. Она со свистом пронеслась мимо, прежде чем Коршун понял, что случилось, и его машина затряслась в потоке воздуха. Теперь Коршун лишь усмехнулся, вспомнив, *как* мгновенно проснулась Слай. Трейлер уже пролетел мимо, только две красные точки остались в зеркале заднего обзора, когда Слай испуганно вскрикнула.

Где-то через десять минут Коршун уже подготовился к встрече со следующим мультитрейлером. Сбросив газ, он снизил скорость до ста пятидесяти, чтобы получше его рассмотреть. На этот раз юноша заметил его метров за двести. Поезд двигался, не включая передних фар, только крошечные, бегущие вдоль бортов огоньки, позволяли догадываться о его размерах. Теперь Коршун успел разглядеть трейлер получше.

Пять сцепленных друг за другом огромных трейлеров составляли внушительную колонну длиной почти сто метров. Они двигались со скоростью около ста двадцати километров в час, так что встречная скорость составляла *двести семьдесят.* Не удивительно, что «коллоуэй» трясло, как самолет, летящий сквозь ураган.

«Какого черта они едут без переднего света? — вышел из себя Коршун. — Идиоты чертовы!»

Он успел рассмотреть единственную деталь. Вместо ветровых стекол у огромного тягача были какие-то щели. Ни один водитель не смог бы увидеть, где он едет и что происходит на дороге, сидя за такой стеной металла. Позже Коршун вспомнил, что успел заметить странные, похожие на шишки устройства на радиаторе тягача. И наконец он понял.

Водители грузовиков в Сиэтле, да и во всем ЮКАС страшно не любили эти штуки. Тридеорепортажи об этом не произвели на Коршуна особого впечатления, но сейчас он все вспомнил. Одна из наций коренных американцев экспериментировала с системой, которую приспособили для дальних грузовых перевозок австралийцы. В автоматизированных грузовиках использовались автопилоты с экспертными системами и искусственным интеллектом. Грузовики обходились без единого человека

экипажа. Ехали без передних фар потому, что датчики в темноте видят лучше, чем опытный водитель днем. Автоматы куда надежней людей — автопилоты не пьют и не употребляют наркотики, не дремлют на работе и, самое главное, не бастуют, требуя повысить зарплату или улучшить условия труда.

Коршун поймал себя на том, что рассуждает, насколько эффективны эти автопилоты. «Что, если бы я случайно пересек разделительную полосу?» — подумал он. Смог бы большой грузовик увернуться от «коллоуэя»? И смог бы затормозить? Или просто протаранил бы его машину? «Скорее всего, последнее», — решил Коршун. Учитывая разницу масс, лобовое столкновение с трейлером будет смертельно для любой машины, но тягач лишь поцарапает. И стоимость покраски будет, вероятно, меньше стоимости задержки. Эта мысль привела Коршуна в ужас.

Еще один шоссейный поезд прогрохотал мимо, и мотель затрясся до основания. Ни единой живой души на дороге, а груз сам себя везет.

— Как ты узнал?

От звука голоса Коршун вздрогнул и посмотрел на Слай. Она лежала, повернувшись к стенке.

— Что? — спросил Коршун.

Слай повернулась к нему, села и положила голову на поцарапанный подлокотник.

— В «Шератоне». Как ты узнал о налете?

Он уже задавал себе этот вопрос, ночью, на дороге, когда Слай задремала, оставив Коршуна наедине с его мыслями. Он пожал плечами.

— Я что-то услышал. — Коршун явно чувствовал себя неловко.

— Что ты слышал? Как кто-то взводил курок? Что?

Он колебался. Если сказать ей правду, не решит ли она, что он свихнулся? А может, так оно и есть?

— Я слышал голос, — медленно сказал он.

Слай недовольно тряхнула головой.

— Мы его тоже слышали, — напомнила она. — Сказали: «Обслуживание».

— Нет. То есть это я тоже слышал. Но… — Голос у Коршуна сорвался.

Слай не стала больше выспрашивать, а только пристально посмотрела на него. Свет от неоновой рекламы мотеля пробивался в комнату сквозь неплотно прилегающие жалюзи и ложился прямыми красно-желтыми линиями на пол и на кровати. Свет отражался в зрачках Слай, делая ее похожей на чудовище с горящими глазами из фильма ужасов.

Коршун постарался объяснить еще раз.

— Я слышал… Я слышал мой собственный голос, но в голове. Я не слышал его ушами. Мой собственный голос… Он сказал: *«Опасность!»* И я знал. Я *знал,* что это налет.

К его удивлению — и облегчению, — Слай не назвала его ни лжецом, ни идиотом. Она просто медленно кивнула.

— Ты колдун, Коршун? Шаман? — быстро спросила она.

Он покачал головой и криво улыбнулся.

— Нет, — ответил он. — *Еще нет.*

Но тут Коршун засомневался. Знал ли он, как на самом деле звучит зов тотемов? Как голос извне? Или это голос внутри тебя? Шел ли он, Коршун, по пути шаманов, сам того не зная? Он пожал плечами, отгоняя эти мысли. Он подумает об этом, когда все уже будет позади. Если это когда-нибудь будет позади.

— Ты в Сиэтле родился, Коршун? — спросила Слай. Ее голос был мягким и спокойным. Она выглядела полусонной, и казалось, совершенно не волнуется — впервые с тех пор, как они встретились. Ее лицо было гладким, без морщинок. Слай будто стала моложе.

— В Пьюрити, — ответил он. — В Барренс.

— Я знаю Пьюрити, — сказала Слай. — А твоя семья? Все живы?

— Думаю, мама жива.

— Она и сейчас в Пьюрити?

Коршун кивнул.

— А почему ты уехал?

Коршун промолчал. Он вспомнил мать — женщину, которая вырастила его и братьев, которая заботилась о них, работала до изнеможения, преждевременно состарилась, старалась дать им все что нужно, чтобы у них была лучшая жизнь, чем у нее. Он вспомнил свое чувство вины, когда впервые осознал, чего стоило ей прокормить еще один рот, обеспечить сносную жизнь еще одному ребенку.

— Я должен был уйти, — наконец произнес он и застеснялся своей жалости к матери, проявленной перед чужим человеком. — Я просто хотел самостоятельности, понимаешь?

Теперь он напряженно ждал, попытается ли Слай узнать что-то еще, затронет ли больную тему, поставит ли его в тупик своими вопросами. Но она молчала.

Коршун взглянул на нее. На лице Слай была мягкая грустная улыбка. Улыбка понимания.

— А твой отец? — тихо спросила Слай. Юноша снова пожал плечами.

— Он… он ушел, когда я был маленьким. — Удивительно, но

выговорить это оказалось не так тяжело, как он ожидал. — Он был раннером.

— Ты помнишь его?

— Нет. Он ушел, когда мне было шесть, но и до этого не часто появлялся. Но моя мама много рассказывала о нем.

— Что с ним произошло?

— Не знаю, — честно ответил Коршун. — И мать тоже не знает. Она сказала, что он ушел на дело и не вернулся. Она говорила нам, что это было серьезное дело, с какой-то крупной корпорацией. Мама решила, что ему сильно досталось, и он ушел в подполье, чтобы не подставлять семью. Она говорила: когда все уляжется и корпорации перестанут за ним охотиться, он вернется домой. И заберет нас из города.

Он ждал следующего вопроса: *«Ты веришь этому?»* — но Слай не задала его. Она просто посмотрела на Коршуна и кивнула.

«А сам-то я *верю?* — спросил он себя. — Верил ли я этому *когда-нибудь?»*

Какое-то время — да, конечно. Когда ты еще маленький, ты всегда веришь своей матери. Она рассказывает тебе про Санта-Клауса, про фею, про чертова Кролика Истера. И про твоего отца, первоклассного раннера, ставящего на уши корпорации.

Таким ли был Рик Корн, который *тоже* имел уличную кличку Коршун и где-то затерялся? Ожидал ли он возвращения старых времен, чтобы вернуться в Пьюрити — наверное, в шикарном лимузине «роллс-ройсе» — и увезти свою семью к счастью, о котором они даже мечтать не смели? Думал ли он каждый день и каждую ночь о своей жене и детях, оставшихся вдалеке?

Что за странная нелепость? Его отец умер девять лет назад, и это была правда. Он пошел против большой корпорации, и корпорация прихлопнула его, как Коршун мог бы прихлопнуть москита. Такова была правда.

Каков отец, таков и сын?

— Я устал, — сказал он Слай, свернулся калачиком и закрыл глаза.

Мимо прогрохотал очередной дорожный поезд, рев его мотора и ударная волна, казалось, потрясли до основания весь мир.

ГЛАВА 23

15 ноября 2053 года, 19.45

Город Чиенн оказался больше, чем ожидала Слай, но, конечно, гораздо меньше Сиэтла. Центр города примерно такой же, но прилегающие территории значительно меньше. Не было огромных пригородов, разлагающихся и превращающихся в ад. Пока они ехали по шоссе, а потом по Главной авеню в центр города, Слай заметила, что тут когда-то были большие спальные районы, кемпинги, гаражи и кафе, пешеходные улочки и лужайки, но все это было до геноцида, до «Великого танца теней» и до Денверского договора. Теперь коренные американцы покончили с этими признаками «угнетения бледнолицыми», и земля снова была в руках тех, кому принадлежала испокон веков. Низкорослые деревья и кустарники закрыли остатки разрушенных зданий и фундаментов.

В самом городе было нечто непривычное. Здания высокие, тщательно отделанные и гораздо красивее, чем в Сиэтле. Была какая-то гармония в облике города, некая общность, в которой каждое здание играло свою роль. Вместо обычной разношерстной сумятицы — архитектурная гармония, единый ансамбль. Слай это сперва показалось странным, но потом она решила, что именно так и должен выглядеть настоящий город. Не мегаполис.

Они проехали через весь Центр насквозь. Город кипел и бурлил, улицы были полны людей и машин. Но почему-то Чиенн не казался взвинченным и сумасшедшим, как Сиэтл. Или как Токио.

За аэропортом Коршун и Слай отыскали небольшой мотель, расположенный почти рядом с огромной военной авиабазой. «Раньше ее называли авиабазой Уоррен», — припомнила Слай. Сейчас, как гласила надпись над воротами, она называлась просто авиабазой Совета («Только сила принесет мир»).

Мотель «Настоящий отдых» оказался обычным двухэтажным зданием, построенным в виде буквы U вокруг затененного деревьями бассейна. Видимо, большую часть постояльцев составляли путешествующие бизнесмены, которым нужно было остановиться близ аэропорта, но не слишком далеко от города.

С регистрацией проблем не возникло. Женщина за стойкой была бдительнее, чем старик в «Чистых Ключах», и действительно прочитала с монитора их личные данные. Однако фальшивые документы выдержали проверку. В конце концов женщина выдала им электронный ключ от комнаты 25Д. Это был номер с крошечной кухней в стенной нише и видом на бассейн.

Теперь Слай сидела за маленьким столиком, подключив кибердек Смеланд к телефонному разъему. Коршун развалился на одной из двуспальных кроватей, забавляясь с массажером, и вертел головой, пытаясь размять затекшие мышцы шеи.

— Что теперь? — спросил он.

«Хороший вопрос», — подумала Слай.

— Я собираюсь подключиться и посмотреть, что творится в Матрице, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Присмотри за мной, пока я там, хорошо?

Он кивнул и похлопал по пистолету, лежавшему на тумбочке.

— Будь осторожна, — спокойно сказал он ей в ответ.

«Да, осторожна!» — Слай вставила штекер в разъем у себя на виске и на мгновение почувствовала неуверенность. «Я не собираюсь лезть глубоко, — напомнила она себе. Только поверхностное обследование. В общественных сетях нет льда. Волноваться не о чем». Затем, не давая себе больше ни секунды на размышления, Слай нажала на кнопку «старт».

Через полчаса она отсоединила кабель от разъема, уселась в какое-то ужасно неудобное кресло и потянулась. В спине у нее закололо и заныло. Черт, неужели она, Слай, становится стара для такой работы?

Коршун пристально смотрел на нее.

— Что ты узнала? — спросил он.

— Ничего, — ответила Слай, потянулась и вздрогнула от боли в перенапряженных сухожилиях. — Мы вне подозрения. Никаких ордеров или заявлений на Шерон Янг и Денниса Корна. Или на Синтию Югоровски и Дэвида Корнуэла.

Коршун удивился.

— А ты думала, заявления будут? — недоверчиво спросил он. — ЮКАС и Сиу слишком заняты междоусобной войной, чтобы поддерживать хоть какое-то сотрудничество.

Слай кивнула:

— Да, знаю. Официального договора о выдаче преступников не существует, но, боюсь, как бы не было *неофициального* сотрудничества. Например, какая-то крупная корпорация из Сиэтла сделала подарок благотворительному полицейскому фонду Сиу — доверила им поимку головорезов Янг и Корна.

— Они могли бы так сделать?

Его наивность показалась ей смешной, но Слай сдержалась.

— Да, конечно, — сдержанно ответила она. — И то, что они *не сделали* этого, вероятно, означает, что просто никто еще не знает, где мы.

— *Вероятно,* — повторил Коршун.

— Иногда и это неплохо.

Они помолчали.

— Сколько это может продолжаться? — спокойно спросил Коршун. Только взгляд выдавал его напряжение.

— Пока они не выследят нас здесь! — Слай выразительно пожала плечами. — Наверное, не очень долго. Рано или поздно *кто-нибудь* заметит, что исчезла одна из машин Агарвала, а затем нас выследят через пограничников.

— Нам надо было стащить какую-нибудь другую машину.

Тут она засмеялась.

— И что хорошего из этого получилось бы? — спросила она. — Сколько здесь «коллоуэй» 1991 года выпуска?

Коршун угрюмо промолчал, и Слай оставила его наедине со своими мыслями.

— Так что же нам теперь делать? — спросил он наконец.

И как всегда, это был сложный вопрос.

Слай знала, что ей *хотелось* бы сделать — умотать в Карибскую Лигу, и пусть корпорации разнесут друг друга на куски. Похоже, это единственный выход. Позволить остальной части мира катиться в ад собственной дорожкой и надеяться, что никому не придет в голову взорвать Барбадос…

Но *все равно* оставалась старая проблема. Слай могла решиться выйти из игры, но как убедить в этом ее преследователей? Никак. А значит, у нее только один выход, независимо от того, насколько ей неприятна сама мысль о нем.

— Ты собираешься снова полезть в «Цюрих-Орбитал»?

Слай сжала кулаки, чтобы подавить неожиданную дрожь, отвернулась и сделала вид, что сворачивает оптоволоконный шнур кибердека. Наконец она взяла себя в руки и ответила:

— Не думаю, что сейчас подходящее время для этого.

Коршун пожал плечами.

— Матрица — это твоя игра, — уверенно произнес он. — Твое дело.

Несколько минут оба молчали.

«Я должна сказать ему правду, — решилась наконец Слай. — Я слишком многим ему обязана».

— Я боюсь, Деннис, — выпалила она, — боюсь снова входить в Матрицу.

— Почему?

— Пять лет назад я нарвалась. Я действительно серьезно срезалась. Меня поймал какой-то черный лед. Он не убил меня, но подошел достаточно близко и поджарил мне мозги. Чтобы вылечиться, я потратила годы. И это лишь *физическое* повреждение, — подчеркнула она. — А психологическое? Я до сих пор его чувствую. Я чувствую… — Слай остановилась, затем

продолжала чуть медленнее. — Я убеждена, глубоко убеждена: в следующий раз, когда я встречу черный лед, он меня убьет. Все.

— Ты же входила в сеть там, в Сиэтле, — заметил Коршун.

— Да, но под прикрытием Т.С. — Она подавила очередной приступ дрожи. — И даже тогда… — Она постаралась отогнать образы огромных фигур из черного льда справа и слева от Юргенсена.

Слай замолчала. Коршун пристально глядел на нее. «Понял ли он хоть что-нибудь из моих слов?» — спрашивала себя Слай.

— Я знаю, что должна буду вернуться и еще раз померяться силами с «Цюрих-Орбитал», — сказала она, и эти слова потрясли ее саму до глубины души. — У меня нет выбора, но я еще не готова. Мне нужны кое-какие приборы. И я должна психологически подготовиться к этому. Ты понимаешь? — Она взглянула на Коршуна.

Он все еще лежал, растянувшись, на кровати, но что-то в положении его тела изменилось.

— Твое право, — сказал он.

Он вдруг скатился с кровати.

— Ты сделаешь то, что должна сделать, — уверенно произнес юноша, — но я должен выйти отсюда, Слай. Если я здесь останусь, то просто свихнусь.

Она поняла и улыбнулась. Сколько времени прошло с тех пор, как она была такой же энергичной и испытывала потребность делать хоть что-нибудь? Десять лет? Больше? Не похоже.

— Возьми машину, если хочешь, — сказала она. — Но будь осторожен, хорошо?

На его лице заиграла улыбка.

— Осторожность — это мое второе имя.

«Да, это так», — подумала Слай.

Коршун сгреб со стола ключи и направился к двери.

— Не тяни, слышишь? — Он помолчал. — И будь осторожна.

С этими словами он вышел из комнаты.

ГЛАВА 24

15 ноября 2053 года, 22.00

Коршун шел медленно, наслаждаясь прогулкой по ночному городу. Он запарковал «коллоуэй» на платной стоянке. Заплатив вперед со своей кредитки — точнее, кредитки Дэвида Корнуэла, — он узнал кое-что новое о землях Сиу.

Здесь до сих пор использовали наличные деньги. Не электронный кредит, а настоящие монеты из пластика с металлическим покрытием, банкноты. Основной денежной единицей, как и везде на континенте, оставалась обычная нуена. Но для мелких платежей — вроде платы за стоянку или взяток — использовали деньги. Когда Коршун достал кредитку, охранник на стоянке — крупный тип с крашеной мохаукской стрижкой — был явно недоволен. Коршуну срочно пришлось изобразить из себя тупого туриста, объяснить, что он здесь впервые, приехал издалека, и извиниться за свою необразованность. Удачно имитировав вспышку сообразительности, он спросил охранника, не мог бы тот записать на кредитку счет побольше, а сдачу выдать наличными. Поломавшись с минуту, охранник согласился и, взяв с него сто нуен за пятинуенную стоянку, выдал восемьдесят пять кучей мелочи. (Лишние десять нуен, конечно, оказались платой за услуги, взимаемой по закону.) Коршун отправился на прогулку, ощущая непривычную тяжесть в кармане.

Похоже, что он сразу попал на центральную улицу в Чиенне. Неподалеку высилось несколько больших зданий, вроде бы правительственных. Одно из них называлось Национальным театром сиу. Но дальше к западу здания становились все меньше и неказистей. Кабаки и клубы, на многих объявления вроде: «Живой стриптиз на сцене», другие голографические рекламы демонстрировали предлагаемые развлечения с почти медицинскими подробностями. Первое, что бросалось в глаза, — все вокруг были индейцами. Одежда на них в основном была обычная, такая сошла бы и в Сиэтле. Но тут и там попадались люди в набедренных повязках из оленьей кожи, в кожаных штанах, в расшитых мокасинах. Самой распространенной прической была «мохау», как ее называли в Сиэтле, — петушиный гребень волос посреди выбритой головы.

Коршун с трудом припомнил, что же он прочел о прическах индейцев в книге этого самого Лэнгланда. Там говорилось, что настоящие индейцы-мохау никогда не носили подобной прически, на самом деле так стриглись люди из племени крик и некоторых других племен. Настоящие мохау выбривали макушки, а волосы

оставляли сзади и с боков. На одном из перекрестков Коршун заметил человека с такой стрижкой, огромного человека в форме, которая буквально кричала: «Осторожно, полиция!» На боку у полисмена висела кобура, а в ней пистолет чуть ли не с метр длиной. Коршун отвернулся и поспешил пройти мимо, спиной чувствуя ледяной взгляд полицейского.

Пройдя еще один квартал развлечений, Коршун задумался: что же он здесь делает? Пожалуй, то, что он сказал Слай, было правдой: просиди он в отеле еще час — и он сошел бы с ума. Да и на город посмотреть тоже стоило.

А что касается Слай, то, с одной стороны, он был доволен, что она так доверяет ему, что даже рассказала о своих страхах. Но с другой — ему совсем не нравилось, что Шерон Луиза Янг, опытный профессиональный раннер, смотрит в глаза своим страхам, как какой-то Деннис Корн.

Коршун задержался у какого-то особенно обшарпанного заведения. То ли у того не было названия, то ли его поленились написать, но единственным подобием вывески здесь был дисплей, на котором две блондинки (явно англосаксонки) забавлялись со странным набором овощей, флейт и шариков для пинг-понга.

Коршун попытался было войти внутрь, но дорогу ему преградил совершенно ужасного вида вышибала индейский тролль, голова которого подпирала потолок. Тролль потребовал удостоверение личности. Коршун протянул ему кредитку и пять нуен в уплату за вход и мысленно поблагодарил Слай за то, что Дэвиду Корнуэлу, судя по документам, исполнился двадцать один год.

Представление было в самом разгаре, две блондинки на сцене уже выглядели смертельно уставшими. В «гинекологическом ряду» около самой сцены — оставалось несколько свободных мест, но Коршун выбрал маленький столик в самом углу, откуда можно было видеть все заведение. Он попросил проходившего мимо официанта принести бутылку пива и глоток чего-нибудь покрепче и принялся наблюдать за шоу и за зрителями.

Народу было много, но не слишком. Парни в «гинекологическом ряду» сосредоточенно рассматривали сцену, а остальные были больше заняты своими делами. Это заведение напомнило Коршуну «Супердадс» — настоящую дыру в Редмонде, где одинаково хорошо принимали и тех, кто забрел туда в поисках «клубнички», и бандитов, которым требовалось безопасное местечко для встречи. Коршун еще раз внимательно оглядел посетителей. Если этот кабак действительно похож на «Супердадс», то многие здесь — раннеры, пытающиеся

провернуть какое-нибудь дельце. «Интересно, как велика и активна теневая сторона Чиенна? — подумал Коршун. — И как об этом можно узнать? Пойти и спросить кого-нибудь: „Извините, мистер, а вы, случайно, не раннер? Не собираетесь ли совершить что-нибудь противозаконное в ближайшее время?“»

Тут принесли его заказ, и Коршун расплатился пригоршней мелочи. Официант с преувеличенным терпением следил, как он рассматривал каждую монету, определяя ее достоинство, и проворчав: «Турист!» — удалился.

— Привет, дорогой. Впервые в городе, а?

Коршун повернулся на голос. У него за спиной стояла женщина. Невысокая, с приятными округлостями в нужных местах, с вьющимися темно-рыжими волосами. На ней было короткое платье изумрудного цвета с низким вырезом и без бретелек. Казалось, что удерживается оно, только зацепившись за огромную грудь. Тонкий слой краски на лице подчеркивал одновременно цвет волос и платья. Широкая улыбка. Женщина казалась молодой, всего на несколько лет старше Коршуна. Однако ее яркие зеленые глаза смотрели спокойно и оценивающе, и Коршун сразу накинул ей еще лет десять.

— Не хочешь ли заказать выпивку для дамы? — спросила она. В ее голосе слышался легкий южный акцент.

— А-а… — Несколько мгновений Коршун раздумывал. — Почему бы и нет?

Она пододвинула кресло и удобно устроилась рядом. Закинула ногу на ногу, продемонстрировав при этом белое бедро. «Еще одна англосаксонка», — не удержавшись, подумал Коршун. Он махнул официанту, но женщина положила удивительно широкую ладонь на его плечо.

— Я сама закажу, дорогой. — Она пронзительно свистнула, так, что у него заложило уши.

Когда официант обернулся, она указала на столик. Официант кивнул и направился к бару.

— Сэмми знает мой вкус, — объяснила она.

«Ну еще бы!» — подумал Коршун.

Они молча дождались, пока официант принес ее заказ — что-то фруктовое с бумажным зонтиком наверху. Женщина с любопытством смотрела, как Коршун рылся в купюрах и искал десять нуен. Только после того, как Сэмми ушел, женщина снова заговорила:

— Как тебя зовут, сладенький?

— Дэвид Корнуэл, — ответил он, — а тебя?

— Бобби Йо Дупи. — Она повторила: — Дууу-пии. — Второй слог звучал на октаву выше первого настолько пронзительно, что

заныли у Коршуна зубы. — Старая добрая Бобби Йо. — Она снова положила ладонь на его руку, нежно сжав ее. — Ну, и откуда же ты?

— Из Беллингэма, — ответил он. Прикосновение женщины слегка смущало его, но убрать ее ладонь он не решался.

— Собираешься надолго задержаться в городе?

— Возможно.

— По делам или развлекаешься? — Она начала слегка поглаживать его руку.

— По делам, — быстро ответил он. Потом чуть помедлил. Может, эта встреча поможет разузнать что-нибудь о тенях в Чиенне. — Сколько я здесь пробуду… Это зависит от того, найду ли что-нибудь стоящее — понимаешь, о чем я? Что-нибудь такое, что займет меня здесь. Я в общем-то за этим сюда и приехал. Я ведь попал как раз туда, где найду что-нибудь интересное?

Она даже взвизгнула от смеха:

— Сладенький, ты нашел как раз то, что нужно. И подходящего человека. Старая добрая Бобби Йо в самый раз для тебя, если, конечно, ты хочешь найти себе *настоящее* занятие, понимаешь, к чему я клоню?

Все шло явно не так, как хотелось бы Коршуну.

— Ты знаешь, — продолжала женщина — мне здесь очень нравится, но… пожалуй, это не лучшее место для разговора, а? Когда двоим надо столько друг другу сказать… — Она начала постукивать ногой по его бедру. — У тебя есть поблизости местечко, где мы могли бы, знаешь ли, *поговорить,* сладенький? — промурлыкала она.

Коршуна вдруг охватила паника. Он с ужасом и лихорадочно стал думать, как ему избавиться от этой шлюхи. Неужели никто не поможет?..

Именно в этот момент он заметил знакомое лицо. Крупный широкоплечий мужчина пробирался сквозь толпу из дальнего конца зала к выходу. Очевидно, он только что появился из-за сцены. Он шел, не глядя по сторонам, и, похоже, не заметил Коршуна. «Черт возьми, — подумал Коршун, — это же Лезвие Ножа! Предводитель раннеров, которые устроили Слай засаду!»

Коршун быстро отвернулся. Он низко согнулся над столом, схватил стакан, залпом выпил его содержимое и чуть не поперхнулся, когда спиртное обожгло горло. Закрывая лицо стаканом, Коршун краем глаза наблюдал за Лезвием. Так и не взглянув в его сторону, тот добрался до двери и исчез за ней.

Коршун подпрыгнул, когда Бобби Йо сжала его бедро.

— Дорогой, ты выглядишь так, словно увидел привидение! — засмеялась она.

«Не совсем, — подумал Коршун, вспомнив, как пуля таинственного снайпера пронзила Лезвие насквозь. — Хотел бы я, чтобы он *был* привидением…»

Раннер вышел, дверь за ним захлопнулась. Коршун вскочил с места. Потерявшая равновесие Бобби Йо схватилась за стол, чтобы не упасть.

— Эй! — пронзительно завизжала она.

— Извини, Бобби Йо, — пробормотал он, — мне пора двигать.

Он рванулся к двери, а за спиной слышалось злобное шипение: «Мать твою! Ублюдок! Чертов проклятый педик!..»

Но слава Богу, Коршун выбрался-таки на улицу, и от холодного ветра в голове его прояснилось.

Лезвие Ножа уже удалился на целый квартал от заведения. Шел он быстро, но Коршун заметил, что Лезвие слегка хромает. (Только слегка? После такого выстрела? Похоже, здесь не обошлось без лечебной магии.) Коршун двинулся за ним, пытаясь остаться незамеченным и прячась за спины пешеходов.

«Похоже, устраивать слежку — это не так просто, как в тридео», — решил он, в третий раз налетев на прохожего и получив локтем под ребра. Попытки замаскироваться замедлили его продвижение вперед, и темный силуэт Лезвия Ножа оторвался еще на квартал. Так Коршун и совсем потеряет его из виду. Черт возьми, что же делать?

Лезвие Ножа, похоже, не ожидал преследования. Коршун ни разу не видел, чтобы тот оглядывался, да и темнота не позволяла раннеру использовать для наблюдения витрины магазинов. Подумав немного, Коршун поменял тактику и сократил расстояние между ними до половины квартала. На такой дистанции не было смысла скрываться за пешеходами. Если Лезвие и обернется, вряд ли он сможет с расстояния в пятьдесят метров узнать одно лицо в толпе. С другой стороны, рост Лезвия Ножа и его характерная походка — спасибо неизвестному снайперу — позволяли не терять его из виду.

Они миновали Национальный театр сиу. Похоже, представление только что закончилось, и поток людей, одетых намного лучше, чем окружающие пешеходы, хлынул на тротуар. На одно тревожное мгновение Коршун решил, что потерял Лезвие. Он рванулся сквозь толпу, заработав пару проклятий и еще раз локтем по ребрам. «Где же он?» — подумал Коршун и тут снова заметил раннера. До него оставалось меньше сорока метров.

На другой стороне улицы пешеходов стало значительно меньше. Это было и хорошо, и плохо: шансы потерять Лезвие Ножа резко сократились, но и вероятность быть обнаруженным,

конечно, *возросла.* Коршун отстал, насколько мог, сделав вид, что рассматривает витрину, пока Лезвие не отошел еще метров на двадцать.

Здания вокруг тоже изменились. Грязные бары сменились дорогими магазинами и бутиками. Сейчас все уже было закрыто. Теперь справа и слева высились многоэтажные офисные комплексы и здания правительственных учреждений. Коршун посмотрел на огромный дом на той стороне улицы. «Бюро правосудия» — было написано большими медными буквами над входом. «Теперь мы точно на территории властей», — подумал Коршун. Он вновь перевел взгляд на Лезвие Ножа.

И не увидел его. Раннер исчез.

На мгновение Коршун запаниковал.

Но вот он снова заметил знакомый силуэт. Лезвие Ножа свернул и как раз поднимался по ступенькам ко входу в один из офисов. У подножия лестницы росли два больших куста, они-то и закрыли на секунду Лезвие. Коршун наклонился, сделал вид, что возится с завязкой на кроссовке, но не упускал раннера из виду.

Лезвие Ножа остановился у двери, полез в карман и что-то достал оттуда, но, что это было, Коршун не смог рассмотреть. Этот предмет Лезвие поднес к двери, и та открылась. «Пропуск, — подумал Коршун, — что же еще». Раннер вошел внутрь здания, дверь за ним захлопнулась — все, представление окончено.

Некоторое время Коршун оставался на месте, поправляя шнурки. Он даже предположить не мог, что ему следует делать. Юноша чувствовал, что необходимо хоть что-то разузнать о Лезвии Ножа — что тот делает в Чиенне и, вообще, кто он такой. Но как это сделать? Он видел, как раннер исчез внутри здания, но сколько разных контор может тут находиться?

Надо было сузить круг поиска. Понятно, что Коршун не сможет попасть внутрь, если даже Лезвию Ножа нужен был пропуск…

Может быть, удастся узнать, на какой этаж отправился раннер? Для этого надо попробовать рассмотреть через стеклянную входную дверь индикатор над лифтом.

А значит, надо поторопиться. Коршун быстро вскочил и подбежал к кустарнику у лестницы. Потом осторожно из-за него выглянул.

Это была прекрасная точка для наблюдения. Коршун отлично видел весь холл и ряд лифтов. К тому же Лезвию Ножа, похоже, не удалось сразу вызвать лифт, и теперь он стоял и ждал, повернувшись спиной ко входу. Над каждым лифтом были индикаторы, и цифры на них тоже можно было рассмотреть.

Что же это все-таки за здание? Коршун осмотрел стены в

поисках какой-нибудь эмблемы.

И он нашел ее: стилизованные переплетающиеся буквы О, В и Р, и рядом слова, поясняющие, что это значит.

Отдел военной разведки Народа Сиу — вот как это расшифровывалось.

Отдел военной разведки. Вот же черт… На мгновение Коршун застыл.

Слишком надолго! Лезвие, впервые за все это время, оглянулся, будто какой-то животный инстинкт подтолкнул его.

Коршун почувствовал, как взгляд раннера остановился на нем, и глаза его широко распахнулись — Лезвие Ножа узнал Коршуна! Юноша увидел, как он поднял руку, в которой был зажат какой-то предмет. Но это оказался не пистолет, а маленькая рация. Лезвие что-то сказал в микрофон.

Тут Коршун внезапно пришел в себя и опять обрел способность двигаться. Развернувшись, он бросился бежать обратно в город, к толпам народа и ярким неоновым огням, к Бобби Йо, наконец. И подальше от раннера, который на самом деле был не раннером, а работал на правительство, и от банды костоломов в форме, которые вот-вот явятся по его приказу.

Позади Коршун услышал стук сапог по бетону. Топот бегущих ног — тяжелых ног. Он рискнул обернуться и взглянуть на преследователей.

Лучше бы он этого не делал. Его преследовали четверо стриженных под Мохау троллей в полувоенной форме, с пистолетами на изготовку. «Откуда они взялись?» — удивился Коршун. Интересно, это Лезвие Ножа их вызвал? Да какая к черту разница, откуда они появились… До преследователей было не больше двадцати пяти метров, и вооружены они были по самые клыки, и свалились на его голову, как дьяволы из ада.

— Стой! — зарычал один из них. — Стой, или мы стреляем!

Как же, размечтались! Коршун рванул что было сил.

За спиной прогремел выстрел, пуля ударилась в тротуар совсем рядом. Отлетевшие куски бетонного покрытия больно ударили по ноге.

«Предупредительный выстрел? — гадал Коршун. — Или серьезная попытка ранить меня? В любом случае это не имеет значения, — решил он. — Теперь, когда Лезвие Ножа увидел меня, живым мне не выбраться».

Что-то просвистело у его уха, выстрел он услышал лишь потом.

Впереди виднелся узкий проход между двумя магазинами. Коршун повернул за угол на максимальной скорости, поскользнулся, но все же сумел удержаться на ногах. Рванувшись

изо всех сил, он влетел в гулкий, как ущелье, переулок.

«Нужно *немедленно* выбираться отсюда», — решил Коршун. От этих гладких стен пули будут отскакивать рикошетом. И не ровен час, тролли подстрелят кого-нибудь, например, парнишку, который называет себя Деннисом Корном, то есть Дэвидом Корнуэлом.

Это стократ усиливало топот бегущих людей. Два выстрела прогремели почти одновременно, но первый раз тролли промахнулись. Но Коршун догадывался, что они очень скоро пристреляются. У троллей на руках были все козыри, и долго противостоять им он просто не мог.

Что еще он мог сделать? Судя по звукам, Коршун увеличил разрыв между собой и преследователями. Но длинные ноги троллей буквально съедали это расстояние. Однако если придумать какой-нибудь маневр, то даже их сила не сможет справиться с инерцией тяжелых тел. Когда Коршун резко свернул в переулок, он увеличил расстояние по крайней мере на десять метров, а может, и больше. Но теперь тролли приближались с каждым шагом.

Хорошо бы сейчас повернуться и уложить всех из пистолета, как герои на тридео. Как же! Если он остановится и попробует открыть огонь, то сможет положить одного или двух троллей, и то, если ему очень повезет, — прежде чем они оставят от него мокрое место. Нет уж, спасибо.

Справа Коршун увидел выход на соседнюю улицу. Не задумываясь, он на полной скорости свернул туда.

Улица оказалась достаточно широкой, чтобы по ней мог проехать грузовик. Мусорные баки, огромные и вонючие, стояли на каждом шагу.

На мгновение Коршуну почудилось, что он снова в Сиэтле. Казалось, время двинулось вспять и вокруг Коршуна вовсе не Чиенн. Спираль времени, по которой он переместился из Сиэтла сюда, возможно, вообще не существовала. Он снова был на улицах Сиэтла, тролли гнались за ним и хотели его убить. Почему-то ощущение знакомой ситуации придало Коршуну сил.

В тот раз он сбил троллей с толку и запутал следы. Если все время бежать по прямой, его поймают. Значит, надо несколько раз свернуть на соседние улицы.

Ближайшая улица оказалась слева. Коршун засмеялся, когда сворачивал туда, каждый мускул его тела работал, как часть отлаженной машины. Еще две пули проскрежетали по бетону рядом с юношей, но он не остановился. Тролли были уже метрах в пятидесяти. Снова поворот — теперь уже направо. Коршун засмеялся. Еще пятьдесят метров отрыва.

Теперь он потерял представление о том, куда бежит, не видел, как далеко находятся преследователи. Он только слышал эхо от грохота сапог и какой-то одинокий выстрел. Эти звуки помогали ему, без них случайные повороты по улицам и переулкам Чиенна могли привести его прямо в руки троллей.

Сколько еще будет продолжаться погоня? Холодный воздух прорывался сквозь горло, обжигая легкие. Мышцы ног горели огнем. Эти проклятые тролли были в хорошей форме. Не в пример тем вонючкам в Сиэтле.

Коршун все увеличивал разрыв, но только благодаря своей ловкости. Чем дольше он бежал, тем больше убеждался в том, что стоит ему остановиться — и тролли настигнут его. Настигнут и убьют. «Или еще хуже», — подумал он, вспомнив, что осталось от Агарвала.

Коршун снова бросился за первый попавшийся поворот и на полной скорости чуть не налетел на открытый мусорный бак. Он резко затормозил.

Почему бы нет? Ведь однажды там, в Сиэтле, этот трюк сработал!

Коршун запрыгнул в бак и глубоко зарылся в его вонючее содержимое. Потянулся и опустил вниз тяжелую крышку. В отличие от мусорных баков в Сиэтле, у этого шарниры не были ржавыми, крышка закрывалась полностью. Он сунул под нее какой-то сверток, оставив отверстие почти на ширину ладони. Затем низко присел, приложил глаз к дыре и стал ждать.

«Что, черт возьми, я делаю?» — неожиданно подумал он. Ответ потряс его так же сильно, как один из этих скоростных дорожных поездов, проносившихся ночью по шоссе. Ну и дурак же он! Пытается повторить тот же трюк, который спас его в Сиэтле!

Но здешние тролли — совсем другое дело. Это до отвращения хорошо натасканные охранники, возможно военные. И он решил, что сможет провести их так же легко, как каких-то доморощенных троллей с доков?

Коршун приподнялся, положил ладони на тяжелую крышку и приготовился толкнуть ее. Этот маневр отнял у него слишком много секунд. Если ему очень повезет, то…

Но ему не повезло. Прежде чем он сдвинул крышку с места, звук грохочущих по бетону сапог стал ближе и громче. В панике он глянул сквозь щель.

Тролли выбежали из-за угла и были теперь в нескольких шагах от его ящика. Все они тяжело дышали, но ни один не выглядел измученным. Коршун понял, что, если потребуется, они продолжат охоту так долго, как только он сам сможет выдержать.

Но кажется, они не собираются никуда бежать? Он

отодвинулся от щели как можно дальше и продолжал наблюдать, затаив дыхание.

Предводитель троллей умел сохранять силы и не сбивать дыхания. Он обходился без слов. Коршун увидел, как его рука быстро сделала несколько сложных жестов. Они ничего не значили для Коршуна, но, очевидно, были понятны остальным троллям. Один из них кивнул.

Затем, к ужасу Коршуна, тролль направился прямо к мусорному баку и взялся своей огромной ручищей за край металлической крышки.

ГЛАВА 25

15 ноября 2053 года, 23.12

Слай взглянула на часы. Прошло уже два томительных часа. После того как Коршун ушел, она снова проникла в Матрицу, пытаясь, по возможности, миновать области, где могли быть серьезные меры защиты.

Это была аксиома теневой работы, лучший способ найти что-то хорошо спрятанное: не лезть напролом. Надо поискать то, что может быть связано с предметом твоего поиска. Отметить любые нарушения, странные возмущения, не поддающиеся логическому объяснению. Эти необычные явления часто результат влияния того самого глубоко запрятанного *нечто* на окружающие предметы. Просмотрев достаточно большую область данных, собрав и обработав достаточно возмущений, часто можно угадать точное расположение искомого объекта. Кто-то рассказал Слай, что этот метод пришел из астрономии и с его помощью открыли одну из планет, кажется Плутон. Астрономы измерили странные нарушения в орбитах других планет и предположили, что они вызываются притяжением другого, еще не открытого небесного тела. Рассчитав, где должна была находиться новая планета, они направили туда свои телескопы, и дело было сделано.

Слай выполняла очень похожую работу, но вместо орбит планет она изучала мероприятия, проводимые местными корпорациями, и активность в системах общественной электронной почты. Она искала особенности, схожие с легкими отклонениями в движении планет, и нашла. И из них следовало, что кто-то очень сильный и влиятельный направляет деловую жизнь Чиенна.

Большое и активное теневое сообщество. Это не могло быть ничем иным.

«Откуда пришли эти раннеры?» — подумала Слай. Сколько раннеров Сиэтла, которые пропали из виду и, как она думала, вышли из игры, на самом деле притаились и всплыли в Чиенне?

Хоть она и получила представление о размерах и активности теневого сообщества, проникнуть в него — да что там, даже на его периферию, — было достаточно трудно. Электронные переводы крупных сумм по различным адресам дали ей номер локальной телекоммуникационной сети местного «консультанта по имуществу» и посредника по имени Тамми. Уже через эту сеть Слай заказала номер локального отделения «Шедоуленд» в Чиенне.

В ходе своих поисков она обнаружила несколько любопытных

фактов, на первый взгляд не имеющих отношения к ее цели. Всплыла одна фамилия, фамилия человека, иногда участвовавшего в теневых операциях Чиенна, игрока нечастого, но чрезвычайно влиятельного, когда он *действительно играл*. *Монтгомери.* Ни имени, ни дальнейших подробностей. А может быть, Дирк Монтгомери? По слухам, которые ходили в Сиэтле, *Дирк* сделал действительно большие деньги — такие деньги, о которых любой раннер может только мечтать, и выскользнул на свет, чтобы наслаждаться жизнью на отдыхе. Если это правда, то почему он все еще на тропе? И почему в Чиенне?

Слай пожала плечами и отмела все эти рассуждения как не стоящие внимания. Наверное, это был какой-то другой Монтгомери.

Она вертела в руках разъем головного соединителя и глядела на кровать, где два часа назад отдыхал Коршун. Странно, но она хотела, чтобы парнишка вернулся. По крайней мере, ей нашлось бы о чем с ним поговорить.

Мысль о том, чтобы пошарить в локальной системе «Шедоуленд», пугала ее; что-то останавливало Слай, хотя она не понимала почему. Она не боялась наткнуться на защиту — например, на черный лед. (Конечно, в «Шедоуленд» был свой лед как средство от чрезмерного любопытства декеров корпораций и правительства, которые захотели бы сунуть нос слишком глубоко. Но до тех пор, пока ей в голову не пришло бы что-нибудь совсем экзотическое — например, вмешаться в управление системой, или попытаться стереть важные файлы, — об этом можно было не беспокоиться.) Дело, наверное, в том, что «Шедоуленд» был для нее символом. Он олицетворял ее прежнюю жизнь, жизнь теневого декера. Судьбу, которая почти убила ее, которая больше чем на год отключила ее разум и все еще напоминала о себе ночными кошмарами.

«Дурочка, — сказала она себе, — подумай сама. В том, чтобы подключиться к сети „Шедоуленд“, не больше риска, чем в телефонном разговоре». Ей приходилось подвергаться куда большей опасности при попытке пробраться в «Цюрих-Орбитал».

«Да, — возразила ей другая ипостась ее „я“, — но тогда ты была под защитой Смеланд, не так ли? А сейчас, случись что, уже никто тебя оттуда не вытащит».

Слай покачала головой. Она могла найти десятки самых разных причин, почему не следует делать того, что все равно придется сделать. Быстро, не давая больше себе времени на размышления, она вставила соединитель в разъем кибердека и набрала первую команду.

* * *

«Эревон» — так называлось это место. Это был виртуальный бар — Слай слыхала о таких, но никогда там не бывала. Еще когда она зарабатывала себе на жизнь в Матрице, люди поговаривали о создании виртуальных мест общения в сети. Но если такие места и существовали, ни она, ни кто-то из ее знакомых их не посещали.

Конечно, это было пять лет тому назад — целая вечность, если говорить о техническом прогрессе. Виртуальные места общения — форумы, дискуссионные группы и тому подобное — уже вошли в жизнь, стали ее привычной частью. Вместо личных встреч на конференциях или обмена информацией с помощью компьютеров люди с имплантированными разъемами данных могли встречаться *виртуально.* Все участники встречи просто помещали свои персональные значки на определенный узел Матрицы и вели там свои дискуссии.

Преимущества были очевидны: не надо тратить время и деньги на поездку плюс полная физическая безопасность (никто из участников не выходил из своего дома). Некоторые технопсихологи считали, что феномен виртуального общения — это самое серьезное изменение в человеческом обществе с тех пор, как на заре цивилизации сельское хозяйство пришло на смену охоте и собирательству. По мнению этих психологов, Матрица должна постепенно сформировать «электронные племена» и «виртуальные нации». Принадлежность к конкретной этнической группе будет определяться каналами связи. Таким же образом в конце девяностых годов телекоммуникации изменили понятие места работы: те, кто занимался умственным трудом, уже не должны были жить поблизости от своего нанимателя: они могли находиться даже на другом континенте. Это должно было изменить и другие грани общества — примерно так сказали бы ученые. Хотя в 2053 году «электронные нации» — или как их там — еще не сформировались, средства виртуального общения уже начинали вносить свои коррективы в жизнь.

Но даже и здесь «Эревон» занимал особое положение. Судя по слухам, ходившим по сетям «Шедоуленд», это был виртуальный *клуб.* Декеры могли поместить свои значки на узлы сети, которые составляли «Эревон», и общаться с любым, кто там находился. Дела при этом, конечно, страдали, но многие декеры со всего света любили торчать там, болтая с другими завсегдатаями и просто радуясь жизни.

Когда значок Слай попал на узел, виртуальный клуб был переполнен. На мгновение она остановилась и осмотрелась по

сторонам.

Чувственные ощущения, передававшиеся по ее каналу данных, перенесли Слай в прокуренную таверну с низким потолком. Разрешение было неплохим, и все это могло бы сойти за реальность. Но потом Слай подошла к толпе.

Завсегдатаи «Эревона» напомнили ей группу персонажей видеоигры, собравшихся вечерком выпить по бокалу пива. Значки декеров, заполнившие бар, были самыми различными — от безобидных до эксцентричных и угрожающих и от обычных земных созданий до самых фантастических тварей. Неоновый самурай стоял плечом к плечу с человекоподобным дикобразом, а двухголовая собака мирно беседовала с алебастровым ангелом и черным чудовищем. Разрешение менялось от значка к значку. У некоторых оно было невысоким: картинки казались грубыми, неровными и двигались резкими толчками. Другие были выполнены настолько тщательно, что напоминали первоклассную компьютерную анимацию и выглядели чуть ли не реальнее, чем живые. Слай прикинула: в таверне находилось человек тридцать пять.

Справа от нее был большой дубовый бар — одна из особенностей «Эревона», отличавшая его от других мест виртуального общения. Бар являлся частью Матрицы, но использовался в совершенно реальных целях. Декеры могли поместить свои значки в бар и заказать «напитки». Там были значки, изображавшие пиво, коктейль или виски. На самом деле это были просто несложные программы, создававшие у подключившегося декера слабую и временную обратную биосвязь. Этим достигались разные психологические эффекты — обычно легкая эйфория — и частично имитировалось действие алкоголя. Хотя сегодня вечером у Слай и не было намерения экспериментировать с «напитками», идея показалась ей привлекательной. Можно было получить приятные ощущения от выпивки, не мучаясь потом с похмелья, и теоретически, прервав выполнение программы, в любой момент можно было «протрезветь».

Слай прошлась по таверне. Хотя «реального», настоящего здесь ничего не было и при желании «персонажи» могли спокойно пройти друг сквозь друга, ей все же было трудно отказаться от земных привычек. Пробираясь сквозь толпу, она старалась никого не толкнуть и не наступить кому-нибудь на ногу.

Слай потребовалось несколько минут, чтобы отыскать нужный значок. Обнаженный по пояс индейский воин с жемчужно-белой орлиной головой сидел в углу за столиком. Перед ним стояли три пустые пивные кружки — он расслаблялся.

— Мунхоук, — сказала Слай.

Глаза тщательно выполненного значка мигнули.

— Я тебя знаю?

У Слай мелькнула мысль, что было бы здорово появиться здесь под своим обычным значком — серебряным драконом. У него была кое-какая репутация, хотя, быть может, дракона и не знали так далеко, в Чиенне. Но, конечно, сейчас она могла использовать только значок своего кибердека — довольно безликую женщину-ниндзя.

— Нет, — холодно ответила она, — но в Чиенне есть люди, которые *тебя* знают. Они сказали, ты парень что надо.

Орел с телом воина пожал плечами.

— Может, и так, — лаконично ответил он. — Кто тебя на меня навел?

Слай улыбнулась и покачала головой:

— Мне бы не хотелось об этом распространяться.

Мунхоук снова пожал плечами:

— Пустая болтовня. Что тебе от меня нужно?

— Кое-какой инструмент. Защитные программы. Аппаратные блоки.

— Почему ты пришла ко мне?

— По слухам, ты как раз тот человек.

— Быть может… — Мунхоук изучающе взглянул на нее. — Говоря сугубо гипотетически, — промолвил он через несколько секунд, — наверное, я смогу тебе помочь, но как насчет нуен?

«Ну вот, дошло и до этого», — подумала Слай.

— *Гипотетически,* — с иронией подчеркнула она, — у меня есть нуены. — Она запустила небольшую программу, которая создала образ бумажника, туго набитого банкнотами. Помахав бумажником перед носом собеседника, она стерла его.

— Что же — снова гипотетически — ты ищешь? — спросил посредник. — Какие программы, какую аппаратуру?

— Что касается программ, то мне нужно все, — решительно заявила Слай, — весь комплект: для нападения, защиты, сенсорики, маскировки.

Мунхоук хмыкнул:

— А больше тебе ничего не нужно? Ты что, хочешь набить пустой компьютер?

«Именно *этим* я и собираюсь заняться», — подумала Слай, но только улыбнулась в ответ.

— В какой области? — спросил Мунхоук. — Ты занимаешься музыкой, графикой, чем-нибудь еще?

— Мне все равно. Ты мне их раздобудешь, а уж я найду им работу. Главное, чтобы они были на ходу. Говоря гипотетически,

конечно.

Мунхоук фыркнул.

— Что за аппаратура?

— Фазовый рекурсер.

Посредник не реагировал, и она добавила:

— ФР.

Пронзительные глаза орла удивленно открылись.

— Что? — Он рассмеялся. — Парень, ты отстал от жизни. Здорово отстал. Сейчас делают такой лед, что ФР тебе ни к чему. Любой черный лед, который стоит своего названия, проходит через ФР, как будто его и нет. — Он снова рассмеялся — жестким циничным смешком.

Слай порадовалась, что ее значок выполнен достаточно грубо и не может показать ее замешательства.

— Тогда все, что мне нужно, — это кристалл для автономного хранения данных, — сказала она, изо всех сил стараясь справиться со своим голосом, — сотни на две мегапульсов. И набор микроэлектронных инструментов. Вот и все.

— Вот и все, — эхом отозвался Мунхоук. — Что ж, приятель, тебе повезло, считая, что мы говорим гипотетически. Я знаю одного парня, который знает парня, у которого есть кое-какие программы, и он готов ими поделиться.

— Они должны быть свежими.

— Свежее не бывает, — заверил ее Мунхоук. — У всех высокий рейтинг, если только, — он с сомнением взглянул на Слай, — твой кибердек их потянет. Все программы — что надо, от «Истребителя». Ты ведь *знаешь* эту фирму?

Название ничего не говорило Слай — за эти пять лет изменились даже производители программного обеспечения, но она утвердительно кивнула:

— У твоего парня есть и аппаратура?

— Да, тебя это интересует?

— Интересует.

— Тогда о'кей, — быстро ответил Мунхоук, внезапно оживившись. — Когда тебе все это нужно?

Слай колебалась. Чем скорее у нее будут программы, тем раньше она отрежет себе путь назад. Она заставила себя выкинуть эти мысли из головы.

— Как можно быстрее, — твердо ответила она, — сегодня вечером.

Воин с головой орла колебался.

— Это обойдется дороже.

— Дудки! — жестко ответила Слай. — Если у друга твоего

друга действительно есть все это, то он не прочь сбыть все как можно быстрее, чтобы получить свои денежки, не так ли? А если у него нет этого барахла, то я пойду и раздобуду все это у *серьезного* посредника. Мы ведь понимаем друг друга, Мунхоук?

Тот оценивающе посмотрел на нее, и лицо его прояснилось. Он хмыкнул:

— Ладно, ладно, не возникай. Сейчас попробуем. Дай мне пару минут, и я устрою встречу.

Значок замер, как кадр в кино. Слай знала, что посредник приостановил свою связь с Матрицей, связываясь с кем-то еще.

Это не заняло много времени.

— Ты встретишься с ним, — объявил Мунхоук. — В час тридцать. Подойдет?

Слай кивнула.

— Где?

— Резервуар-парк, около Круглого Дома. Это на востоке, на выезде из города, — ты найдешь. Его имя — Хол. — Мунхоук колебался. — Слушай, ты уверен, что у тебя хватит денег на все это? Твой список потянул за сотню тысяч нуен.

— За меня не беспокойся. — Она помедлила, растянув губы значка ниндзя в какое-то подобие улыбки. — А вот твоему парню лучше иметь при себе товар, старина. А то, когда мы увидимся в следующий раз, он будет холодным. Уловил? — спросила она, отключаясь.

ГЛАВА 26

15 ноября 2053 года, 23.20

Массивная лапа ухватилась за край крышки, и Коршун почувствовал зловонное дыхание тролля даже сквозь ароматы мусорного ящика.

Юноша зарылся поглубже в мусор, кровь стучала в его ушах, желудок сводило от страха. Ему в голову пришла дикая мысль — выпустить длинную очередь из пистолета прямо в лицо тролля, когда он будет открывать крышку. Но что потом? Останутся ведь еще трое.

Тяжелая крышка стала со скрипом подниматься.

— Эй вы, дубье! Там! — насмешливый голос эхом отразился от бетонных стен. Мужской голос, молодой и полный презрения.

Один из троллей выругался, и крышка упала на место. Пакет с мусором, который, как подпорку, поставил Коршун, не дал ей захлопнуться. Удивленный, он заглянул в оставшуюся узкую щель.

Тролли уже преследовали человека, который бежал по улице, — там, где всего минуту назад был Коршун. Знакомая фигура с черными прямыми волосами, в кожаной куртке и кроссовках. Как будто у Коршуна вдруг объявился двойник.

Но было что-то *странное* в этом человеке. Не только во внешнем виде. «Тут что-то не так», — подумал Коршун и понял, что весь дрожит, и не только от страха. Это было какое-то безумие.

Один из троллей выстрелил. Коршун видел, что пули неминуемо должны были попасть в цель, но бегущий человек никак не отреагировал. Раздался веселый смех — но это не был голос Коршуна. Тролли скрылись из глаз, и топот их сапог скоро затих.

Но какой дьявол увел их?

Коршун откинул крышку, осторожно выкарабкался наружу и беззвучно спрыгнул в тень за ящиком.

— Прекрасно, они ушли, — раздался чей-то голос позади него.

Он резко обернулся, выхватил из кармана автоматический пистолет и снял его с предохранителя.

Луч лазерного прицела осветил лицо женщины, стоящей возле другого ящика. «Секунду назад ее там не было, — подумал Коршун, — я это *знаю!»* Она прищурила глаза от света лазера, но не двинулась с места.

Это оказалась индианка с прямыми черными волосами,

собранными в хвост и доходившими до середины спины. На ней была одежда, которую Коршун считал традиционной для племен плейнс: туника из оленьей кожи поверх облегающих брюк, расшитые бусинками мокасины. Перья, украшения из бус и множество талисманов. Незнакомка была невысокая, скорее миниатюрная, но Коршуну показалось, что она смотрит на него сверху вниз, с какой-то недоступной высоты. «Что за дьявол, ведь это у *меня* оружие», — напомнил себе Коршун.

Он постарался определить ее возраст, но не смог. Волосы ее были черными, без признаков седины, на лице не было морщин. И она была очень привлекательна, не мог не отметить Коршун. На первый взгляд ей можно было дать около двадцати лет. Но эти властные манеры, эта уверенность в себе… Этой женщине могло быть сколько угодно…

Сообразив, что все еще целится ей между глаз, Коршун хоть и не опустил оружия, но ослабил нажим на курок и выключил лазерный луч. Он требовательно спросил:

— Кто ты?

— Меня зовут Мэри Виндсонг, — мелодично ответила, почти пропела незнакомка. Она указала взглядом на пистолет. — Знаешь, этого не нужно. Я не причиню тебе вреда. — И продолжала спокойно смотреть ему прямо в глаза.

Коршун почувствовал, как его щеки заливает краска. Он краснеет? Юноша четко осознал нелепость ситуации: взрослый, сильный раннер целится в безоружную, безобидную женщину.

— Извините, — пробормотал он, опуская ствол пистолета, который теперь был направлен в живот незнакомки. Оружие оставалось в его руке, как бы *не совсем* нацеленное на нее.

— Теперь ты знаешь *мое* имя, — подчеркнула женщина.

Юноша задумался, но решил, что ничего страшного не случится.

— Коршун, — ответил он и, помолчав, задал вопрос, который действительно не давал ему покоя: — Что за чертовщина случилась минуту назад? Я видел… я видел, как я бежал по аллее.

Мэри Виндсонг рассмеялась, и Коршун решил, что ей не больше восемнадцати. «Но не ровесница же она мне», — подумалось ему.

— Это было лучшее, что я смогла придумать на скорую руку, — весело сказала Мэри. — Я видела, как ты нырнул в мусор, и знала, что эти парни из ОВР туда полезут. Поэтому… я просто запустила призрак, но это сработало.

— Так ты шаманка?

Она кивнула:

— Я следую по пути тотемов.

— А какой твой тотем?

— Я пою песню Собаки.

Коршун пытался сообразить, о чем спрашивать дальше, но сначала ему нужно было узнать еще кое о чем.

— Почему ты решила мне помочь? Какое тебе до всего этого дело?

Она усмехнулась.

— В общем-то никакого. Но когда я увидела, как эти парни из ОВР вот-вот сцапают тебя, — она широко улыбнулась, — то подумала: «Эй, какого черта?»

— А *что* такое ОВР? — Он должен был это узнать. — Кто они? Что у них за игра?

Мэри снова усмехнулась.

— Ты хочешь, чтобы я дала тебе урок политических наук прямо здесь? — спросила она. — Сейчас тролли потеряют мой призрак и могут вернуться в любой момент.

Коршун застыл в нерешительности. Его первой мыслью было уносить отсюда ноги, и пусть Мэри занимается своими собственными делами. Но вполне возможно, что у юной шаманки есть сведения, которые будут полезны для него и для Слай. Например, что связывает Лезвие Ножа и ОВР?

— Куда бы нам пойти поговорить? — спросил он.

* * *

Заведение называлось «Буффало Джамп». Небольшое, прокуренное, без столиков — только длинная стойка бара, поцарапанная и исписанная там и сям. Посетителей было лишь пятеро, не считая Коршуна и Мэри. Все индейцы, серьезные ребята, заинтересованные своим пивом, а не другими посетителями.

Мэри провела Коршуна к двум расшатанным табуреткам в дальнем конце бара. Бармен — гора мышц и лицо, точно обваренный красный кулак — явно был ей знаком. Он приветствовал ее теплой улыбкой — или ее самым лучшим подобием — и протянул каждому по пол-литра пива. Потом он вернулся на другой конец бара, продолжая прерванное занятие — размазывать серой тряпкой грязь по стойке.

Сделав хороший глоток пива, шаманка спросила:

— Ты хочешь узнать про ОВР, так? Ты хорошо знаком с политикой Сиу?

Коршун покачал головой:

— Слабо.

Она усмехнулась:

— Тебе это не помешает, особенно если ты на плохом счету у ОВР.

— ОВР — это военная разведка, — начала она свой рассказ, — они работают в тесном контакте со Специальными силами Сиу — «Дикими котами» — ты о них слыхал?

Коршун медленно кивнул. Он слыхал истории о «Диких котах» — особом военном подразделении, экспертах по теневым операциям. Команда вооруженных до зубов воинов, там даже командос-шаманы есть.

— Да уж, хреновые новости.

— Прямо в точку, приятель, — ответила Мэри. — ОВР сотрудничает и с другими военными, оценивает потенциальную опасность, ведет разведку передвижений войск и другую подобную работу. По крайней мере, это то, что они *должны* делать. Но года два назад в ОВР пришла новая директриса, настоящее исчадие ада, по имени Шейла Волффренд, которую все зовут просто Волф. Ну, Волф начала перестраивать ОВР в собственную маленькую империю. Больше ассигнований, больше ресурсов. Более тесные связи с «Дикими котами» и меньше контроля со стороны Военного совета Сиу. Вместо того чтобы добывать информацию и оказывать поддержку другим силам, она начала время от времени проводить свои собственные теневые операции. Сначала все кривились и ворчали, особенно «Дикие коты». Они опасались, что она втравит их в темную историю и им потом придется долго отмываться от дерьма. Но Волф не только *думала,* что она профи, — она и *была* профи. Все ее операции проходили гладко, без сучка и задоринки.

— «Дикие коты» обратились в Военный совет, — продолжала Мэри, — и попытались прикрыть ОВР. Но с Военным советом это у них не прошло. Он поддержал Волф, невзирая на авторитет «Диких котов». — Мэри мягко улыбнулась. — Тогда многие решили, что Волф знает, где закопано что-то по-настоящему важное.

— Эй, погоди минуту. — Коршун поднял руку. — Ты-то откуда все это знаешь?

— А откуда, по-твоему, ОВР набирает свои кадры? — спросила шаманка. — У «Диких котов»? Да они бы с удовольствием поджарили Волф на костре. Так откуда?

Коршун на мгновение задумался, а потом мрачно усмехнулся:

— Из тени?

— Именно. Они привлекли нескольких самых крутых раннеров Сиу. Так что, конечно, кое-что утекало в теневой

телеграф, — понимаешь, о чем я?

Коршуну было понятно. Теневой телеграф был тайным каналом, по которому разносились слухи почти обо всем на свете, если ты знал, как к нему подключиться.

— И что случилось потом?

Мэри пожала плечами:

— Телеграф просто пересох. Волф готовит что-то *совершенно* ужасное. Кое-кто говорит, что ОВР собирается предпринять крупную операцию против ЮКАС. Другие — что против Пуэбло. По мне — не знаю: оба варианта были бы чистым самоубийством.

— Ты знаешь людей, которых набрала Волф? — спросил Коршун.

— Некоторых. Тебя интересует кто-то конкретно?

Коршун постарался как можно точнее описать внешность раннера, который называл себя Лезвием Ножа.

Когда он закончил, Мэри покачала головой.

— Нет, не могу сказать. Этот человек похож на многих игроков в Сиу.

Коршун кивнул, допивая свое пиво.

— Да. Ну, спасибо, Мэри. Я твой должник. — Он слез с табуретки.

— Постой! — Она схватила его за руку, хватка у нее оказалась удивительно сильной. — Я ответила на твои вопросы, и, быть может, мне хочется получить ответы на мои?

Коршун снова взгромоздился на табуретку.

— Валяй.

— За каким тотемом ты следуешь?

Коршун скривился:

— Ни за каким. — И тут же торопливо добавил: — Пока.

Мэри выглядела сбитой с толку.

— Нет? Но… — Она запнулась.

— Но что?

— Я чувствовала… — Она замолчала, явно стараясь привести мысли в порядок. — Я чувствовала силу духов.

— Да? Когда?

— Когда я создала призрак — твоего двойника, который увел этих охранников из ОВР. Я почувствовала в тебе силу, поняла, что ты слышишь мою песню.

Коршун уставился на нее. Он вспомнил свою первую реакцию, когда увидел своего волшебного двойника, бегущего по аллее. Тогда он действительно *почувствовал* в нем что-то странное. Может быть, она об этом и говорит?

— Я почувствовал… что-то, — медленно ответил юноша.

— Ты услышал мою песню, — твердо сказала Мэри. — Это

мог сделать только тот, кто способен слышать духов. Но, — она вновь смутилась, — ты сказал, что не следуешь дорогой тотемов.

— Я *пробовал,* — ответил Коршун и быстро рассказал ей о книге Х. Т. Лэнгланд, о своих попытках услышать голос духов. — Я… — Он колебался в нерешительности. — Я был в поисках озарения. — Коршун вызывающе глянул на нее, боясь, что Мэри будет смеяться или возражать ему.

Но Мэри не сделала ни того, ни другого. Она только внимательно посмотрела ему в лицо.

— Поиск озарения… — медленно протянула она. — Да. — Она снова задумалась. — Ты хочешь довести до конца свой поиск, Коршун? Мне кажется, я бы смогла тебе помочь.

Юноша не ответил, он лишь в упор посмотрел на индианку. «Она что, серьезно? — пронеслось у него в голове. — Или только пристает ко мне, издевается, потому что знает что-то, чего не знаю я?»

Но в лице Мэри не было и тени насмешки. Она просто сидела, спокойно смотрела на Коршуна и ждала его ответа.

— Как? — хрипло спросил он.

Мэри пожала плечами — с легким смущением, как показалось Коршуну.

— Есть способы… помочь в поиске озарения, — ответила она. — Методы, разработанные некоторыми шаманами. Ты можешь помочь кому-то, стать его… «духовным проводником», как я это называю, хоть это и не совсем точно.

— А как это делается?

Мэри бросила на него испытующий взгляд, и Коршун почувствовал, как по телу пробежали иголочки — словно бы ток пустили.

— Я тебе покажу, если захочешь, — спокойно ответила она.

Коршун задумался.

— Значит ли это, что я должен следовать за твоим тотемом?

Мэри покачала головой:

— Не обязательно… Проводник лишь ведет тебя в страну тотемов. Что будет потом, — она снова пожала плечами, — это касается тебя и тотемов, а не меня.

— Но все же, как это делается? — настаивал Коршун.

Мэри помолчала, собираясь с мыслями.

— Иногда тотемы говорят с тобой, — медленно сказала она, — но стены, воздвигнутые в твоем сознании, не дают тебе их услышать. Духовный проводник может помочь сломать эти стены — помочь тебе услышать голос тотемов.

— А это не опасно? — спросил Коршун.

Мэри мрачно усмехнулась.

— Не более опасно, чем многое другое.

— Значит, не опасно? — настаивал он.

— Я этого не говорила, — поправила его Мэри. — Метод *сам по себе* безопасен. Но иногда люди пользуются им, чтобы услышать голос тотемов, когда тотемы *не говорят* с ними… *В этом случае* могут возникнуть… проблемы. Ты хочешь попробовать? Это — твое решение. Я могу вести тебя, сделаю все, что в моих силах, но…

— Но если я ошибаюсь, если тотемы не говорят со мной, то… что со мной может случиться?

Она спокойно посмотрела на Коршуна.

— Ты можешь умереть, — мягко ответила Мэри, — но мне кажется, это не тот случай. Я *чувствую* в тебе силу, а я обычно не ошибаюсь в таких вещах.

Коршун уставился на нее. Все это выглядело так соблазнительно, так просто. Ну что, может, попробовать?

Вступить на путь шамана — он всегда об этом мечтал. И сейчас, здесь была девушка — эта шаманка. У него есть шанс превратить мечты в реальность. Она сказала, что он почувствовал ее песню. Неужели? Так что же? Рискнуть?

А как же Слай? Имеет ли он право рисковать? Они со Слай — приятели, товарищи. Если он умрет, она останется одна. («А я могу умереть», — напомнил он себе.)

Но какая сейчас от него польза для Слай? Она должна подключиться к «Цюрих-Орбитал», а он не сможет отправиться с ней в Матрицу. Он не нужен Слай в ее делах. И в случае неудачи — если он умрет — это не так уж и повлияет на нее.

«А вот в случае успеха, если я стану шаманом… — подумал Коршун. — Если я стану шаманом, то смогу здорово помочь Слай, когда она возвратится из Матрицы. И после того, как все это пройдет, — тоже».

«И я буду шаманом».

Он взглянул на часы. Уже почти полночь. Что говорила Слай? Что ей нужны какие-то программы и аппаратные штучки, прежде чем она отправится на вылазку против «Цюрих-Орбитал». Это ведь займет какое-то время, не так ли? *Время, достаточное, чтобы пойти за Мэри.*

Повернувшись к ней, Коршун хрипло произнес:

— Давай попробуем.

Мэри провела Коршуна за стойку бара. Они оказались в душной кладовке без окон, обставленной случайной мебелью. Следуя указаниям Мэри, юноша устроился на полу, сложив ноги в некоторое подобие позы лотоса. Девушка села рядом и поставила между ним и собой небольшую металлическую чашу. Не говоря

ни слова, она открыла расшитый бисером карман на поясе и достала несколько засушенных травинок, каждая из которых была завернута в небольшой вельветовый лоскут. Некоторые она положила прямо в чашу, а другие перетерла между пальцами, добавив в смесь. Резкий аромат ударил Коршуну в нос, проникая в глотку.

Из сумки Мэри достала небольшой амулет, привязанный кожаным шнурком к небольшой кожаной плети. Это был череп какого-то крошечного животного, наверное мыши. Закрыв глаза, Мэри пронесла амулет над чашей, а потом вопросительно глянула Коршуну в лицо.

— Ты готов? — Ее голос был спокоен, но в нем чувствовалось напряжение, заставившее его вздрогнуть.

Коршун только кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

— Закрой глаза, — приказала Мэри.

Коршун повиновался и через мгновение почувствовал, как ее прохладные ладони коснулись его щек. От рук девушки шел густой запах трав, которые Мэри растирала между пальцами.

— Глубоко вдохни, — сказала она. Ее ладони были нежными, но твердыми, прохладными. Ощущения были приятными и успокаивали.

Она что-то делала.

— Не открывай глаза, пока я не разрешу, — мягко сказала Мэри.

Он кивнул и услышал щелчок, затем ровное шипение. Его ноздри наполнились едким дымом, наверное, от подожженных ею сухих растений.

— Глубоко вдохни.

Он вдохнул, втянув теплый дым глубоко в легкие. Сначала нос и глотку обожгло резкой болью, но скоро боль сменилась онемением. Казалось, дым заполняет голову — Коршун чувствовал, как волны дыма вплетаются в мысли. Потом ему показалось, что его медленно клонит назад — *как будто он слишком много выпил.* Он хотел было открыть глаза, чтобы прекратить это головокружительное движение, но лишь плотнее сжал веки.

— Дыши глубже, — повторяла Мэри. Казалось, ее голос слышится издалека. — Дыши спокойнее.

Он кивнул. Движение усилилось, но стало почти направленным. Коршун чувствовал, как в груди растекается тепло, уверенность и спокойствие, будто уходит все, что могло бы причинить вред. Коршун почувствовал, как его рот растягивается в невольной улыбке.

В ушах возник звук — спокойное, мелодичное бормотание.

«Это Мэри», — подумал Коршун. Стало покалывать пальцы и губы. Бормотание затихало, переходя в звенящий гул. Он сделал еще один глубокий вдох, и…

Перед ним открылась Вселенная, и у Коршуна перехватило дыхание.

Казалось, он мог чувствовать Вселенную — бесконечность творения, которая лежала перед ним, находящимся в самом центре мироздания. Крошечная, бесконечно малая точка. Одинокий, уязвимый и ничтожный.

Но затем Вселенная вывернулась наизнанку — или это *он сам* вывернулся наизнанку. Бесконечность осталась, но оказалась внутри него. Вселенная стала бесконечно малой точкой внутри бесконечности, в которую превратился Деннис Корн. У него снова перехватило дыхание.

— Не бойся, — услышал он мягкий голос Мэри, — я с тобой. Тебе нечего бояться.

— Что случилось? — спросил юноша.

— Ты вступаешь на дорогу тотемов, — спокойно ответила она. Ее голос стал удаляться, искажаться, теряя человеческое звучание. Казалось, ее последние слова слышатся эхом вокруг него, *внутри* его. — «Тотемов, тотемов, тотемов, тотемов…»

Охваченный внезапной тревогой, Коршун открыл глаза.

Но уже не увидел грязной кладовой бара «Буффало Джамп».

ГЛАВА 27

16 ноября 2053 года, 01:15

Итак, это и был Резервуар-парк. Когда Слай назвала это место таксисту, он сразу понял, куда ехать, так что вряд ли она заблудилась.

Поначалу ее тревожило, что Коршун не вернулся. Но потом Слай подумала: вряд ли он мог предположить, что ей так скоро понадобится машина. Кроме того, «коллоуэй» слишком бросался в глаза и для этой встречи явно не годился. Таксист высадил ее в полумиле от парка, и остаток пути она прошла пешком.

Основное пространство Резервуар-парка занимал раскинувшийся на сотни метров луг. Названием парк был обязан водохранилищу, снабжавшему, по-видимому, питьевой водой Чиенн. Далеко в водохранилище выступал мыс. Мягкий ветерок был прохладен и свеж. Слай подумала о том, как прекрасно здесь весной и летом, когда цветы радуют глаз буйством красок. А в это время года клумбы — лишь опустевшие клочки обнаженной земли.

В дальнем конце парка, к югу от мыса, стояло круглое здание, метров двадцать в диаметре. Это, должно быть, тот Круглый Дом, о котором говорил Мунхоук. Слай медленно направилась к зданию, расстегнув по пути кобуру тяжелого револьвера.

Подойдя ближе, она увидела, что стен у Круглого Дома не было — лишь столбы, скорее всего железобетонные, поддерживали коническую крышу. Поначалу открытие ее озадачило, но потом Слай сообразила, что это сооружение — просто укрытие для тех, кого во время пикника в парке застигнет сильный дождь. Слай грустно улыбнулась. Пожалуй, она чересчур долго находилась среди теней и уже успела позабыть, что нормальные люди иногда выбираются на пикники.

Слай не могла не согласиться, что Круглый Дом был идеальным местом для встречи. Поблизости не было ни других зданий, ни кустов, ни деревьев — ничего, где могли бы спрятаться желающие вести слежку за ней или за тем, с кем она встречается. Большим плюсом было и то, что с близкого расстояния просматривалось все, что находилось внутри Круглого Дома.

Слай посмотрела на часы. До назначенного времени встречи оставалось больше десяти минут. Соблюдая осторожность, она обошла вокруг дома метрах в пятидесяти от столбов, пытаясь отыскать место, где можно сделать засаду. Ничего и никого не было. Никто не сможет подобраться ближе, чем на двадцать

метров, не обнаружив себя. Довольная, Слай присела на берегу водохранилища и стала ждать.

Ровно в час тридцать внутри Круглого Дома зажегся свет. Слай удалось различить, что включили походный фонарь, который лежал, скорее всего, на столе. В желтоватом свете она увидела небольшую стройную фигуру, стоявшую в центре здания. Слай помедлила еще несколько минут, заставляя ждать себя, — напряженная атмосфера сослужит ей хорошую службу во время переговоров. Только после этого она направилась к Круглому Дому.

Мужчина, по-видимому Хол, стоял, повернувшись спиной к водохранилищу и лицом к главной аллее парка. Он стоял молча, словно призрак. С противоположной стороны — со стороны водохранилища — Слай смогла хорошенько рассмотреть его.

Хол походил на эльфа — правда, он был немного ниже ростом, чем требовалось, но гибкий, тонкокостный и ловкий. Одет он был в джинсовый костюм и мотоциклетные ботинки. Светлые волосы Хола, коротко и тщательно остриженные сверху, сзади спускались до плеч. Через плечо на мягком ремне был перекинут небольшой металлический ящик размером с кейс. Слай одобрительно улыбнулась. Похоже, Хол принес то, что ей нужно.

Она подошла к самой двери Круглого Дома, прежде чем Хол заметил ее приближение. Он удивленно вскинул голову, но не выхватил спрятанное оружие. Слай шагнула вперед, вытянув перед собой пустые руки.

— Догадываюсь, что ты Хол, — сказала она.

Эльф встретил ее мрачной ироничной ухмылкой.

— А я не сомневаюсь, что ты Слай.

Этот голос она уже слышала. Но где? И вдруг Слай вспомнила. В доках Сиэтла, как раз перед тем, как снайпер открыл огонь. Засада!

В этот момент фигура Хола замерцала, словно привидение, и начала преображаться. Она росла в высоту и ширину, лицо приняло более знакомые очертания. Даже одежда изменилась: потертый джинсовый костюм сменила полувоенная форма. Теперь Слай узнала этого человека. Лезвие Ножа, главарь индейских раннеров, который пытался убить ее!

Инстинктивно Слай отпрыгнула в сторону и выхватила свой «ворхоук», хоть и знала, что все уже слишком поздно. Лезвие Ножа был безоружен, но когда магические превращения закончились и раннер принял свой истинный облик, периферийным зрением Слай увидела справа и слева от себя несколько мерцающих человеческих фигур. Привидения, фантомы…

Она бросилась наземь и вскинула пистолет, пытаясь поймать на мушку Лезвие Ножа.

Затем она увидела, как одна из возникших фигур — тощий, словно скелет, индеец с перьями в волосах и амулетами на ремне — указывает на нее пальцем. Слай попыталась откатиться в сторону, словно вместо пальца на нее навели дуло пистолета.

Тощий индеец пошевелил губами. На нее обрушился страшный удар, и Слай потеряла сознание.

* * *

Сознание вернулось так же неожиданно, как и покинуло ее. Не было медленного полусонного возвращения к жизни, просто резкая граница между небытием и полным сознанием.

Слай не открывала глаз и старалась сохранять полную неподвижность — она не хотела, чтобы заметили ее пробуждение. Ей потребуется какое-то время, чтобы оценить свое физическое состояние.

Она сидела на мягком стуле с высокой спинкой. Руки были привязаны ремнями к подлокотникам, лодыжки связаны одна с другой, а широкие ремни вокруг талии и груди плотно прижимали ее к спинке стула. По лбу, прямо над имплантированным гнездом данных, проходила повязка, блокирующая движение головы. Даже не предпринимая никаких попыток, она знала, что не сможет шелохнуться.

Мучительные иглы страха пронзили Слай: точно так же был привязан Агарвал! Изо всех сил она сдерживала желание навалиться на ремни, вырваться из них. Слай попыталась успокоиться и начала дышать ровно, глубоко и медленно.

— Да не старайся ты так. — От прозвучавшего у самого уха голоса она вздрогнула. — Мы знаем, что ты уже в сознании.

Блефовать дальше было бессмысленно. Слай открыла глаза и огляделась.

Она находилась в маленькой комнате без окон, стены, пол и потолок были из голого бетона. Единственная мебель — ее стул, стоявший посреди комнаты. Вокруг стояли трое. Двоих она узнала сразу: Лезвие Ножа, все еще в полувоенной форме, и тощий как смерть, обвешанный амулетами шаман, «вырубивший» ее в Круглом Доме. Третьей была невысокая женщина, которая стояла в стороне и наблюдала за происходящим с таким спокойным любопытством, что Слай стало не по себе. Лезвие Ножа и шаман имели при себе пистолеты, женщина, похоже, была безоружна. Лезвие Ножа обошел стул и присел напротив Слай

так, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Она попыталась пнуть его, но лодыжки были прочно привязаны друг к другу и к стулу.

— Я рад, что мы наконец сможем поговорить спокойно, — невозмутимо произнес индеец. — На этот раз нам никто не помешает.

— Жаль, что ты не стоял тогда на двадцать сантиметров левее, — процедила сквозь зубы Слай.

Лезвие Ножа дотронулся до своего левого бока, куда попала пуля снайпера, и ухмыльнулся.

— Это имело бы какое-то значение для меня, но не для тебя. Даже если бы та пуля разнесла мне позвоночник, беседу с тобой в конце концов провел бы кто-нибудь другой. — Холодная улыбка исчезла с его губ. — Полагаю, самое время рассказать нам, где ты прячешь данные. Знаю, что с собой ты их не взяла. — Опустив руку в карман, он достал ее пропуск в номер мотеля. — Отели перестали печатать свои названия на пропусках, — спокойно продолжал он. — Раньше я относился к этому с пониманием. Это уменьшает количество краж. Но сейчас у меня на этот счет другое мнение. Думаю, что кристалл, который мы ищем, спрятан в номере отеля.

Слай издевательски улыбнулась.

— А в Чиенне много отелей, верно, ублюдок?

— Вот поэтому ты сейчас и назовешь нам нужный, — невозмутимо произнес индеец. — А еще ты скажешь, где спрятала файл и как обойти те ловушки, которые ты устроила.

— А иначе вы обработаете меня, как раньше Агарвала, верно? — Слай пыталась сдержать дрожь в голосе, но так и не смогла.

Лезвие Ножа медленно покачал головой.

— Это не наша работа, — ответил он. — Для нас это слишком грубо и примитивно. Да и опасно. Всегда есть вероятность того, что клиент умрет, прежде чем расколется. Слабое сердце, внезапный инсульт… мало ли что может случиться. Мы усовершенствовали процедуру. Используем все — м-м-м… — несомненные преимущества пыток, исключающих физический риск. — Он хмыкнул, и от этого звука спина Слай покрылась испариной. — Зачем вообще трогать тело, если можно непосредственно воздействовать на сознание? — Он протянул руку и кончиком пальца коснулся разъема, укрепленного в голове Слай.

«Дьявол тебя разрази!..» Она рванулась вперед, пытаясь скинуть с себя ремни. Бесполезно. Они не поддавались и лишь сильнее впились в ее тело. Слай не смогла даже чуть-чуть

оторваться от стула.

Лезвие Ножа спокойно наблюдал за Слай, пока она не затихла, задыхаясь от напряжения. Он кивнул невысокой женщине.

Та подошла и что-то достала из кармана. Это была маленькая металлическая коробочка, не намного больше ее ладони. С одного ее конца свисал оптоволоконный проводник с разъемом для подключения к мозгу. Женщина взяла разъем и поднесла к голове Слай.

— Нет! — завизжала Слай. Она попыталась повернуть голову, отвести ее подальше от разъема. Но туго затянутая повязка и здесь блокировала малейшее движение. Слай была бессильна помешать женщине, вставлявшей разъем в гнездо. Сухо щелкнув, разъем стал на место. Волны страха и отчаяния пробежали по телу девушки, лишая ее последних сил.

— Ты можешь в любой момент рассказать нам все, что знаешь, — сказал Лезвие Ножа. — И тогда мы отключим ящичек.

— А потом вы убьете меня, — бросила ему Слай.

Лезвие Ножа пожал плечами.

— Зачем? Какой в этом смысл, если мы получим все, что нам надо?

— Врешь! — закричала Слай.

Лезвие Ножа кивнул невысокой женщине и направился к единственной в комнате двери.

— Увидимся позже, Слай, — насмешливо произнес он.

Женщина нажала кнопку на черном ящичке. Мерзость, разрушение и ужас обрушились на Слай.

И, затмевая все, царила рвущая на части и заживо сжигающая боль.

Слай ничего не могла поделать, она лишь беспомощно визжала.

ГЛАВА 28

Перед Коршуном расстилалась холмистая прерия, покрытая зеленой травой и множеством зимних цветов. Воздух был свежий и чистый, не измененный человеком и не осквернённый им, такой, каким он, наверное, был во дни юности мира. Ветер трогал траву, перебирал волосы Коршуна и доносил откуда-то издалека запахи глубоких, древних лесов.

«Давно ли я здесь? — подумал он. — Мгновение? Или всю свою жизнь? Или вечность, от зари времен?» Что-то подсказывало ему, что в правильном ответе было понемногу от всего этого.

Ветер нес не только запахи: было в нем журчание далекого ручья, симфония птичьих песен… А надо всем этим звучала музыка. Негромкий, сложный ритм и мелодия, сильная и величавая, звеняще-могучая. Казалось, музыка звучит внутри Коршуна, эхом отдается в самом его сердце. Музыка звала его, и он повиновался.

Он бежал к ее далекому источнику — быстрее, чем может бежать человек. Летел скорей оленя, стремительней орла. И никакого напряжения, никакого усилия. Его дыхание было спокойным и глубоким. А он все бежал, с каждой секундой прибавляя и прибавляя скорость.

А рядом с ним, так же стремительно и легко, бежал еще кто-то. Мэри Виндсонг.

И даже не Мэри, не совсем она. Что-то изменилось в ее облике. Волосы больше походили на шерсть, лицо теперь напоминало морду зверя. Но глаза были ее, и улыбка тоже.

Коршун оскалил зубы в звериной улыбке и провыл песню своей радости, подняв голову к бесконечным лазурным небесам.

— Почему ты не сказала мне, что это будет так? — крикнул он девушке.

Она засмеялась — будто талая вода, текущая с гор, зазвенела между камнями.

— А ты бы мне поверил?

Они бежали дальше.

Долго ли? Далеко ли? Здесь эти вопросы задавать было бессмысленно, Коршун знал это. Он чувствовал время, но был свободен от него. Он был вне мира, который знал раньше. Может, он и боялся бы, но откуда взяться страху, когда в волосах играет ветер, а в сердце звучит музыка?

Впереди показался лес. Мэри и Коршун вмиг достигли опушки, и им пришлось перейти на шаг.

Золотые лучи солнца, пробиваясь сквозь листья, освещали им

путь. Коршун слышал, как рядом в зарослях густого подлеска крадутся огромные звери. Он опять подумал: а не страшно ли ему? Нет. «Звери не собираются нападать, — понял он, — они нас провожают».

Музыка все звучала, теперь уже яснее и громче. Скоро Коршун и Мэри подошли к большой поляне. Коршун шагнул было вперед, но остановился, увидев, что Мэри осталась в тени деревьев.

— Я не поведу тебя дальше, — ответила она на его немой вопрос. — Это больше не нужно. Посмотри вон туда, — показала она.

Коршун обернулся.

Посреди поляны, которая еще мгновение назад была пустой, стоял огромный зверь. Серо-черный, с серебряной проседью волк не отрываясь смотрел на Коршуна.

Нет, не волк. Это был Волк.

В первый момент Коршун испугался. Сердце сжалось, кровь застучала в голове. «Я не могу этого сделать…» — подумал он.

В надежде на помощь он оглянулся на Мэри. Она подбадривающе улыбнулась, кивнула. «Иди вперед», — прозвучал в голове Коршуна ее голос.

Музыка по-прежнему была с ним, вокруг него, внутри его, и она звала. Как он мог не подчиниться? «Это ведь то, чего я ждал всю жизнь… да?» Он с трудом перевел дыхание и шагнул вперед.

Первый шаг был самым трудным. С каждым новым шагом страх исчезал, сменяясь предчувствием — таким же острым, но уже не лишавшим сил, а их добавлявшим. Сопровождавшие их по обеим сторонам тропы существа вышли на свет. Лесные волки, могучие, но поменьше Волка. Они держались на расстоянии, с уважением глядя на Коршуна, будто стояли в почетном карауле.

А Волк был уже рядом с ним, не сводил с него больших серых глаз. Музыка затихла в ушах у Коршуна, но продолжала звучать у него в сердце.

— Ты знаешь меня? — четкие и ясные, как льдинки, слова прозвенели в голове у Коршуна.

Пасть Волка не двигалась, но Коршун ни на минуту не усомнился в том, чей мысленный голос он услышал. Он снова перевел дыхание и выдавил через пересохшее горло:

— Я знаю тебя. — И только сказав, он понял, что это правда. — Я всегда знал тебя, не подозревая об этом.

— И я знаю тебя. — Волк подошел ближе, и Коршун почувствовал на лице его теплое дыхание. — Моя песня внутри тебя, Человек. И она была там всегда, хоть ты ее и не слышал. Теперь ты слышишь ее и можешь следовать ей, если захочешь. Но

если ты согласишься, тебе будет трудно, может быть, труднее, чем когда-либо прежде. Она может потребовать больше, чем ты готов дать. Но никогда не потребует больше, чем ты можешь дать. Ты будешь следовать ей, Человек?

Коршуна охватили противоречивые чувства. Страх, восторг, грусть. Он был потрясен значимостью того, что сказал Волк, — а еще больше тем, чего тот недосказал. Но песня все звенела в его груди, и он не мог ответить иначе, чем, затаив дыхание, произнести:

— Я буду следовать ей.

— Итак, ты сделал первый шаг на пути шамана, — сказал Волк. — Ты сделаешь мою песню прекраснее, ты сделаешь ее своей, как всякий, кто слышит ее сердцем. А теперь я научу тебя другим песням — иным, не таким важным, но все же песням могущества.

Коршун склонил голову. Он не мог сказать ничего, да и не хотел.

И тогда первый крик прозвучал в его голове. Женский крик, крик ужасной боли, достаточно сильный, чтобы лишить его рассудка.

Он обернулся к Мэри. Та все еще стояла среди деревьев и смущенно глядела на него. Кричала не она. Она даже не слышала крика.

Крик прозвучал снова, громче и пронзительней, чем прежде. И на этот раз он узнал голос.

Слай!

Третий крик.

Он чувствовал ее боль, как свою, чувствовал ее ужас и беспомощность. Чувствовал, что она зовет на помощь. Его?

Он повернулся к Волку. Зверь был абсолютно недвижим, будто и не слышал криков.

— Я научу тебя песням, — повторил он.

— Я не могу. — Слова слетели с губ прежде, чем Коршун успел подумать.

Брови Волка удивленно, совсем по-человечески, приподнялись.

Коршун заторопился.

— Я должен покинуть тебя. Там женщина… я ей нужен.

Волк негромко зарычал — первый настоящий звук, который услышал от него Коршун. Брови зверя сдвинулись на лбу.

— Ты уходишь? — спросил Волк. — Ты отказываешься учиться у меня? Кто тебе эта женщина?

Может, остаться? Но Коршун не мог этого сделать и знал это.

Он с трудом перевел дыхание.

— Она мой друг, — сказал он, собрав все силы. — Она… — Он запнулся, посмотрел на лесных волков. — Она из моей стаи.

Волк не хмурился больше. В его мысленном голосе звучала радость… и одобрение.

— Да, из твоей стаи. Ты последовал моей песне — лучше, чем тебе кажется. Ты всегда ей следовал.

У Коршуна появилась уверенность, что он прошел какое-то испытание.

Волк уселся на задние лапы.

— Иди, Человек, — мягко сказал он. — У тебя еще будет время поучиться. А теперь — иди с миром.

И неожиданно все рассыпалось на миллионы кусочков и исчезло.

Коршун стоял на улице ночного города, Мэри рядом с ним. Оглядевшись, он увидел идущих мимо людей, хотя их было и немного. Они спешили по своим делам, и, что поразило Коршуна, никто ни разу не взглянул на него или Мэри.

Что-то странное было в улице, что-то странное в домах. Все казалось слишком чистым, слишком четким. Он мог заглянуть в глубокую тень и даже туда, куда совсем не попадал свет. Он повернулся к Мэри.

— Где мы? — спросил он.

— В астральном измерении, — медленно ответила она. — Твоя работа?

Коршун покачал головой. Какая там работа, о чем она? Он даже не знал, что такое астральное измерение.

— Это Волк, — сказал он ей.

— Почему?

Ужасный крик зазвенел вновь и пронзил его мозг. «Вот почему», — понял Коршун.

— Ты слышала? — спросил он Мэри.

— Что?

«Так это только для меня, что бы это ни было».

Хотя Коршун слышал крик Слай разумом, а не ушами, он решил попытаться определить, откуда тот доносится. Он повернул голову, весь напрягся, и вот — чудо! — он узнал…

— За мной! — приказал он Мэри.

И он побежал — он, Коршун, шаман, и Мэри — другой шаман — не отставала от него ни на шаг.

Коршун летел по городу, как по прерии тотемов. Он двигался быстрее, чем могли нести его ноги, безо всякого напряжения или усилия. Коршун догадался: единственное, что сдерживает его скорость, — это его воля. Он напряг волю — и скорость удвоилась, утроилась.

Сначала он огибал препятствия — машины, дома. А потом рискнул и побежал прямо на стену здания — и пролетел насквозь, будто ее там и не было. Ликующий вопль вырвался из его груди.

Послышался новый крик, теперь уже ближе, громче — и намного ужаснее. Каким-то образом он понял откуда. Из небольшого домишки впереди, судя по сломанной неоновой вывеске — заброшенной мастерской. Двери и окна дома были заколочены.

Но это не остановило Коршуна. Он нырнул в мастерскую, Мэри не отставала ни на шаг. Пройдя, как призрак, сквозь стену, он очутился в просторной пустой комнате. Повсюду были пыль и мусор. Никаких признаков жизни.

Но Коршун чувствовал, что внизу под ним было что-то живое. Усилием воли он прошел сквозь пол.

Коршун оказался в подвале с голыми бетонными стенами. Два человека стояли над третьим, привязанным к стулу с высокой спинкой. Один из стоящих был тощ, как скелет. С его одежды свисали странные предметы. Коршун видел их словно бы двойным зрением. Он видел их такими, какими они были по форме — крошечными амулетами из дерева, кости и перьев, но мог разглядеть и то, чем они были по своей сути — мерцающими, пульсирующими сгустками энергии.

Он лишь мгновение смотрел на эти странные предметы — его внимание привлек человек, привязанный к стулу.

Это была Слай — она корчилась и билась в крепких ремнях, ее лицо исказила гримаса боли. Слай снова закричала, и на этот раз Коршун услышал ее дважды: ушами и тем необычным внутренним слухом, который и привел его сюда. Только тогда он обнаружил, что Мэри Виндсонг по-прежнему рядом с ним — она в ужасе смотрела, как пытают подругу Коршуна.

Вторым палачом Слай оказалась худощавая женщина. Протянув руку к черной коробке, соединенной с головой Слай, она щелкнула выключателем.

ГЛАВА 29

16 ноября 2053 года, 02.23

«Боже, дай мне умереть!» — Слай пыталась прокричать эти слова, пыталась вымолить избавление смертью.

Страшная боль гулом и звоном отзывалась в каждом нерве, выжигала мозг, каждую косточку. Боль раскалывала голову, сжимала желудок, разрывала все нутро. Иногда эта боль была бесформенной, а затем принимала конкретные формы — банда троллей, терзающих ее тело; хирургический скальпель в руках маньяка; огонь, пожирающий ее изнутри; крысы, пожирающие ее снаружи… Каждый раз, когда она думала, что достигла пределов боли, дошла до самого края мучений, форма менялась — причем так быстро, что приспособиться к этому было невозможно.

Слай ничего не могла поделать, она лишь беспомощно кричала.

А затем боль ушла. Страшные ощущения, заполнявшие мозг, исчезли, оставив лишь реальные ощущения ее собственного тела.

Она была совсем без сил, словно пробежала дюжину марафонских дистанций. После мучительных конвульсий мускулы дергались и дрожали. Одежда пропиталась потом, голос сорвался от постоянного крика. Сдерживая дрожь, Слай глубоко вздохнула.

— Коршун!.. — простонала она.

«Но Коршуна здесь нет», — слабо отозвалось ее сознание. Зачем же она зовет его?

Слай открыла глаза и посмотрела на бездушную женщину-техника.

— Будешь говорить? — спросила та.

Слай попыталась плюнуть ей в лицо, но во рту слишком пересохло.

— Проваливай к черту!.. — прохрипела она.

Женщина пожала плечами, не стронувшись с места. Затем она протянула руку к выключателю на черном ящичке.

Нет! Паника вновь овладела Слай. «Я больше этого не вынесу!» Она была на краю бездны, на грани помешательства.

Коршун? Невероятно, но она снова ощутила присутствие юноши, и именно это отвело ее от края пропасти.

Как будто это имело какое-нибудь значение. Палец женщины коснулся выключателя. Слай напряглась, отчетливо понимая свою беспомощность.

— *М-м?* — раздалось вдруг гортанное ворчание тощего шамана, который уставился в какую-то точку, недоступную

взгляду Слай.

Женщина-техник вздрогнула от этого звука, палец соскочил с выключателя.

А затем вдруг весь подвал охватило пламя, вырвавшееся из одного из амулетов на поясе шамана. Разрастаясь огненным шаром, пламя настигло стоявшую женщину. Вспыхнули одежда и волосы, и рядом был уже орущий живой факел. Слай завизжала, увидев приближающиеся языки огня, но огонь почему-то не причинил ей никакого вреда. Она не чувствовала боли, не было и следов ожогов. Огонь не тронул ни ее волос, ни одежды, ни кожи. Но все равно Слай не выдержала и изо всех сил зажмурила глаза.

Через несколько мгновений пламя затихло. Слай осторожно открыла глаза.

Женщина была мертва, тусклые огненные язычки продолжали лизать ее тело. Шаман пострадал гораздо меньше. Его одежда была опалена, особенно вокруг амулета, извергнувшего пламя, обнаженная кожа покраснела, но практически не обгорела. («Он защитил себя с помощью магии?» — судорожно промелькнуло в голове Слай. Может, и ее это спасло?) Шаман яростно зарычал и опустился на пол, прислонившись спиной к стене. Слай поняла, что он пытается справиться с каким-то магическим врагом.

Шаман был в трансе всего несколько секунд. Затем он широко открыл глаза, на его лице появились растерянность и ужас. С трудом поднявшись на ноги, — неловко, словно зомби, приходящий в себя после тяжелого забытья, — он, покачиваясь, шагнул в сторону Слай. Встретив полный ужасающей ярости взгляд шамана, девушка содрогнулась. Он раскрывал рот, словно пытаясь что-то сказать, но с губ срывались лишь нечленораздельные звуки. С уголков рта свисали капельки слюны.

«Это — часть пытки», — промелькнуло вдруг в мозгу Слай. Все это нереально, это очередной мираж, заполнивший ее мозг. Но несмотря ни на что, она отчаянно пыталась вырваться из сковавших ее ремней.

Шаман остановился перед ее стулом, наклонился и развязал левое запястье Слай. Как только рука освободилась, девушка отдернула ее назад и, сжав пальцы в кулак, приготовилась нанести своему палачу удар в горло…

С огромным усилием она заставила себя сдержаться. «Он освобождает меня. Почему-то он дарует мне свободу». Слай чувствовала себя опустошенной, измученной, абсолютно сбитой с толку.

Продолжая издавать нечленораздельные звуки, шаман освободил вторую руку Слай, затем наклонился и стал

развязывать лодыжки. В это время Слай распутывала ремни, которыми были привязаны ее туловище и голова.

Развязав ноги Слай, шаман, пошатываясь, отошел к стене. Глаза его закатились, и он рухнул на пол — то ли замертво, то ли просто потерял сознание. Слай было не до него.

Какое-то время она сидела неподвижно, потом про тянула руку и осторожно отсоединила от черепа прибор для пыток. В тот же момент, когда разъем вышел из гнезда, она швырнула черный ящичек в бетонную стену, вложив в этот бросок всю энергию, которая еще оставалась в ее теле. Слай громко засмеялась, глядя, раскололся пластиковый корпус прибора, как рассыпались по полу платы и остатки интегральных схем.

Выпрямившись на стуле, Слай вцепилась в подлокотники и попыталась встать.

Но мир вокруг замелькал и поплыл у нее перед глазами. Застонав, Слай рухнула на сиденье.

Чувствовала она себя мерзко — ни дать ни взять мешок с дерьмом. Болел каждый мускул, каждый сустав, даже кожа зудела и горела. А что хуже всего, она не была уверена в реальности происходящего. Она не могла сказать, действительно ли ее освободил шаман или это была очередная галлюцинация.

Или — от этой мысли Слай содрогнулась — все это было лишь продолжением, новым этапом пытки? Что, если она подымется на ноги, выберется из этого пропахшего паленым мясом гулкого бетонного карцера, сделает шаг в ночную тьму — и все лишь для того, чтобы вновь ощутить потерю обретенной свободы? Открыть глаза и снова обнаружить себя на стуле, привязанной, неподвижной, а рядом будет стоять женщина-техник, настраивая черный ящик, из которого новые, еще более страшные и мучительные галлюцинации потекут в ее мозг.

Она не сможет вынести это. Если все действительно так и будет, лучше покончить с этим сейчас. Сдаться, прекратить бессмысленное сопротивление.

Да, да, *сдаться.* Рассказать все, что им нужно. И разве сам факт осознания, что этот метод принесет успех, не подтверждает, что все вокруг было очередной галлюцинацией?

Слай закрыла глаза. Она вдруг поняла, *как* можно спастись в этой ситуации. «Если я не поверю, что обрела свободу, то им ее у меня и не забрать. Кто будет жалеть о потере того, чего не имел?» Она затаила дыхание и попыталась расслабить мускулы.

Слай ощутила на себе чей-то взгляд — кто-то наблюдал за ней. *«Неужели опять? Как в тот момент, когда техник выключила прибор для пыток?»* Несмотря на все попытки расслабиться, девушка почувствовала, как вновь напряглось ее

тело. Она открыла глаза.

Никого не было. По крайней мере, никого, кто оставался бы в полном сознании. В углу лежала мертвая женщина-техник; у стены — шаман. Кроме них, в подвале никого не было.

Но черт побери, она безошибочно ощущала чье-то присутствие. Знала, что кто-то наблюдает за ней. И в глубине души она была уверена, что наблюдают за ней не в потайной глазок в двери или в стене. Кто-то был совсем рядом, она знала это. Кто-то стоял рядом со стулом, пусть даже она никого не видела.

А может, наблюдатель — не исключено, что и сам Лезвие Ножа, — укрывался за какой-то магической завесой, как те мерзавцы в проклятом Круглом Доме? Хотя нет, вряд ли. Слай знала о своей способности ощущать чье-либо присутствие, но сейчас было нечто большее. Ей знаком этот человек. По крайней мере, у нее была уверенность, что рядом — кто-то близкий. — Коршун?

Слово соскочило с губ, прежде чем она сумела удержать его.

Этого не может быть…

Но — сейчас она была уже полностью уверена — это так и есть.

— Коршун? Ты здесь?

Разве это могло быть частью пытки? Ведь им неизвестно, что Коршун работает с ней, что они вместе приехали в Чиенн. Что он был ее товарищем, ее другом. А может, они все узнали?

Волна страха вновь обрушилась на нее. «Что со мной? Может, я уже схожу с ума?» Слай осмотрелась по сторонам.

Да, конечно, Коршун был здесь. Он стоял рядом, лицо его искажал ужас. Слай потянулась к Коршуну, пытаясь схватить его за руку.

Но ее рука прошла сквозь тело юноши. Только тогда она обратила внимание, что тело было просвечивающимся, полупрозрачным. Сквозь него она видела стену и шамана, лежавшего за спиной Коршуна.

«Я схожу с ума! — Слай снова закрыла глаза, из-под опущенных век потекли слезы. — *Задавай свои вопросы, Лезвие Ножа. Я на все отвечу. Только прекрати этот кошмар».*

— Слай…

Это был голос Коршуна… хотя и не совсем. Что-то было жутковатое в этом голосе, что-то… *потустороннее* — да, пожалуй, лишь это слово к нему подходило. Кроме того, голос был тихим, словно Коршун стоял не рядом, а был далеко-далеко отсюда.

— Уходи, — пробормотала Слай.

— Слай, — повторил Коршун, на этот раз твердо и

настойчиво. — Пойдем. Тебе надо выбираться отсюда, подруга.

Но та покачала головой и закрыла глаза.

— Ты не настоящий, — прошептала она.

— Лезвие Ножа может вернуться! — Коршун был в панике. — Ты должна бежать!

— Ты не настоящий, — повторила она.

— Черт тебя побери, вставай! Ты что, хочешь умереть?

— Почему бы и нет?

— Слай, ты — *идиотка!* — заорал Коршун, и эхо многократно отразило его крик от бетонных стен. — Помрешь, когда придет твое время! *А сейчас пошевеливай своей обделанной задницей!*

— Ты — привидение, — пробормотала она.

— Пусть даже привидение, я буду рядом с тобой, пока ты отсюда не выберешься. А сейчас отрывай свою облезлую задницу от стула и *уноси* ее отсюда!

Слай молча пожала плечами. А почему бы и нет? Ничем хорошим это, конечно, не кончится. Она выберется наружу, техник выключит прибор, галлюцинации исчезнут, и она снова окажется на стуле. Да какая, черт побери, разница? Слышать Коршуна было еще хуже — его голос напоминал Слай, что избавиться от всего этого кошмара можно лишь, рассказав Лезвию Ножа все, что тот хочет. А рассказав все, она погубит и Коршуна.

— Ладно, ладно. — Она снова поднялась на ноги и вцепилась в подлокотники, но все вокруг стремительно закружилось. Она чуть не потеряла сознание от приступа слабости и изо всех сил сжала челюсти.

Слай сделала первый неуверенный шаг по направлению к двери.

— Так-так, давай дальше, — подбадривал ее Коршун.

— Чтоб ты провалилось, чертово привидение! — пробормотала Слай.

Она сделала второй шаг. Споткнувшись о ногу лежавшего на полу шамана, она чуть не упала. Чтобы сохранить равновесие, Слай вытянула вперед руку и ощутила ладонью холод металлической двери.

— *Ну хорошо, я у двери. Что дальше?*

— *Открой ее, идиотка!*

Слай взялась за ручку двери, повернула.

И ничего не произошло. *Ну конечно же, заперто!* Слай отчаянно заколотила в дверь, понимая всю тщетность своих усилий.

— Попробуй повернуть в другую сторону, чтоб тебя!

— Да, да, — пробормотала Слай и повернула ручку в другую

строну.

Дверь распахнулась. Перед Слай была узкая лестница.

Чтобы добраться до верха, надо пройти три-четыре метра. В ее состоянии это стоит доброй сотни миль.

«Но ведь он все равно не оставит меня в покое, пока я не доберусь туда, верно?» Слай начала подыматься по лестнице, опираясь, чтобы не упасть, о бетонную стену.

Это было почти невозможно. Мускулы отказывались подчиняться, голова кружилась, Слай бросало из стороны в сторону. Пот заливал глаза, она почти ничего не видела. Собственное дыхание звучало в ее ушах так же отдаленно, как голос-призрак Коршуна. *«Мне ни за что туда не добраться».*

Но ей это удалось. Слай чуть не упала, попытавшись поставить ногу на ступеньку, которой уже не было. Она прислонилась к стене, пытаясь удержаться на дрожащих ногах. Слай несколько раз глубоко вздохнула, пока в голове не прояснилось.

Куда она попала? Маленькая прихожая, справа и слева двери, позади лестница.

— Куда теперь? — прошептала она.

— В правую дверь. — Призрак Коршуна не отставал от нее, казалось, он стоит прямо за спиной. — Она не заперта. Открывай.

«Только бы потом ты от меня отвязался…» Слай схватилась за ручку и повернула ее. Дверь распахнулась.

Она ощутила порыв прохладного ветерка, слегка прояснившего ее затуманенное сознание. *«Я выбралась? Передо мной улицы ночного Чиенна. Свобода?»* Слай замешкалась.

— Чего ты ждешь? — понукал ее Коршун-привидение. Еще чуть-чуть, и он начнет переступать с ноги на ногу от нетерпения. Это начинало казаться забавным. — Ну?

Что она могла ему ответить? Что ждет, как техник отключит прибор?.. Сейчас, когда свобода всего лишь в *метре* от нее? Или когда она ступит шаг наружу? Что будет для нее большей пыткой?

— *Двигай!* — заорал Коршун-призрак.

Она пошла. Что же, ей остается доиграть свою роль до конца, до самой последней страницы сценария. Она шагнула вперед, и ее легкие наполнил холодный ночной воздух.

Слай вышла на улицу, расположенную в каком-то промышленном районе. Склады, площадки с отработавшими свое машинами, напротив через улицу — заводские ворота с надписью: «Чиеннские цепи и провода».

Куда идти? И имеет ли это какое-нибудь значение?

Она повернула направо и сделала свой первый шаг подальше

от дома, ставшего ее тюрьмой.

Еще один шаг, затем еще один. Увеличивая темп, все быстрее и быстрее, она наконец перешла на неуклюжий бег. Дыхание было тяжелым, холодный воздух обжигал пересохшее горло, но боли уже не чувствовалось. «Кто знает? — думала она. — Может, они забудут отключить прибор». Разве иллюзия свободы чем-то хуже настоящей свободы? Если нельзя отличить реальность от иллюзии, как можно говорить о преимуществе одного перед другим? Может, вся ее жизнь была галлюцинацией… Слай продолжала бежать.

Ее легкие разрывались на части, ноги горели. Каждый шаг мучительной болью отдавался в ногах, в позвоночнике, в мозгу. Шум в ушах оглушал ее. Перед глазами все замерцало и поплыло…

А затем не осталось ничего — только тьма и плывущие звезды у нее над головой. Фантасмагорическое звездное поле.

С каким-то облегчением Слай упала прямо на это поле.

ГЛАВА 30

16 ноября 2053 года, 03.10

Вздохнув, Коршун «упал» назад в свое тело.

Только так он мог бы это описать. В какое-то мгновение он был рядом со Слай, когда она шла, пошатываясь, по улице. Затем он ощутил что-то вроде подергивания и потом оказался снова в своем физическом теле, на полу, в кладовке «Буффало Джамп». Некоторое время он лежал, чувствуя покалывание во всем теле. Это было похоже на ощущение падения во сне, когда ты падаешь и падаешь, но вместо того, чтобы удариться о землю, просыпаешься и смотришь в потолок, и по нервам проходят странные импульсы.

Коршун повернул голову. Мэри все еще была в полной «отключке», и слегка раскачивалась. Казалось, она находится в трансе. Потом она резко подняла веки и уставилась на него.

— Что, черт возьми, произошло? — осторожно спросила она.

Коршун заставил себя подняться и проверить, как он держится на ногах. Покалывание уже проходило.

— Не знаю, — ответил он. — Это ты что-то сделала, а не я. Я никогда не делал этого раньше.

— Но… — Она остановилась. На лице Мэри было странное, похожее на страх выражение. — Но то, что ты делал…

— Что *я делал?*

— Ты нашел свою подругу через *астрал,* — медленно проговорила Мэри. — Ты сумел добраться до нее. Ты наложил заклятие на этот шаманский фетиш…

— Нет! — закричал Коршун. — Это сделала ты.

Мэри покачала головой:

— Нет, не *я*. *Ты* наложил заклятие. Вспомни.

Коршун попытался. Он снова увидел подвал, увидел Слай, привязанную ремнями к креслу. Песнь Волка все еще звучала в нем, в его нервах, костях и мышцах. Он вспомнил ярость, охватившую его, когда он понял, что Слай пытали. А потом…

Потом песнь Волка приняла другую тональность. Больше не было в ней спокойной размеренной силы — силы плавно текущей реки. Песнь изменилась, стала жестче, злее — как штормовое море. Песнь наполняла его, переполняла. Он слился с музыкой.

А потом взорвался огненный шар.

«Я наложил заклятие? Так это было заклятие?»

— Я сделал это? — пробормотал он. Мэри кивнула.

— А как же… как же шаман, который выпустил Слай?

— Это сделала я, — пояснила Мэри. — Заставить шамана —

это уже проще. К тому времени я как будто поняла, что происходит. Но потом ты ведь проявился физически, так? — продолжала она. — Твоя подруга видела тебя и ты говорил с ней?

Коршун кивнул:

— Шаманы могут делать это — разве нет?

— Да, но… дьявол! Коршун, они должны *учиться,* чтобы проделать все это. Все, что тебе удалось сегодня ночью… Знаешь, управлять мотоциклом — занятие нехитрое, но то, что делал ты, — это если бы парень, который ни разу на него не садился, вскочил на мотоцикл и вытворял цирковые номера! Мы должны поговорить об этом.

— Позже, — Он вскочил на ноги. — Слай ушла. Нужно найти ее. Где, черт возьми, это было?

Мэри на мгновение задумалась.

— То место, что мы видели, — «Чиеннские цепи и провода». Я знаю его. Это на юге. Промышленная зона.

— Отведи меня туда, — приказал Коршун.

Мгновение Мэри колебалась, затем, пожав плечами, вывела его.

Коршун не знал, как Мэри уговорила бармена одолжить ей свой мотоцикл, да это и не особенно интересовало его. Он сел на заднее сиденье и плотно обхватил руками талию девушки.

Она была хорошим, осторожным водителем, а не гонщиком на предельной скорости. Но как раз сейчас Коршун променял бы безопасность на лихачество. Все же у него хватило соображения не пытаться понукать Мэри.

До промышленной зоны они добрались всего за несколько минут. Он чувствовал знакомую местность — заброшенные здания, промышленный мусор, мусорные ящики в переулках. Потом Мэри медленно проехала через ворота «Чиеннских цепей и проводов».

— Мы начнем с улицы позади завода, — сказала Мэри.

— Куда она пошла? — спросил Коршун. — И как далеко могла уйти?

Мэри пожала плечами:

— Не знаю. Мы просто поищем. — Они повернули на другую улицу и въехали в переулок за литейным цехом.

Всего через несколько минут, которые показались Коршуну часами, они нашли ее. Слай лежала лицом вниз в куче мусора, и крыса величиной с кошку уже начинала принюхиваться к ней. Когда Коршун подбежал, крыса уже готова была принять бой и защищать то, что ей казалось месячным запасом еды. Но, поразмыслив, зверюга сочла за лучшее удалиться.

Коршун склонился над Слай, взял ее запястье и нащупал

пульс — быстрый, но слабый. Мэри присела рядом, положила руку ей на плечо.

— Как она? — озабоченно спросил Коршун.

— Ты мог бы и сам это выяснить, — загадочно ответила Мэри. Но затем она закрыла глаза и затаила дыхание. Через некоторое время девушка сказала:

— Не слишком. Жива, но ей здорово досталось.

— Ты можешь помочь ей? Шаманы ведь умеют лечить?

— Умеют, — подтвердила Мэри. Она посмотрела вокруг. — Но здесь не место. — Она подумала. — Мы смогли бы ехать на мотоцикле втроем, но тогда не сможем ехать быстро, и долго тоже нельзя. Куда мы ее повезем?

Теперь уже Коршун задумался. До мотеля было слишком далеко, да и небезопасно, но другого выбора не было. И если Слай все еще собирается лезть в этот «Цюрих-Орбитал» — если, конечно, она не загнется, — то ей понадобится ее дек. А он остался в мотеле. Но в такую даль измученную пытками женщину на мотоцикле не довезти.

— Ты подождешь с ней здесь? — спросил он. — Я возьму мотоцикл и пригоню машину.

Мэри кивнула.

— Они могут искать ее.

Шаманка улыбнулась:

— Если они это сделают, то найдут немного больше, чем искали. Я вызову городского духа. Он скроет и защитит нас, пока тебя не будет.

— Хорошо, — сказал Коршун, — я постараюсь побыстрее.

Садясь на мотоцикл, он услышал, как Мэри запела странную ритмичную песню.

Он ожидал трудностей. Может быть, кто-нибудь попытается помешать ему пригнать машину, погрузить в нее Слай и отвезти ее в мотель. Черт, он был почти готов к этому. Он был готов к любой драке. Автоматический пистолет лежал, взведенный, на сиденье рядом с ним. Коршун неожиданно обнаружил, что насвистывает песнь Волка сквозь сжатые зубы.

Но никто не пытался с ними связываться. Никто даже не обратил на них ни малейшего внимания. Даже когда они несли безжизненное тело Слай из машины в номер мотеля. Кто-то прошел через стоянку в это время, но, казалось, он даже не взглянул на них. «Может, это городской дух, о котором говорила Мэри, все еще помогает нам», — подумал Коршун. Он аккуратно положил Слай на кровать, а Мэри заперла дверь.

Слай выглядела отвратительно — бледное осунувшееся лицо, кожа почти желтая. Он чувствовал судороги, пробегавшие по ее

мускулам, когда нес ее. И ее тело было холодным. *Как у Ночного Бродяги, когда тот умер.* Коршун с трудом отогнал воспоминание.

Он повернулся к Мэри и резко приказал:

— Поставь ее на ноги! — И добавил мягче: — Пожалуйста…

Он хотел было запомнить, как Мэри садилась, скрестив ноги, как легко провела руками над телом его подруги и начала петь.

Но он не мог. Он не мог спокойно сидеть и ждать. Коршуна переполняла жажда — жажда деятельности, но делать было нечего. Поэтому он ходил по номеру взад и вперед, и в нем нарастала злость. Воображение рисовало лицо Лезвия, корчившееся от боли, когда Коршун посылал пулю за пулей ему в живот. Коршун представлял, как Лезвие охватывает пламя и он сгорает заживо и дико кричит. Представлял, как тот стонет от ужаса, издыхая от потери крови…

Он не мог смотреть на Слай. Она казалась сейчас такой молодой, такой беспомощной. И это, вероятно, было самое страшное преступление Лезвия, за которое ему предстояло ответить. Он похитил уверенную в себе, сильную женщину, и вот что с ней стало теперь.

«Почему она так много значит для меня? — спрашивал он себя. — Я ее в глаза не видел еще неделю назад. Она не существовала для меня».

Теперь все было иначе. Они вместе шли к одной цели. Они доверяли друг другу, зависели друг от друга. «Она из моей стаи», — сказал он Волку. И это было правдой. Он присел на другую кровать, повернувшись спиной к Мэри и Слай. Шаманская песнь Собаки все звучала и звучала.

Наконец Мэри умолкла. Коршун боялся повернуться и посмотреть. Но он должен был сделать это.

Слай все еще лежала неподвижно, но цвет ее лица стал нормальным. Сидящая рядом Мэри выглядела усталой, ее лицо было покрыто потом.

— С ней все в по… — Коршун не закончил вопроса.

Мэри кивнула.

Коршун подошел к ним, убрал локон с лица Слай и нежно позвал:

— Слай…

И ее глаза открылись. С минуту она с ужасом оглядывала стены и потолок. Потом посмотрела на Коршуна.

Слай улыбнулась. Измученная улыбка, но все же…

— Это *был* ты… — Она говорила слабо, чуть слышно. — Это было на самом деле.

Коршун кивнул в ответ. В глазах у него защипало и чуть не потекли слезы. Коршун вытер глаза тыльной стороной ладони и

проворчал:

— Все это от проклятого недосыпа…

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Мэри.

Слай улыбнулась:

— Хорошо. Намного лучше, чем надеялась. — Она помолчала. — Ты тоже там была, не так ли? Я *чувствовала* тебя.

Мэри кивнула.

Слай повернулась к Коршуну:

— Что произошло?

Ответила Мэри.

— Твой друг следует по пути шаманов, — сказала она тихо. — Он поет песнь Волка.

Коршун увидел, как удивленно распахнулись глаза Слай. Она улыбнулась.

— Скрытые возможности, Коршун. Скрытые возможности. — Слай осторожно приподнялась. — Что-нибудь *еще* случилось?

ГЛАВА 31

16 ноября 2053 года, 05.21

Девушку, оказывается, звали Мэри Виндсонг.

— Очень приятно, — искренне сказала Слай.

В мотеле им больше оставаться было невозможно. Слай помнила, что ничего не сказала мучителям про свое убежище — иначе мотель их уже сровняли бы с землей. Но все равно рисковать не стоило. Мэри ехала впереди на мотоцикле — показывала дорогу. Ее длинные волосы развевались на ветру. Коршун вел «коллоуэй», Слай сидела рядом с ним, сжимая коленями свой кибердек. Они приехали в небольшое заведение под названием «Буффало Джамп» и устроились в маленькой кладовой позади бара.

Слай чувствовала себя намного лучше — почти нормально. Время от времени она еще ощущала судороги в мышцах, иногда, закрывая глаза — всего на мгновение, — она снова видела, как ее пытают, и с трудом сдерживала крик. «Что же будет, когда я засну?» — подумала Слай.

Мэри и Коршун опасались за ее здоровье. Может быть, даже *слишком* опасались — вначале это вызвало у Слай некоторое раздражение. Но потом она поняла, что им есть о чем беспокоиться. Она действительно *прошла* через ад и до сих пор чувствовала себя препаршиво, несмотря на магическую помощь шамана тотема Собаки.

Слай заметила, что между Коршуном и девушкой из Чиенна установилась какая-то странная связь. Сначала она думала, что это просто сексуальное влечение — парень по-своему красив, да и миниатюрная девушка была очень неплоха, в детстве Слай хотела быть похожей на таких, как она. Но потом Слай осознала, что тут нечто намного большее. У них было что-то общее и очень важное, *что-то,* что управляло всей их жизнью. Не потому ли это, что Коршун теперь «следует путем шамана»?

— Тебе нужно что-нибудь? — спросила Мэри, как только они прибыли.

Первой мыслью Слай было ляпнуть что-нибудь вроде: «Литр виски и тридцать шесть часов сна». Но она тут же отмела ее прочь. Лезвие Ножа все еще шел по ее следу. Он уже почти достиг ее однажды и не собирался останавливаться. Прятаться и пережидать было бы совершенной глупостью, особенно после того, как Коршун рассказал ей, что узнал об индейском раннере. *Отдел военной разведки — это не шутка.* Значит, они имеют дело с правительством Сиу, с военными — может быть, даже с этими

чертовыми «Дикими котами». Нет, переждать — это явно плохая мысль. Все это просто так не кончится. Она должна что-то сделать, *и немедленно.*

И, как бы это ее ни пугало, она знала, что надо предпринять. Снова в «Цюрих-Орбитал». Надо сделать еще одну попытку, даже если это убьет ее. А тут еще проблема с программами для кибердека. Если она совсем озвереет, то может рвануть в Матрицу и «голой», надеясь только на свои способности создавать необходимые программы прямо на месте. Пять лет назад об этом можно было бы подумать.

Но сейчас? Невозможно! Разговор с Мунхоуком — вот чертов ублюдок! — убедил ее, что она слишком отстала от жизни. Фазовые рекурсоры — ФР — не помогут против современного льда. А о каких еще неприятных сюрпризах она даже не подозревает?

Нет, ей нужно все самое новое, что можно найти. А это значит — самые последние версии научных разработок.

К счастью — и к удивлению Слай, — Мэри поспешила помочь, как только она рассказала о своих проблемах. Маленькая шаманка была связана с теневой стороной Чиенна, знала и декеров, и программистов. Она взяла с собой список нужной Слай аппаратуры и программ и через час вернулась с целой кучей оптических чипов в пластиковом мешке.

«Дьявол, — подумала Слай, загрузив последнюю программу в компьютер, — и почему Коршун не встретил эту девушку часа на два пораньше?»

Она запустила диагностику компьютера. Процессор работал нормально. Новые детали и программы были убийственно сложны — по крайней мере, по сравнению с теми, которые она использовала пять лет назад. (Интересно, сколько это будет ей стоить? Впрочем, Мэри дала все в кредит. Если Слай прихлопнут в Матрице, то вообще не о чем будет беспокоиться. А если дело выгорит, то любых денег не жалко.) Теперь кибердек Смеланд превратился в настоящий «ледокол».

Слай полюбовалась своим новым снаряжением.

Все это время Коршун нервно расхаживал по комнате. Теперь же он подошел к ней.

— Ты готова, Слай? — тихо спросил юноша. — Не хочешь немного подождать, прийти в норму?

Она улыбнулась: до чего же заботливый! Приятно иметь рядом настоящего друга. Она ободряюще пожала Коршуну руку.

— Я готова. Созрела. Все равно мне деваться больше некуда.

Слай знала, что он обдумывает ее слова, оценивает ее возможности — такие ограниченные. Плечи Коршуна вдруг

опустились, и он кивнул. Она знала, что он чувствует: беспомощность. Паренек ничем не мог помочь Слай. Она снова сжала его руку, пытаясь внушить уверенность, которой сама не чувствовала. Что же, может быть, это конец. Она никак не могла отогнать эту мысль. Слай уже привыкла думать, что следующая встреча с черным льдом будет смертельной. А сейчас она собиралась встретиться с самым опасным льдом. А может, еще и с военным декером. Будет ли Юргенсен поджидать ее, когда она подключится? Скорее всего.

Слай повернулась к Мэри Виндсонг:

— Ты не могла бы присмотреть за мной? Если увидишь, что с моим телом происходит что-то странное…

— В смысле, начнешь ИПП? — спросила девушка.

— «И» — *что?* — заинтересовался Коршун.

— «Извиваться и пускать пузыри», — объяснила Мэри. — Так бывает, когда декер напорется на лед. Ладно. Ты нарываешься на неприятности — я тебя отключаю. Я уже прикрывала декеров раньше. — Она обернулась к Коршуну: — Это вроде как наблюдать за телом шамана, когда он уходит в астрал. Не бойся, Слай. У меня хорошая реакция.

Слай кивнула. Никто не смог бы сделать большего. Если у Мэри действительно хорошая реакция и она будет внимательно следить за ней, то успеет отключить Слай до того, как черный лед поджарит ей мозги или остановит сердце. Но каково быстродействие теперешнего черного льда? Сколько времени ему нужно, чтобы установить смертельную обратную биосвязь?

Она взглянула на кибердек — волоконно-оптический кабель свернулся кольцами, как готовая к броску змея. «Хватит тянуть время, — сказала она себе, — больше никаких отсрочек. Раз я собралась пойти на это — пора». Она подняла головной разъем и воткнула его в гнездо. Почувствовала знакомое покалывание — это значило, что кибердек включен и готов к работе.

Слай подняла глаза. Коршун озабоченно следил за ней. Слай ободряюще улыбнулась ему и Мэри.

— Ладно, — тихо сказала она, — поехали. До скорой встречи, — прошептала она, нажимая резким коротким толчком кнопку запуска.

Она пронеслась через Матрицу Чиенна, протанцевала по каналам данных, пока не увидела высоко в небе над ирреальным городом узел локальной телекоммуникационной сети. Рванулась к нему, потом пронеслась сквозь него. Теперь прыжок в глобальную сеть — и Вселенная свернулась вокруг Слай.

И вот Слай уже несется к спутниковой линии, голубому радиотелескопу на черном фоне. Она инстинктивно огляделась в

поисках броненосца — знака Терезы Смеланд. Потом криво усмехнулась. «На этот раз я одна, — напомнила она себе. — Без прикрытия. Только я».

Она заметила бусинки льда, снующие по конструкциям узла. Увидела, что при ее приближении они увеличили скорость. «Ладно, — подумала она, — посмотрим, сумеют ли они помешать мне…»

Ее значок ниндзя достал из мешочка на поясе маску — маску арлекина — и натянул ее на лицо. По виртуальному телу Слай прошла легкая вибрация — это заработала маскирующая программа. На мгновение Слай показалось, что ее маневр удался. Бусины замешкались и вернулись в первоначальное состояние. Но стоило Слай приблизиться к конструкции, как они снова тревожно задвигались. Слай еще не успела задействовать другие маскировочные программы, а дюжина бусин уже сорвалась с места и ударилась в ее значок. Слай снова окутала пустота.

…И вдруг Слай вновь оказалась в знакомом кабинете, созданном военными ЮКАС.

Декер Юргенсен сидел за столом. Он с удивлением смотрел, как перед ним материализуется значок Слай.

— Ждал меня, Юргенсен? — спросила она и неожиданно нанесла удар: запустила автономную компьютерную программу и бросила в Юргенсена.

Рядом с ее значком появился еще один — тусклый японский воин, вооруженный булавой, которая светилась ярким багровым светом. Когда воин прыгнул вперед, размахивая булавой, Слай запустила вирус — зловещее зазубренное копье — и метнула его в Юргенсена.

Тот быстро отреагировал на атаку — *слишком быстро,* — закрывшись от булавы макропластовым щитом. Но на мгновение это отвлекло его внимание от Слай. Копье вируса проскользнуло за щит и вонзилось глубоко в грудь значка. Юргенсен яростно зарычал, когда вирусный код начал размножаться в его кибердеке, захватывая память для своей работы и запрещая ее использование для чего-либо иного. Если декер не поспешит уничтожить вирус, тот сначала захватит свободную память, а потом примется постепенно разрушать его самого.

Конечно, Слай знала, что Юргенсен должен действовать быстро. Нужно быть всегда готовым отразить нападение вируса. Но на секунду-другую это отвлечет декера. А секунды пригодятся ей самой.

Она запустила свою первую боевую программу, и в руке самурая появился арбалет. Точно прицелившись, он спустил тетиву — и стрела, просвистев мимо Слай, воткнулась в грудь

Юргенсена. Хороший был выстрел, черт побери! На мгновение значок декера задрожал, теряя разрешение. «Отвлекай его, — сказала себе Слай, — не давай запустить медицинскую программу. И не давай ему заняться вирусом». Арбалет перезарядился, и она вогнала в противника еще одну стрелу. И снова значок Юргенсена потерял еще немного разрешения, но на этот раз уже не вернулся к прежнему состоянию. «Получай!» — внутренне ликовала Слай.

Юргенсен рычал от злобы. Его щит исчез, а вместо него в руке оказалась короткоствольная полуавтоматическая винтовка. Он выстрелил, и в значке японского воина появились зияющие дыры. Воин снова атаковал, вгоняя булаву в голову декера. А потом, с отчаянным скрипом, воин распался на отдельные элементы и исчез. Ствол винтовки Юргенсена повернулся к Слай.

Она отпрыгнула в сторону — и пули прошили стену у нее над головой; Слай мгновенно запустила одну из лучших своих защитных программ. Ее значок — женщина-ниндзя — разделился надвое. Теперь в кабинете стояли две одинаковых женщины. Новый значок — зеркальный — метнулся вправо, а Слай рванулась под стол Юргенсена.

Военный декер мгновение колебался, пытаясь угадать, которая из новых Слай настоящая. И не угадал: направил длинную очередь в отражение и дал Слай возможность выскочить из-под укрытия и всадить в него еще одну стрелу в упор. Юргенсен взвыл. Его значок распался, как до этого значок японского воина. Потом он исчез: погиб от перегрузки или его отключили — Слай не знала, да ее это и не интересовало. Она перевела дыхание, пытаясь замедлить сердцебиение.

Только на миг. А потом началось то, чего она боялась, но ожидала в глубине души. Две фигуры из кошмарного сна, угольно-черные и неправдоподобные, появились перед ней.

Големы. Черный лед класса «голем» — управляемый, как утверждал Юргенсен, мощной экспертной программой. Сообразительные твари — возможно, почти по-человечески, — быстрые и смертоносные. С душераздирающим рыком они устремились к ней.

Слай быстро отступила. Ее отражение было еще различимо, но големы не обращали на него внимания, наступая на Слай с двух сторон. Она подняла арбалет и всадила стрелу прямо в брюхо ближайшего чудовища. Никакой реакции.

«Что же теперь делать? — стучало в мозгу Слай. — Отключиться, пока еще есть доля секунды? Бросить все, как плохую затею?» Но это было невозможно. Если она хочет когда-нибудь жить нормально, она должна победить сейчас, раз и

навсегда.

Ближайший голем замахнулся на нее кулаком величиной с ее собственную голову, и Слай отпрыгнула еще на шаг. Защитная программа была настолько сложна, что она почувствовала ветерок, когда громадный кулак пролетел в сантиметре от ее лица.

Еще шаг назад. Запуск защитной программы. Еще шаг. Еще одна программа.

Первая — улучшенный вариант «дымовой» защиты — наполнила кабинет мерцающим бело-голубым светом, целыми завесами и полотнами света, и это было похоже на зарницу. Слай могла видеть продвигающихся вперед големов, но они плохо различали ее. Этого было мало против таких сложных систем, но лучше хоть это, чем ничего. Вторая программа окружила ее новой конструкцией — полным набором доспехов из позднего средневековья.

И как раз вовремя. Големы двигались быстрее, чем казалось. Один сумел приблизиться к ней и ударил кулаком прямо в грудь. В реальном мире такой удар вмял бы ее грудную клетку, разрывая внутренние органы, может быть, даже размозжил бы позвоночник. Но здесь, в виртуальной реальности Матрицы, кулак врезался в ее доспехи, металл зазвенел, как гонг. И все же сила удара была такова, что Слай зашаталась, и в голове у нее зазвенело. Она знала, что в реальном мире ее тело сжали спазмы. Интересно, отключит ее сейчас Мэри или решит, что повреждения незначительны?

Кабинет вокруг не исчез — значит, Мэри решила подождать. Одного из големов «дым», похоже, сбил с толку, но другой продолжал наступать на Слай. Теперь он двигался медленнее, будто разглядывал и изучал доспехи Слай, выискивая в них слабое место. Она попыталась отклониться влево, но взмах огромной руки остановил ее. Она опять отступила и уткнулась спиной в стену. Отступать дальше было некуда.

Оставалось только одно: попробовать рискнуть, — но где в этом деле не было риска? Слай еще не использовала одну программу — с фантастическим быстродействием. Может быть, големы с ней не справятся. А может, и справятся. Но даже запустить эту боевую программу было страшным риском. «Это экспериментальная разработка, — говорила ей Мэри, — даже отдаленно не похожая на обычные прикладные программы, которыми ты до сих пор пользовалась». Ей требовались не только все ресурсы кибердека — для этого необходимо было отменить выполнение всех остальных программ, — но и дополнительное программирование во время выполнения, чтобы навести

программу на цель и удерживать ее. А это значило, что Слай не сможет даже маневрировать или уклоняться от ударов големов, ей останется только принимать их и держаться.

И *не сможет отключиться,* если что-то пойдет не так.

Все или ничего. Хватит ли у нее смелости на такое?

Но есть ли у нее выбор?

Еще не успев все это хорошенько обдумать и парализовать себя нерешительностью, Слай отменила все выполнявшиеся до сих пор программы. Зеркальное отражение, зарница, даже доспехи — все исчезло. С довольным рычанием големы двинулись к ней.

В руках Слай появилась лазерная винтовка — совсем как оружие из космических опер. Она вскинула ствол и направила его на ближайшего голема. Винтовка была неуклюжая, ужасно неудобная, наводить ее было невероятно трудно. (Слай знала, что ее тело сейчас скорчилось на кушетке в кладовой бара, а пальцы неистово колотят по клавишам кибердека. Неудобство винтовки на самом деле было показателем сложности программы-вируса — сейчас Слай подгоняла ее, разрушая код защитных программ, которые пытались захватить контроль над ее кибердеком. Но как и любой декер, она была далека от этих реальных образов. Мыслить символически было намного быстрее и эффективнее. Но и намного опаснее.)

Она нажала на спуск. Громкий хлопок — это выстрелило оружие. Желтый сгусток энергии вылетел из ствола и врезался в туловище голема, пробив в нем дыру величиной с кулак. Голем отшатнулся и взвыл. Слай снова нажала на спуск.

Ничего не произошло. У этого оружия было мертвое время — время, необходимое для модификации программы. Высокочастотный писк перезарядки наполнил воздух.

Голем явно пострадал — возможно, серьезно, — но не собирался отступать. Он опять потянулся к ней, в то время как второй пытался зайти с фланга.

Ружье загудело, и Слай снова спустила курок. Выстрел пришелся атакующему голему прямо в то место, где должно было находиться лицо, начисто оторвав голову. Массивное тело упало на пол, мигнуло и исчезло.

Второй голем взревел и прыгнул на нее. Слай не могла пошевелиться, не могла ничего сделать, пока винтовка перезаряжалась. Черный кулак врезался в ее голову, сбив с ног. Ее собственный крик боли был почти неслышен. Мир вокруг распался.

Сквозь пелену боли Слай услышала звуковой сигнал. Сначала она даже не осознала его важности. Потом, когда голем

замахнулся для нового удара — на этот раз смертельного, — она нажала на курок.

Разряд распорол брюхо чудовища и сбил его с ног. Голем закричал от боли и схватился обеими руками за дыру, пробитую в туловище.

Но не пропал.

Распростертая на полу, с винтовкой — пока бесполезной — в руках, Слай видела, как приближается ее смерть. Возвышаясь над ней на три метра, голем злобно рычал. Он наслаждался победой. Медленно поднял ногу, готовясь раздавить ее череп.

Слишком медленно. Винтовка загудела. Слай нажала на спуск.

Разряд вонзился в монстра под острым углом. Вошел в пах, прожег себе путь сквозь туловище и вышел сзади через шею. Чудовище зашаталось и начало падать прямо на Слай, распавшись и исчезнув за мгновение до того, как коснулось ее.

Слай лежала неподвижно. Лазерная винтовка в руках стала чудовищно тяжелой — значит, поддерживать программу в рабочем состоянии было уже почти невозможно. Слай позволила программе отключиться, и устройство замигало и исчезло.

«Я сделала это…» Страх и усталость превратили мышцы в свинец, а голову — в раскалывающийся орех. Героическим усилием она заставила себя подняться на ноги и осмотрелась. Кабинет был пуст.

Вероятно, ненадолго. Надо выбираться отсюда немедленно.

Для начала она запустила медицинскую программу, чтобы восстановить хоть часть тех повреждений, которые лед нанес ее личностным программам. Слай запустила программу сложного сканера, пройдясь по своему телу, и почувствовала, как возвращается часть энергии. Она знала, что некоторые повреждения прямо коснулись ее настоящего тела, — перепады кровяного давления, вероятно, выразятся в лопнувших капиллярах и перегрузке сердечных клапанов. Однако Слай понимала, что это со временем пройдет.

Но вот времени-то у нее как раз и не было. Надо выбираться из этого узла и каким-то образом переместиться на спутник. Но как?

Она решила запустить анализирующую программу — с первого раза у нее ничего не получилось, пришлось попробовать еще. Эта программа выглядела в Матрице как темные очки, Слай надела их на глаза своего значка и начала исследовать стены кабинета.

Вот оно! Слай знала, *что* нужно искать. Скрытая дверь, прямоугольный участок стены, который замерцал, когда она

взглянула на него через очки, — канал данных, выходящий из этого узла. Другая программа показала, что на этой двери нет защитных систем, ею можно спокойно пользоваться, но неизвестно, что на другой стороне. Очевидно, там был какой-то разрыв, блокирующий работу программ.

Это обнадеживало. Она уже побывала в разрыве, когда ее затянуло сюда. Если ей повезет, то этот канал приведет обратно к спутнику. Слай глубоко вздохнула, приготовилась — и ринулась в проем.

Мгновение тьмы, головокружения и дезориентации. А потом виртуальная реальность опять восстановилась вокруг нее.

Ей повезло. Она действительно вернулась на спутниковый узел, но на этот раз оказалась внутри него. Голубые структурные элементы складывались в решетку у нее над головой. Бусины льда все так же сновали вверх-вниз по конструкциям. На мгновение ее сковал страх, но казалось, что лед не обращает на нее никакого внимания. «А почему он будет обращать? — догадалась Слай. — Ведь я же внутри, а он настроен на вторжение извне».

Слай огляделась. Над нею находилась решетчатая параболическая антенна спутниковой связи, устремленная в небо. Осматривая конструкцию снаружи, она не заметила никаких подводящих к «Цюрих-Орбитал» каналов. Но теперь, с новой позиции, она не могла не заметить их. Бледный мерцающий столб небесно-голубого света вырывался из блюдца антенны и скрывался в высоте.

«Эй, „Ц-О“, я иду!» — подумала Слай и нырнула в канал.

Она двигалась вперед и внезапно почувствовала, что здесь что-то не так. Возникло ощущение *разрыва,* хоть Слай и не могла бы точно его описать. Сначала ей пришло в голову, что это какие-то последствия ее битвы с Юргенсеном и големами. Но потом Слай решила, что это и есть та самая временная задержка, о которой говорила Т.С. В зависимости от геометрии канала — количества боковых каналов — задержка могла доходить до трех четвертей секунды, а это почти вечность при компьютерных скоростях. Слай попробовала представить, как бы это выглядело без компенсаторной схемы, которую Т.С. вставила в деку, но не смогла; чувство разрыва и так было достаточно неприятным.

Она ожидала, что входной узел в систему «Цюрих-Орбитал» будет чем-то отличаться от других — чем-то, подчеркивающим его важность. Но там не было ничего необычного. Просто еще один узел доступа, оформленный согласно универсальной спецификации Матрицы в виде простой двери в блестящей серебряной стене.

Слай остановилась перед узлом и включила несколько анализирующих программ. Как она и ожидала, дверь оказалась глетчером — почти сплошным льдом. Программы не обнаружили ничего смертельного, но этой массой льда можно было бы уничтожить небольшой компьютер — только не тот, что у Слай. Ничего тут не было такого, через что не смогли бы прорваться мощные программы Мэри Виндсонг и кибердек Терезы Смеланд. Лед принял найденный Слай код, и дверь распахнулась. Слай тихо скользнула в систему «Цюрих-Орбитал».

Через блок ВП — вспомогательного процессора — дальше, в центральный процессор — ЦП. «Видимо, один из многих», — подумала Слай. Большинство современных систем имело разветвленную параллельную структуру — этот термин был в моде — со множеством ЦП, разделяющих вычислительную нагрузку системы. Скрывшись так, что ни лед, ни декеры не могли заметить ее, Слай вызвала системную карту.

И тут наконец с потрясающей ясностью она осознала, что достигла цели. Больше никуда не надо было прорываться. Здесь находилась общественная электронная доска объявлений — конечно, для общества, имевшего доступ к компьютеру Корпоративного суда, с которым сотрудничали все многонациональные корпорации. Он представлял собой единый банк данных, подключенный к специальному ВП, который в свою очередь был связан со вторичным ЦП, — в нем и находилась сейчас Слай. Все, что ей оставалось, это перегнать файл, найденный Луисом, со своей деки на ЦП. Приказать ЦП переслать его в ВП вместе с командой о пересылке в раздел «только для чтения». Весьма просто.

«Слишком просто», — говорила она себе. Но нет. Написать нужную программу и загрузить ее в ЦП — это заняло всего несколько секунд. Слай понаблюдала за работой ЦП, увидела, как выполнилась ее команда. Смотрела, как создавался пакет данных с ее файлом и инструкцией для ВП. Через несколько секунд она затребовала распечатку новых поступлений на доску объявлений и увидела, что там появился закодированный файл с атрибутами «только для чтения» и «защищенный».

Его все еще можно было стереть, но это стало бы невероятно трудной задачей. Вторичный ЦП, в котором находилась Слай, мог посылать данные в хранилище, но удалять или даже менять атрибуты он уже не мог. Если кто-то решится на это, ему придется забраться намного глубже в систему «Цюрих-Орбитал».

Насколько это будет трудно? Чтобы узнать, Слай приказала ЦП показать уровни зашиты узлов, окружающих главный ЦП. Считывая данные, она с трудом подавила дрожь. «Ни одного

шанса», — сказала она себе. Если декер даже подумает о том, чтобы проникнуть в главный ЦП, то лучше бы ему сразу застрелиться. Результат будет тот же, но, вероятно, менее болезненный.

«Не могу в это поверить. Я выбралась…»

Все это выглядело нереально. Может быть, скоро она вернется в Сиэтл и все будет как обычно. Но хочет ли она возвращаться в Сиэтл?

Слай покачала головой. Здесь неподходящее место для подобных размышлений. Она еще раз задумалась. Не забыла ли она чего-нибудь?

«Похоже, что нет», — подумала Слай и выключилась из Матрицы.

ГЛАВА 32

16 ноября 2053 года, 06.13

«Это похоже на клинический случай ложной памяти, — подумал Коршун. — Слай, подключенная к Матрице, делающая… что-то». Он вспомнил, как в прошлый раз небеса обрушились на них, и он боялся отключить Слай от сети, пока она не кончит работу. Боялся, потому что комбинация «женщина плюс кибердек» очень ограничивала выбор. Он совсем не понимал, что она там делает, и это резко все осложняло.

Пока же все было спокойно, Мэри сидела рядом со Слай, не сводя с нее взгляда. Коршун даже подумал, что она просто всматривается в нее. Но затем с ним произошло что-то… У него открылось восприятие — да, пожалуй, это была самая точная формулировка. Он ощущал то, что было недоступно обычным органам чувств. И Коршун понял, что Мэри тоже использует этот способ восприятия, чтобы наблюдать за Слай, за тем, как реагирует ее тело на события, происходящие в Матрице.

Дважды он видел, как Слай вздрогнула. В первый раз — как будто от чьего-то неожиданного прикосновения. Второй — словно кто-то схватил ее за руку. Коршун хотел тут же отключить ее от Матрицы, освободить от всего, что мучило Слай. Встревоженный, он обернулся к Мэри.

Но та покачала головой.

— Ей больно, — сказала шаманка, — и наверное, очень больно. Но еще не все потеряно.

Коршуну хотелось закричать на нее, сказать, что любая боль может оказаться критической после того, что Слай пришлось перенести в том чертовом подвале. Но Мэри спокойно глянула на него и задала единственный вопрос:

— Это ведь важно, правда?

И все, что ему оставалось, — это кивнуть в ответ. И тут в баре началась перестрелка. Гремели пистолетные выстрелы, злобно рычали автоматы.

— Что за дьявол на *этот раз?* — воскликнул Коршун.

Мэри не отвечала, она лишь оперлась плечом о кушетку и закрыла глаза. Она наклонила голову, и ее подбородок коснулся груди. Коршун хотел встряхнуть ее, но понял, что Мэри находится в астральном поиске — так же, как и он сам, когда нашел и спас Слай. Коршун и хотел бы присоединиться к ней, но не знал, как это сделать самому, без помощи Волка. Он попытался вызвать в себе песню, которую слышал в том лесу, на далекой равнине. Он смог вспомнить ее, но, как ни старался, ему не удавалось

почувствовать ее сердцем, как в прошлый раз, и у него не получалось запеть в такт этой песне.

Мэри уже вернулась — глаза ее открылись, и девушка вскочила. По выражению ее лица Коршун уже понял, что случилось что-то скверное.

— В баре — дело дрянь, — коротко бросила Мэри. — Ворвались какие-то новые парни — пришельцы, никто из здешних их не знает. Они рвались сюда. Кохилл, — Коршун вспомнил, что так звали бармена, — Кохилл попытался их остановить, и его застрелили. В баре было пятеро наших — как обычно, пили свое пиво после завтрака — и четверо пришельцев. Сейчас там настоящее сражение. Убиты двое пришельцев и трое наших.

— Что, ко всем чертям, нам делать? — резко спросил Коршун.

Сначала эта кладовая ему нравилась: никто не мог войти в нее с улицы или проскользнуть через черный ход — бармен увидел бы и смог предупредить их. Теперь ясно: единственная дверь превращала кладовую в ловушку. Нельзя было улизнуть в случае опасности.

— Ты можешь что-нибудь предпринять?

Мэри задумалась, потом кивнула:

— Смотри за Слай.

— Что ты собираешься сделать?

— Вызвать духа, — спокойно ответила она. — Достань напиток. Я вызываю духа сердца.

— Как?

Лицо ее исказилось:

— Ты хочешь, чтобы я сделала это или мы будем *говорить* об этом?

— Давай.

Коршун присел рядом со Слай, протянул руку и коснулся ее лба. Лоб женщины-раннера был холодным, но не ледяным. В ее теле не чувствовалось никакого напряжения. Но Коршун не знал, хорошо это или плохо.

Мэри вышла на середину комнаты, уже напевая сквозь зубы спокойную, неторопливую песню, и начала ритмично подергиваться в каком-то странном танце. Коршун смотрел на нее во все глаза, стараясь запомнить эти новые для него, необычные движения.

Его глаза из плоти и крови не видели ничего особенного. Но своими странными, колдовскими чувствами, о существовании которых он раньше не подозревал, Коршун ощущал, что надвигается *нечто*. Он чувствовал поток энергии — сначала этот поток исходил от Мэри, но потом сместился, и казалось, энергия

втекает извне — быть может, из здания или из земли, на которой оно стоит. Этот поток образовал вокруг девушки крутящийся вихрь, невидимый для обычных пяти чувств, но ясно различимый для Коршуна.

Песня Мэри изменилась — в ней теперь можно было разобрать слова. Слова не из английского языка или городского сленга, но кое-что Коршун понимал.

«Хранитель сердца и дома, — пела Мэри, — духовный покровитель, защити нас сейчас! Приди к нам, великий, спаси своих детей!» — Она взглянула на дверь.

Вихрь изменился — он сгустился и принял почти человеческий облик. Все еще невидимый, все еще неслышимый, но уже легко ощущаемый вихрь. Этот призрак вышел через закрытую дверь в помещение бара.

Мэри кончила петь, ее плечи устало опустились. Стирая ладонью капельки пота со лба, она спокойно сказала:

— Помощь как раз вовремя, но пришельцев прибыло. И у них тоже есть шаман.

— Дьявол, что же нам делать? — Коршун выхватил пистолет и нервно принялся то ставить его на предохранитель то снимать.

— Надо уходить, конечно, — ответила Мэри.

— Но как? Выходить *туда?* — Он показал на дверь в бар.

Не отвечая, Мэри подошла к стене кладовой и провела по ней рукой. Коршун не понял, что она сделала, но кусок казавшейся сплошной стены внезапно повернулся — небольшая потайная дверь вела в темноту.

— Куда мы попадем?

— В чулан, а там есть другой выход, в переулок. — Она кивнула на дверь, ведущую в бар. — Пусть себе штурмуют, нас уже не будет.

Коршун нерешительно глянул на Слай. Казалось, та была совершенно спокойна, как будто спала или вообще умерла. На мгновение Коршуна охватила паника, но он увидел, что грудь Слай медленно поднимается и опускается в спокойном, ровном ритме.

— Нет, — сказал он, — я дам ей возможность сделать свой собственный выстрел. Я должен это сделать.

— Даже если это погубит нас?

Он не отвечал — не мог ответить.

— А что, если кто-нибудь ворвется с другой стороны? — настаивала Мэри. — Дверь в переулок не замаскирована. Они могут попробовать атаковать нас с тыла.

Наконец Коршун понял, что он может сделать. В последний раз сняв пистолет с предохранителя, он убедился, что патрон на

месте.

— Оставайся здесь, — приказал он. — Смотри за Слай. Не отключай ее, пока она не закончит работу. Слышишь?

— А ты что собираешься делать?

Коршун пожал плечами:

— Охранять наши тылы. И все, что придется. — И прежде чем девушка успела ответить, он выскользнул через потайную дверь, добавив: — И не забудь закрыть ее за мной.

Чулан был небольшим и темным, в воздухе стояла вонь заплесневелого пива. Вдоль стен громоздились деревянные ящики — конечно, со спиртным — и железные бочонки. В чулане было две двери, друг против друга: одна вела в бар, другая, запертая на засов, должно быть, выходила в переулок. Дверь позади него закрылась, и юноша услышал, как щелкнул замок. Он обернулся, чтобы взглянуть, насколько хорошо замаскирована дверь, и с облегчением убедился, что на стене не видно ни малейших ее следов.

Он подошел к выходу наружу и прислушался. В переулке не было слышно ни звука. Но не означало ли это, что дверь просто слишком толстая? Коршун колебался. Было бы здорово совершить сейчас астральное путешествие, как в прошлый раз, — он снова попытался слиться с песней Волка, но ничего не получилось.

Что ж, больше медлить было нельзя. Он щелкнул замком и отодвинул засов. Вслушался еще раз: тишина. Открыв дверь, он отпрянул под защиту стены. Снова ничего — не влетела граната, темноту не прошили пули. Крадучись, Коршун выглянул в переулок и прикрыл за собой дверь.

Переулок был пуст. Ни малейшего движения поблизости.

Куда идти? Налево или направо? «Буффало Джамп» находился на северной стороне улицы, значит, ближайшая улица — направо. Если он свернет туда, есть реальный риск напороться на подкрепление, которое, по словам Мэри, прибыло к парадному входу в бар. Коршун быстро повернул налево.

Ночную тишину разрывали звуки боя. Это уже больше, чем просто перестрелка, о которой говорила Мэри. Слышалось буханье тяжелого автоматического оружия, перемежаемое гулкими разрывами гранат. Где-то шла настоящая проклятая городская война. Что за дьявол? Похоже, повторяется свалка в доках, куда, по мнению Модала, ввязалось несколько команд из разных корпораций. В этом был какой-то мрачный смысл. Слай говорила о прелюдии к войне корпораций. Может, она уже началась и докатилась до Чиенна? Черт, почему бы и нет? Все это очень… Да что там, дело-то совсем дрянь!

Он побежал, пригибаясь, обеими руками держа перед собой

автоматический пистолет.

Впереди! Коршун *почувствовал* движение еще до того, как увидел человека. Юноша резко бросился в сторону.

Неожиданно громко щелкнул винтовочный выстрел. На стене, совсем рядом, появился огненный круг. Ужасный взрыв! Осколки бетона полоснули по лицу и рукам Коршуна, один из них вонзился в кожу прямо над правым глазом, и Коршун на мгновение ослеп. Он вскинул пистолет.

Коршун видел темный силуэт снайпера, выделяющийся на фоне темного неба. Он стоял на крыше одноэтажного здания. Виднелось слабое голубоватое свечение: это работал снайперскоп — усилитель изображения. Снайпер возился с затвором своей винтовки, посылая в ствол очередной заряд. Он готовился к следующему выстрелу.

Вскрикнув от ужаса, Коршун нажал на курок. Пистолет дернулся в его руке.

Он увидел, как пули высекают искры из парапета на крыше. Потом услышал крик — несколько пуль попали снайперу в грудь. Человек на крыше покачнулся и упал навзничь. Что-то свалилось с крыши и ударилось о тротуар. Винтовка!

Коршун рванулся вперед, схватил громоздкое оружие и прижался к стене, прямо под тем местом, где прятался снайпер. «Может быть, он только ранен, — подумал Коршун. — Может быть, у него есть и другое оружие…» Он глянул вверх, стирая кровь с правого глаза.

Потребовалось несколько секунд, пока он привык к темноте. Потом он заметил что-то, свешивающееся с парапета. Рука. Теплая капля упала прямо на его запрокинутое лицо.

Кровь. Чужая кровь.

Снайпер, наверное, был мертв. Если не убит, то все равно вышел из игры.

Коршун взглянул на винтовку. Массивное оружие, с затвором и магазином. В три раза толще, чем его автоматический пистолет. В магазине еще оставались патроны. Ствол, длинный и толстый, с каким-то странным приспособлением на конце, был еще горячим после выстрела. Коршун сунул палец в ствол — канал оказался шире, чем его палец. Что за дьявол? Пятидесятый калибр? Разве бывают винтовки пятидесятого калибра?

Но потом Коршун вспомнил: Модал после стычки в доках что-то говорил о снайперской винтовке, оружии восьмидесятых или девяностых годов. И если у него в руках то самое ружье — такие не часто встретишь на улице, — не вступила ли в игру корпоративная команда, которая разгромила группу Лезвия Ножа в доках? *Враги моих врагов — мои друзья…* Где-то он это слышал.

Но можно ли поверить в это сейчас?

Нет! Врагами были *все.*

Коршун взвалил винтовку на плечо, стараясь сохранить равновесие. Это была тяжелая, громоздкая штука, со встроенным оптическим прицелом, укрепленным под стволом. Ружье весило не меньше четырнадцати килограммов — массивное оружие, бесполезное в скоротечной огневой схватке. Хвала духам…

У винтовки не было цифрового дисплея, который показывал количество оставшихся зарядов, но по механическому индикатору, расположенному сбоку от магазина, выходило, что осталось еще четыре патрона. Сначала Коршуну показалось, что ночной прицел не работает — он поломался от удара о землю, но потом юноша нашел небольшой рычажок, который было удобно передвигать большим пальцем правой руки. Он сдвинул его, и прицел ожил. Глядя в него, Коршун видел аллею ясно как днем, только изображение было немного зернистым, как на экране дешевого портативного компьютера.

Коршун выбросил бесполезный теперь пистолет и взвалил на плечо винтовку.

Добежав до конца переулка, он остановился и вгляделся в темноту через ночной прицел. Никто не таился в засаде, скрываясь в ночи. Коршун свернул за угол, вышел на главную улицу, пригнулся и осмотрелся.

Не горел ни один уличный фонарь — может быть, их попросту перебили. Темноту освещали только вспышки выстрелов и следы трассирующих пуль. Сцена прямо как из фильма о войне.

Коршун снова припал к ночному прицелу. Даже с помощью электронной оптики он не мог уловить смысла в том, что происходило вокруг. Это было похоже на большую батальную сцену, со стрелками, одни из которых прятались за стоящими машинами, а другие палили с крыш и из окон. Не менее полудюжины людей валялись на улице — убитых или так тяжело раненных, что они уже не двигались. «Не раннеры», — подумал Коршун. Тела и фигуры живых бойцов были чем-то похожи, как будто вышли из-под одного штампа. Бойцы корпораций? Солдаты мегакорпов? Похоже. Коршуну показалось, что в схватке участвовали не меньше трех враждебных группировок, хоть он и не был в этом уверен. Может быть, кто-то более искушенный в тактике уличных боев и мог бы разобраться в происходящем, но Коршун был всего-навсего обыкновенный пацан.

Казалось, все участники боя собирались палить друг в друга бесконечно, не покидая удобных позиций. У всех имелось какое-то прикрытие. Никто не наступал, никто не отступал. Наверное, убитые были храбрецами или глупцами и погибли, пытаясь

добиться территориального преимущества. А может быть, они, на беду свою, просто оказались на открытом месте, когда все началось. Коршун примостил винтовку на плече и прислонился для равновесия к стене. Нашел небольшой рычажок, повернул его, и сцена сражения как будто прыгнула ему в глаза, увеличенная электронной оптикой. Коршун навел перекрестие прицела на спину какого-то бойца. Тот прятался за машиной, припаркованной возле бара. Коршун вспомнил, как такое же ружье выжгло огненную дыру в бронированной груди уличного самурая Бенбо. Нажимая на курок, он приготовился к страшной отдаче этого мощного орудия.

Но его палец так и не стронулся с места. «Кого, к дьяволу, я собираюсь пристрелить?» — спросил себя Коршун. Осталось всего четыре патрона. Возможных целей — раз в пять больше. Что толку, если он ликвидирует четыре из них? После первого же выстрела все вместе начнут палить в него. Один выстрел, если повезет — два. А потом его, Коршуна, прикончат.

Коршун немного отодвинулся, стараясь поглубже спрятаться за угол дома. Что теперь прикажете делать?

Он не мог остановить сражение, даже не знал, хочет ли этого. Конечно, он не в силах серьезно повлиять на его исход.

Какова его цель? Защищать Слай и Мэри до тех пор, пока декер не закончит свою работу.

Вот и ответ на вопрос. Коршун покрутил какое-то колесико и увеличил поле зрения прицела. Потом юноша сменил позицию и взял на мушку вход в «Буффало Джамп». Сейчас все лежат, прижавшись к земле. Но если кто-нибудь высунется, рванется к дверям, *тогда* он выстрелит. И первый человек, добравшийся до бара, умрет. А потом второй, и третий, и четвертый, — если он, Коршун, еще выживет к тому времени. Ему вряд ли удастся изменить общий ход сражения, его окончательный результат. Но это уже *кое-что.*

Он ждал.

Перестрелка усилилась. Пули хлопали по машинам, отбивали куски штукатурки от стен зданий. Глухо грохнула фаната. Один из автомобилей превратился в огненный шар, клубы черного дыма устремились к светлеющему предутреннему небу. Коршун увидел, как погибли еще трое, рухнули на дорогу.

«О чем думают эти чертовы корпорации, — сердито подумал Коршун. — Как они могут разносить город на куски? Но ведь это армии мегакорпораций», — напомнил он себе. Разве не может какая-нибудь мегакорпорация, не задумываясь, купить весь политический департамент? Дьявол, это не раз случалось в Сиэтле — время от времени всплывали интересные факты: то

крупный взнос в фонд отставных офицеров патрульной службы, то какая-то другая грязная история.

Винтовка была слишком тяжела для Коршуна, мышцы рук у него уже ныли от напряжения — он старался держать винтовку неподвижно. Коршун подумывал, не лечь ли ему ничком на землю, но отказался от этого намерения: это слишком бы ограничило его поле зрения. Перестрелка нарастала, достигнув крещендо.

И сразу прекратилась.

Еще секунду назад свистели пули, гремели разрывы. И мгновенно — тишина. Что за дьявол?!

Коршун еще видел защищенные броней фигуры, припавшие к земле с оружием наизготове. Но никто не стрелял, никто не наступал и не отступал. Похоже, все чего-то ожидали. *Ожидали чего?*

Уже прошло больше минуты. Улица замерла, как стоп-кадр в тридео. Единственный движущийся предмет, который заметил Коршун, — это раненый человек, мучительно пытающийся дотащиться до укрытия, который полз, оставляя за собой кровавый след.

Еще минута тишины.

А потом движение возобновилось. И это было отступление. Сквозь ночной прицел юноша видел, как фигуры растворялись в темноте, как снайперы покидали свои гнезда и наблюдательные пункты. Крались вдоль аллей, исчезали в зданиях. Двое вскочили, бросились вдоль улицы — подбирать своих раненых и убитых. Никто по ним не стрелял.

Дьявольщина, что же случилось?

Через пять минут улица была пуста, и стояла мертвая тишина.

— Ну, вот и все, — произнес кто-то за спиной у Коршуна.

Юноша вздрогнул и попытался повернуться, но мешала громоздкая винтовка.

Чья-то огромная рука схватила ствол и сжала винтовку Коршуна так, будто она попала в тиски. Юноша увидел тяжеловооруженного уличного бойца. У Коршуна сжался каждый мускул, когда он увидел автомат, нацеленный ему прямо между глаз.

Но уличный боец не стрелял. Он просто спокойно смотрел на Коршуна.

— Ну, вот и все, — повторил он. Потом отпустил ствол винтовки, повернулся и стремительно бросился прочь.

Коршун ошарашенно глядел ему вслед.

— Ну, вот и все, — повторил он. Но что *все?* И почему?

Ну, одно уж Коршун знал наверняка: он не собирается бежать в ту же сторону, что этот человек.

Взвалив винтовку на плечо, он потрусил назад, в переулок, к черному ходу в бар. Вошел в чулан, постучал в стену, где должна была быть потайная дверь.

Через несколько секунд послышался щелчок, дверь открылась, и Коршун вошел в кладовую.

Там была Мэри. И еще Слай, до сих пор подключенная к своему кибердеку. Она сидела на кушетке и устало улыбалась. Сразу было видно, до чего же она измучена.

Коршун опустил винтовку и рухнул на стул.

— Что все это, к дьяволу, значит? — спросил он, надеясь, что кто-нибудь сможет ему ответить.

ГЛАВА 33

16 ноября 2053 года, 07.00

Слай улыбнулась юноше. «А может, теперь я должна называть его шаманом?» — подумала она. Он выглядел почти таким же усталым, как она сама.

— Ну, вот и все, — сказала Слай.

— *Что* — все? Скажите мне дьявола ради! — потребовал Коршун. — Что произошло? Это похоже на… — Он смолк, потому что не находил подходящих слов. — Как будто какой-то хренов режиссер крикнул: «Стоп!» — и все хреновы актеры пошли по домам.

Слай кивнула.

— Это моя работа.

— Что еще за работа?

— Я поместила информацию о волоконно-оптической технологии на электронную доску объявлений Корпоративного суда. Сейчас она в системе, и любая корпорация в мире может ее прочитать. — Она позволила себе немного расслабиться. — Мы выбрались из-под корпораций.

— Так поэтому они и прекратили пальбу? — Коршун хотел окончательно во всем убедиться.

— Разве ты не понял? — спросила его Слай. — Все корпорации получили эти данные. Они могут вынуть из нас душу, но это не принесет им никакой прибыли. Им совершенно невыгодно, — она улыбнулась, — бесцельно растрачивать средства, воюя друг с другом на пустом месте. А ты знаешь, что корпорации шага не ступят, если это не сулит им прибыли.

— Так почему они перестали стрелять?

— Потому что дальнейшая перестрелка уже ничего бы не дала, — закончила Слай свои объяснения. — Они тут же отозвали свои армии, все свои огневые средства. — Она покачала головой. — Я не люблю корпорации, но, право, в их рациональном подходе что-то есть.

Коршун медленно кивнул. Слай видела, что он пытается переварить услышанное. Наконец лицо его смягчилось, и он улыбнулся:

— Ну, вот и все?

— Вот и все.

* * *

Они возвращались назад в мотель. А почему бы и нет? Ведь никто не знал, что это их пристанище, — да и какое это сейчас имело значение? Все кончилось! Какого черта, им нужно где-то прийти в себя, решить, что делать дальше.

Коршун вел «коллоуэй», а Мэри следовала за ними на чужом мотоцикле. А может быть, этот мотоцикл теперь принадлежал ей. Его прежний владелец — бармен — был мертв. Коршун настоял, чтобы они захватили снайперскую винтовку; он не сказал, как она ему досталась, а Слай не спрашивала. Скоро у них будет предостаточно времени рассказывать друг другу небылицы. Слай волновалась, что Коршуну не удастся пронести в номер мотеля оружие, но Мэри обещала это устроить. Слай не понимала, как девушке это удалось, но даже когда Коршун прошествовал мимо уборщицы с винтовкой на плече, та не обратила внимания. «Надо будет разузнать побольше об этих магических штучках», — подумала Слай. Сейчас Коршун лежал на кровати, а винтовка — рядом с ним, как будто юноша не хотел убирать ее далеко, чтобы всегда можно было дотянуться до оружия. Они устроились поудобнее, каждый со стаканом хорошего виски — Мэри принесла бутылку и объявила, что праздник надо отметить. Слай рассказывала о своей вылазке в Матрицу. Она с удивлением обнаружила, что содрогается, вспоминая свое сражение с черным льдом класса «голем». Слай поняла, что ей обеспечена новая серия ночных кошмаров. Она знала это по прошлому опыту, когда просыпалась среди ночи от собственного крика.

Она закончила свой рассказ, и Коршун медленно покачал головой.

— Так что же, — спросил он с сомнением в голосе, — никому мы уже не нужны?

Слай улыбнулась:

— Корпорации удовлетворены… если это правильное слово, — пояснила она. — Снова идет игра по правилам. Все получили результаты исследований «Яматецу». Нет никого, кто оказался бы в критическом состоянии. Сейчас незачем вести войну.

— Война корпораций закончилась? — настаивал Коршун.

— Закончилась, — уверила его Слай. — Я уже говорила, что сейчас это никому не выгодно. Все работают, как обычно. — Она усмехнулась. — Не сомневаюсь, все попытаются усовершенствовать технологию. Но все начнут с одной точки, ни у кого не будет преимущества. — Она пожала плечами. — Наверное, снова будет восстановлена конвенция «Цюрих-Орбитал», с некоторыми изменениями, и Корпоративный суд приобретет прежнее влияние.

— Правительство Сиу чистит конюшню, — вставила Мэри. — Я кое-что слышала, когда ходила за виски. Они закрывают ОВР, и…

Дверь номера слетела с петель. В ушах у Слай еще звенело от взрыва, когда она увидела человека, стоявшего в дверном проеме, его массивную фигуру в тяжелой броне, в большом шлеме, закрывающем голову. Прозрачный лицевой щиток был опущен, но она ясно видела лицо.

Лезвие Ножа.

Слай схватила револьвер. Краем глаза она видела, как Мэри бросилась под ненадежное прикрытие одной из кроватей. Коршун не прятался — он тянулся к своей снайперской винтовке.

Лезвие Ножа поднял свою штурмовую винтовку, нажал на курок и выпустил короткую очередь. Коршун вскрикнул: пули впились в его тело — и от удара скатился с кровати. Все еще вцепившись в свое ружье, он рухнул на пол лицом вниз, недвижимый среди быстро расплывающейся лужи крови.

Слай вскинула пистолет и дважды выстрелила. Пули звякнули о тяжелую броню, не причинив нападающему никакого вреда.

— Проклятая стерва! — заорал он. — Это все твоя дерьмовая работа! — Лезвие перевел ствол винтовки на Слай.

Она беспомощно глядела на дуло. Ну надо же! Как нелепо! Казалось, время почти прекратило свой ход и все происходит как в замедленной съемке. Инстинктивно Слай попыталась броситься в сторону. Ощутила напряжение мышц, почувствовала, как переносится вес тела, пока она кренится вправо. Слишком поздно, слишком медленно. Только мысль бешено работала. Слай видела, как палец индейского раннера белеет от напряжения, нажимая на курок. «Мне крышка», — подумала Слай, и тут услышала собственный крик — голос был слишком громким и низким, как с медленно движущейся магнитной ленты:

— Не-е-ет!

Грохнул выстрел.

Слай видела, как на груди раннера медленно-медленно появилась вмятина от удара, видела, как в месте попадания вспыхнул огненный шар, как разваливается грудь, прожигаемая насквозь. Видела, как из спины вылетает огромный кусок крови и плоти вперемешку с горящим, расплавленным металлом.

Винтовка раннера вскинулась вверх, и в агонии он судорожно нажал на курок. Длинная очередь вонзилась в потолок. Отдача нарушила равновесие Лезвия Ножа, и он упал — медленно, тяжело, как подрубленное дерево.

Слай все еще падала со стула на правый бок и уже не могла

остановиться. Все еще как в замедленном кино, она увидела Коршуна. Он как-то умудрился приподняться на локтях и выстрелить. Он глядел на поверженного раннера — открыв рот, с глазами, полными боли, и лицом, бледным от болевого шока и потери крови. Слай видела, как парень снова тяжело рухнул на пол.

Слай сильно ударилась об пол, у нее перехватило дыхание, и время снова пошло в обычном темпе.

Задыхаясь, она заставила себя встать на ноги. Комната была похожа на бойню. В воздухе плыл сладкий, тошнотворный запах крови, вонь испражнений, бездымного пороха, горячего металла.

Из-за кровати показалась голова Мэри. Взглянув на то, что осталось от Лезвия Ножа, девушка побледнела.

— Сделай что-нибудь для Коршуна, — шепотом приказала Слай, и Мэри бросилась к юноше.

Слай окинула взглядом разгромленную комнату. Вдали уже слышались завывания приближающихся полицейских сирен.

— Ну, теперь уже действительно все, — прошептала она.

ЭПИЛОГ

20 мая 2054 года, 14.30

Полуденное солнце сияло на безоблачном небе, и мягкие волны Карибского моря разбивали золотой свет на сверкающие блики. Не будь ветерка, стояла бы смертельная жара. Но с востока, с островов, дул легкий бриз, донося до яхты сладостно-свежий аромат тропических цветов и зеленых лесов. Яхта длиной в четырнадцать метров под названием *«Из тени»* легко покачивалась на якоре, в километре от западного побережья острова Сент-Люсия.

Шерон Янг сидела на верхнем мостике, откинувшись в удобном кресле: большая шляпа с широкими полями закрывала ее от палящих лучей солнца. От загара кожа Шерон Янг приобрела глубокий красно-коричневый оттенок. Капельки пота стекали по ее телу, и пояс небесно-голубых трусиков (бюстгальтеры она презирала) уже слегка потемнел. На поручне, в пределах досягаемости, стоял большой бокал джина с тоником — превосходный джин, самый лучший, какой только можно отыскать на Антильских островах. На столике рядом с креслом лежал бинокль — на случай, если бы Шерон Янг захотелось взглянуть на другие яхты, стоящие на якоре в заливе, или рассмотреть массивную гору, которая, как уверяла карта, называлась Грос-Питон.

Слай вздохнула. Уже два месяца, как она жила на борту яхты и совершала медленный, почти бесцельный круиз вдоль островов Карибской Лиги. Ее путешествие проходило легко, без забот и хлопот. Она останавливалась где хотела, иногда сходила на берег, а иногда просто валялась на палубе яхты. На борту был достаточный запас пресной воды и провизии, позволявший оставаться в море почти три недели. Ей нравилась такая жизнь.

Ее рука легла на поручень из полированного тика. *«Моя яхта!..»* Ей с трудом в это верилось, даже через два месяца.

После сражения в комнате мотеля, после гибели Лезвия Ножа, ей, Коршуну и Мэри пришлось укрыться в тени в Чиенне. Мэри не отходила от постели Коршуна почти две недели, пока магия и медицина не вернули молодого шамана почти с того света. Все это время Слай по нескольку часов в день исследовала чиеннский участок Матрицы, просто анализируя состояние вещей, — просматривала новости в базах данных, следила за активностью мегакорпораций в стране Сиу и по всему свету. Конечно, она никогда не пыталась взломать какие-либо защищенные данные и даже близко не подходила ни к чему,

связанному с обороной Сиу или с Корпоративным судом.

Война корпораций закончилась — все признаки конфликта исчезли, как будто его вовсе не бывало. Это стало ясно сразу же, как только Слай начала следить за активностью в сети, но ей понадобилось несколько дней, чтобы окончательно в этом убедиться. Были намеки на перевод средств между корпорациями — несомненно, в качестве компенсации за «ущерб» — за погибший персонал и оборудование, разрушенное в ходе конфликта. (Ей пришло в голову: «А что бы подумали об этом погибшие солдаты?») Видимо, направлял эти платежи Корпоративный суд, а проводились они через банк «Цюрих-Орбитал». Не значило ли это, что Корпоративный суд снова все контролирует? Дела пошли как обычно…

Труднее было уловить следы маневров в военном и гражданском аппаратах управления Сиу, но со временем ей удалось выловить кое-какие «косвенные свидетельства», позволяющие разобраться в происходящем. Особой тревоги они не вызывали. Похоже, Мэри оказалась права: в военных кругах Сиу прошла большая чистка. Службе военной разведки устроили хорошее кровопускание — на бюрократическом языке это называлось «структурными преобразованиями». Большая часть крупных фигур в ОВР была переведена в другие области военного комплекса, но некоторые, включая и главу службы Шейлу Волффренд, просто исчезли. Кое-кого из военных отправили в отставку, и все. И здесь дела пошли своим чередом.

Ближе к началу выздоровления Коршуна Слай набралась храбрости и пробежалась по Матрице Сиэтла. Там тоже дела шли по-прежнему, никаких изменений, все выглядело так, будто никакой войны корпораций и в помине не было. Она решила проверить свои персональные записи — просто чтобы выяснить, не связывает ли кто-нибудь ее особу с событиями в Сиу.

И сразу же обнаружила, что для *кого-то* это было ясно. Сейчас Шерон Луиза Янг имела счет в «Объединенном цюрихском банке». Счет, на котором лежала сумма с семью нулями. Счет, действующий на всей планете и свободный от любых налогов и сборов налогового управления ЮКАС.

Обнаружив это, Слай в панике тут же выключилась из сети. «Ловушка? Кто-то ждет, когда я высунусь из тени, чтобы тут же спустить на меня всех собак…»

Но затем она вернулась и исследовала эту информацию самым тщательным образом. Вокруг счета не было ловушек или следов чьего-либо присутствия. Ничего, кроме естественных мер безопасности самого банка. Никто из декеров не следил за доступом к счету. Используя различные меры предосторожности и

прикрытия, она попыталась отозвать часть средств, перевести их на анонимный счет в банк «Каспер», в страну Сиу. Никаких проблем. Перечисление было проведено даже быстрее, чем обычно, — без сомнения, в банке «Каспер» все подпрыгнули от удивления, когда увидели, откуда пришли деньги.

На следующий день по электронной почте пришло сообщение. Не на какую-либо из компаний, использованной ею для прикрытия, а прямо на ее кибердек. Адресованное Шерон Луизе Янг. От совета директоров банка «Цюрих-Орбитал». Получив его, Слай вздрогнула и покрылась испариной — *как они смогли так просто выследить ее?* — и прочла текст.

Это был баланс счета с зачислением средств за оказанные услуги, утвержденный самим Корпоративным судом. Не указывалось, о каких услугах шла речь, но Слай не пришлось теряться в догадках. За предотвращение войны корпораций, конечно. За то, что все смогли забыть о погибших и возвратиться к привычным занятиям — выколачиванию прибылей.

Сообщение кончалось предложением, что нет необходимости выражать благодарность Корпоративному суду либо как-то обсуждать этот вопрос. Другими словами, получи свои деньги, помалкивай и не путайся под ногами. Прекрасная идея.

Итак, Шерон Луиза Янг — уже не Слай — была в отставке, долгожданной и заслуженной.

Однако, хоть Слай и боялась себе в этом признаться, такая жизнь начинала ей надоедать. Она оставила Коршуна и Мэри в Чиенне — конечно, отвалив каждому по солидному куску от полученных средств, оставила далеко позади свою прежнюю жизнь и теневые дела. Но…

Вы можете извлечь раннера из тени, но очень трудно извлечь привычку к тени из раннера — или что-то в этом роде.

Слай вздохнула, выпила остатки джина и спустилась к себе в каюту.

На яхте была установлена современная компьютерная система, связанная со спутником. Конечно, Слай сама проверила каждый винтик, каждый проводок. Это было первое из многих новшеств, которыми она снабдила свою элегантную яхту. Усевшись перед клавиатурой, не глядя на нее, Слай вызвала на экран список сообщений, полученных сегодня по электронной почте.

Пришло единственное сообщение, без номера отправителя.

Раздосадованная, она запустила программу автоматического поиска. Нет проблем. Отправитель (или отправительница) спрятал свой номер, но не слишком глубоко — так, будто хотел, чтобы Слай при желании могла определить его.

Экран начал заполняться текстом, и Спай, улыбнувшись, откинулась в кресле.

Сообщение пришло из Чиенна — от Коршуна, и, прочитав его, Слай усмехнулась.

Было видно, что готовилась действительно горячая операция. Начиналась она в Чиенне, но могла докатиться и до ЮКАС, и до Сиэтла. Коршун собирал команду, и оставалась одна вакансия — для опытного декера. Если у леди появится возможность выкроить время в своей напряженной программе, то не будет ли она столь любезна рассмотреть это предложение?

Слай медленно покачала головой. «Я ведь в отставке», — сказала она себе.

Но потом ей пришла в голову другая идея. Отставка не означает, что ты вовсе ничего не делаешь, — она дает тебе возможность заниматься тем, чем хочешь. А это совсем другое дело.

Слай широко улыбнулась. А что — может, попробовать? Интересно, какая сейчас погода в Чиенне?

notes

Примечания

1

Декер — компьютерщик, хакер, выполняющий различные, как правило, сомнительные операции в глобальной компьютерной сети — Матрице.

2

Кибердек, дек — переносной компьютер.

З

Лукавый, хитрый, тайный *(англ.)*.

4

Пьюрити, Редмонд-Барренс — города-спутники Сиэтла. Ко времени действия романа они вошли в состав гигантского мегаполиса и стали его частью.

5

Пуаллуп — район Сиэтла.

6

Раннер — человек, выполняющий по закону грязную работу, работу «в тени».

7

Кокни — жители одного из районов Лондона, Ист-Энда. Говорить «с акцентом кокни» или «будто настоящий кокни» означает принадлежность к низшим слоям английского общества.

8

Орк — термин, введенный писателем Толкиеном. Означает злодея, гоблина. Здесь: уличный бандит.

9

«Арес предатор» — марка пистолета *(фант.)*

10

Возбуждающее наркотическое вещество, стимулирующее работу центральной нервной системы.

11

Речь идет об одной из улиц Сиэтла, которая носит название Бродвей. Так называются улицы во многих городах США, а не только в Нью-Йорке.

12

ЮКАС (UCAS) — сокращенное название одного из государств, на которые распались США *(Примеч. пер.)*.

13

АК-97 — речь идет об автомате Калашникова. Видимо, к 2059 году — если верить автору романа — будет разработана уже девяносто седьмая его модель. *(Примеч. ред.)*

14

Алгонкин-Маниту — название одного из североамериканских индейских племен. Здесь: одно из государств, которое входит в Корпоративный Совет Пуэбло, индейскую конфедерацию.